

СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЕНІЯ *).

Пятый вѣкъ одинъ изъ самыхъ смутныхъ и печальныхъ для римской имперіи; этотъ вѣкъ для нея былъ роковымъ: въ концѣ его, въ 476 году, она прекратила свое историческое существо-

*) При написаніи сочиненія авторъ имѣлъ подъ руками:

Творенія св. Льва по изданію Migne, *Patrologiae cursus completus ser. lat.* LIV—LVI. Paris 1846.

Du-Pin, *Nouvelle bibliotheque des auteurs ecclesiastiques* и пр. Mous M. D. CLXXXXI (1691) т. IV.

Ceillier, *Histoire générale des auteurs sacrés et ecclesiastiques*. Paris M. D. CCLVII (1747) т. XIV.

Tillemont, *Memoires pour servir a l'histoire ecclesiastique de VI premiers siecles*, т. XV. Paris. 1710.

Arendt, *Leo der Grosse und seine Zeit*. Mainz. 1835.

Perthel, *Papst Leo's I Leben und Lehren*. Iena. 1843.

Böhringer, *Die Väter des Pabsthums. Leo I und Gregor I*. Stuttgart 1879 (составляетъ XII томъ его *Die Kirche Christi und ihre Zeugen*).

Bowers, *Unpartheische Historie der Romischen Päpste*. Magdeburg und Leipzig. 1752. Th. II.

Langen, *Geschichte der Romischen Kirche von Leo I bis Nicolaus I*. Bonn. 1885.

Saint-Cheron, *Histoire du pontificat de Saint Leon-le-Grand et de son siècle*. Paris. 1846. 2 fol.

Bertani *Vita di S. Leone Magno*. Monza 1881 (трудъ не научный).

Gore, *Leo the Great*. London (годъ не названъ, трудъ тоже не научный).

Hefele, *Conciliengeschichte* (первое изданіе).

Walch, *Entwurf einer Historie der Ketzereien, Spaltungen und Religionstr. bis auf die Zeiten d. Reform*. Leipzig 1762—85.

Thury, *Nestorius et Entiches*. Paris. 1872.

Дѣянія святыхъ вселенскихъ соборовъ (изданіе Казанской Духовн. Академіи).

Лебедевъ. Вселенскіе соборы IV и V в.в.

Делицинъ, св. Левъ Великій. Москва. 1847 г.

Пѣвницкій, св. Левъ Великій, какъ проповѣдникъ. (Труды Кіевской Духовной Академіи 1870, I).

Системы церковной исторіи: Schröckh (1768 и дал.), Neander (1866), Gieseler (1831), Kurtz (1853) и др.

ваніе. Римская имперія давно уже страдала многими неизлечимыми недугами, которые и привели ее къ гибели. Θεодосій I, который своимъ талантомъ поддержалъ на время блескъ римской имперіи, раздѣлилъ ее послѣ своей смерти между своими сыновьями: Аркадіемъ, которому достался востокъ, и Гонорію, которому достался западъ. Западъ и востокъ и прежде этого не были особенно мирно настроены. Теперь малѣйшая непріязнь могла вызвать раздѣленіе Греко-римской имперіи на два самостоятельныхъ государства. Родственная связь между правителями, которая, въ сущности, теперь одна только соединяла половины имперіи, конечно, была слишкомъ слабымъ связующимъ началомъ. Между тѣмъ крѣпкая связь была необходима въ виду множества враговъ, которые постоянно стали нападать на Греко-римскую имперію.

Самыя большія бѣдствія Греко-Римская имперія потерпѣла отъ Готовъ, Гунновъ и Вандаловъ, которые одни за другими не переставали тревожить ее въ продолженіи всей первой половины V вѣка.

Поселившись въ предѣлахъ Греко-Римской имперіи, по рѣкѣ Дунаю, въ качествѣ мирныхъ подданныхъ, Готы въ скоромъ времени возстали противъ правительства. Вымогательства, которыя они терпѣли отъ Византійскихъ чиновниковъ, были причиною сильной ненависти Готовъ къ Грекамъ и Римлянамъ. Въ концѣ IV вѣка у нихъ явился даровитый вождь въ лицѣ Алариха, соединившаго всѣ Вестъ-Готскія племена подъ своей властію. Аларихъ прошелъ со своими войсками весь Иллирикъ, пока въ Пелопонезѣ не попалъ въ засаду, устроенную ему знаменитымъ римскимъ полководцемъ Стилихономъ. Счастливый случай помогъ Алариху выйти изъ засады и онъ отправился назадъ. Византійское правительство было такъ напугано этимъ страшнымъ нашествіемъ, что сдѣлало Алариха главнокомандующимъ всей Иллирии, и фактически отдало ему въ руки все то, что онъ завоевалъ.

Эта удача побудила Алариха тоже самое, что онъ сдѣлалъ съ Иллиріей, сдѣлать и съ Италіей. Правительство въ Италіи было также ничтожно, какъ и въ Византіи, между тѣмъ какъ въ Италіи было еще болѣе богатствъ, чѣмъ въ Иллирии. Этотъ

походъ не былъ удаченъ. Аларихъ былъ нѣсколько разъ разбитъ и удалился опять въ Иллирію ждать болѣе удобнаго случая. Случай этотъ скоро представился. Знаменитый Стилихонъ, поддерживавшій своимъ геніемъ увядающее величіе Рима, былъ обвиненъ своими завистниками предъ императоромъ Гоноріемъ въ сношеніяхъ съ врагомъ имперіи Аларихомъ, съ цѣлью достигнуть императорской власти въ Италіи. Императоръ Гонорій повѣрилъ этимъ навѣтамъ и Стилихонъ былъ предательски убитъ на порогѣ церкви, гдѣ онъ надѣялся найти себѣ спасеніе. Аларихъ не замедлилъ посориться съ Римскимъ правительствомъ и двинулся въ Италію. Безъ особеннаго сопротивленія онъ дошелъ до Рима. На этотъ разъ, впрочемъ, Римъ не былъ взятъ; Аларихъ удовольствовался огромнымъ выкупомъ. Начались мирные переговоры съ императоромъ Гоноріемъ, которые ни къ чему не привели и Аларихъ, раздраженный упорствомъ Гонорія, рѣшилъ взять Римъ. Римъ былъ взятъ и подвергся всѣмъ ужасамъ хозяйничанья въ немъ дикарей. Во время этого похода Аларихъ умеръ и Готы удалились изъ Италіи. Преемникъ Алариха Атаульфъ женился на сестрѣ Гонорія, захваченной въ плѣнъ при взятіи Рима, и заключилъ съ Гоноріемъ миръ.

Нашествія Алариха на обѣ половины Греко-Римской имперіи, которыя управлялись отдѣльно одна отъ другой, безъ взаимной помощи, достаточно ясно показываютъ всю слабость, чтобы не сказать неспособность, Греко-римской имперіи къ отраженію воинственныхъ варваровъ, обрушившихся на нее въ V вѣкѣ. Дальнѣйшія событія еще болѣе подтверждаютъ это.

Въ тридцатыхъ годахъ V вѣка западная половина имперіи лишилась богатой Африки. Дѣло было такъ. Правитель Африки Бонифацій, человекъ честный, даровитый, другъ блаж. Августина, былъ обвиненъ своимъ соперникомъ Аэціемъ при императорскомъ дворѣ въ томъ, будто онъ замышляетъ отложить отъ имперіи. Императрица Плацидія, управлявшая за малолѣтствомъ своего сына Валентиніана III, повѣрила этому и вызвала его въ Равенну, гдѣ со времени Гонорія была императорская резиденція. Хорошо понимая, что этотъ вызовъ къ двору долженъ кончиться очень дурно, Бонифацій счелъ болѣе

выгоднымъ для себя дѣйствительно отложиться. Онъ обратился къ Гейзериху, Вандальскому вождю и предложилъ ему треть африканскихъ земель въ награду за помощь противъ Римскаго правительства. Гейзерихъ согласился и съ огромными полчищами переправился въ Африку. Между тѣмъ Бонифацій, благодаря своимъ друзьямъ, оправдался предъ дворомъ и былъ прощенъ. Но уже было поздно. Гейзерихъ, вмѣсто помощи Бонифацію, долженъ былъ воевать съ нимъ. Послѣ четырнадцатимѣсячной осады Гайзерихомъ Иппона, Бонифацій, отчаявшись въ спасеніи Африки, отправился въ Равенну. Императрица приняла его милостиво и возвратила ему полное довѣріе. Аэцій, узнавши о такомъ приѣмѣ Бонифація со стороны императрицы, понялъ, что онъ очутился въ томъ самомъ положеніи, которое приготовилъ было Бонифацію и, въ свою очередь, поднялъ мятежь. Въ это время онъ былъ въ Галліи, около Арелата. Бонифацій долженъ былъ его усмирять. Аэцій былъ разбитъ Бонифаціемъ, но эта побѣда стоила Бонифацію жизни. Аэцій бѣжалъ къ Гуннамъ.

Внѣшнія бѣдствія какъ бы нарочно преслѣдовали разрушающуюся римскую имперію. Въ 50 годахъ Западная имперія подверглась страшному нашествію Аттилы. Разбитый возвратившимся опять въ отечество Аэціемъ въ знаменитой битвѣ на Каталоунскихъ поляхъ, Аттила явился въ верхней Италіи и сильно опустошилъ ее. Только подарки и разныя неблагопріятныя обстоятельства помѣшали ему опустошить и остальную Италію.

Не успѣла несчастная Италія поправиться отъ этого страшнаго несчастія, какъ ее постигло другое. Вдова убитаго вельможей Максимомъ, Валентиніана III, принужденная противъ своей воли выйти замужъ за убійцу своего мужа, обратилась за помощью къ Гейзериху. Гейзерихъ не замедлилъ исполнить ея просьбу, явился въ Италію, взялъ Римъ и увелъ въ качествѣ плѣнницы саму императрицу съ ея двумя дочерьми.

Послѣ смерти Валентиніана Третьяго престолъ въ западной половинѣ Римской имперіи долго представлялъ изъ себя игрушку иноземцевъ, пока Одсакръ не свергнулъ послѣдняго Римскаго Императора Ромула Августула и объявилъ себя государемъ Италіи (476 г.), или точнѣе „Германцевъ въ Италіи“.

Греко-Римская имперія страдала не отъ одного только раз-

дѣленія Θεодосіемъ I на двѣ половины и не отъ однихъ только варварскихъ нашествій; она и безъ того уже давно страдала отъ тяжелыхъ и неизлечимыхъ недуговъ, которые и безъ того привели бы ее къ гибели.

Раздѣленіе Θεодосіемъ Великимъ Греко-Римской имперіи на двѣ половины между двумя его сыновьями, какъ мы замѣтили выше, было вмѣстѣ и отдѣленіемъ другъ отъ друга двухъ враждебно настроенныхъ народовъ: Грековъ и Римлянъ. Это было началомъ другихъ отдѣленій. Такъ въ первой половинѣ V вѣка отдѣлились Африка, Галлія и Испанія. Римская имперія, какъ мы видѣли, не могла сопротивляться силѣ варварскихъ нашествій. Правительство было слабо и не могло объединить и крѣпко сплотить разнородные элементы государства; а завоеванныя провинціи не чувствовали большой потери отъ того, что они мѣняють одну худую администрацію на другую и одно рабство на другое. Въ лицѣ Рима завоеванныя провинціи ничего не теряли. Отсутствие національнаго единства, слабость центральной власти и испорченность администраціи дѣлали римскую имперію легкой добычей варваровъ.

Испорченность административнаго строя Западной римской имперіи была причиною того, что многія гражданскія должности отданы были духовенству. Христіанство, возведенное Константиномъ Великимъ съ эшафота на тронъ, замѣнило собой для Греко-Римской имперіи язычество, стало на его мѣсто и получило его права. Исповѣданіе религіи государства было въ древнемъ мірѣ обязательно для гражданина; религія была обязательнымъ для всѣхъ государственнымъ установленіемъ. Древній міръ не имѣлъ понятія о вѣротерпимости, о свободѣ совѣсти. Этими языческими преданіями вполне объясняется то обстоятельство, что вслѣдъ за эдиктомъ 313 года, которымъ св. Константинъ объявилъ вѣротерпимость какъ въ отношеніи къ христіанству, такъ и въ отношеніи къ язычеству, вскорѣ, при ближайшихъ его преемникахъ, послѣдовали эдикты, объявляющіе язычество государственнымъ преступленіемъ. Христіанскіе императоры стали поступать съ язычествомъ точно также, какъ язычество прежде эдикта 313 года поступало съ христіанствомъ.

Эти языческія преданія, способствовавшія вліянію христіанства на государственныя дѣла, особенно были сильны въ Римѣ. Римскій епископъ въ значительной степени обязанъ своему возвышенію надъ всѣми епископами Запада именно этимъ языческимъ преданіямъ. Римъ былъ въ глазахъ всего Запада городомъ, куда всѣ обращались за всякаго рода дѣлами, которыхъ нельзя было рѣшить въ провинціи. Это-же, по старой привычкѣ, стали дѣлать и въ церковныхъ дѣлахъ. По всякимъ недоумѣніямъ, сомнѣніямъ обращались въ Римъ, къ римскому епископу. Этому возвышенію Рима не мало способствовало и то обстоятельство, что Римъ на Западѣ былъ единственнымъ городомъ; гдѣ проповѣдали апостолы Петръ и Павелъ, былъ единственнымъ городомъ, гдѣ хранилось апостольское преданіе. Римъ, кромѣ того, былъ богатѣйшимъ городомъ въ мірѣ и римская христіанская община принадлежала къ одной изъ самыхъ богатыхъ не только на Западѣ, но, пожалуй, во всемъ тогдашнемъ мірѣ. Всѣ эти обстоятельства естественно возвышали римскаго епископа изъ ряда другихъ, давали ему больше значенія въ рѣшеніи общецерковныхъ дѣлъ. Римскіе епископы понимали свое положеніе и всѣми мѣрами старались поддерживать авторитетъ своей кафедрѣ. Это ясно видно изъ притязаній папы Виктора во время спора съ восточными епископами о времени Пасхи, когда онъ требовалъ отъ другихъ соблюденія римской практики, и изъ притязаній папы Стефана, когда онъ, въ спорѣ съ Кипріаномъ о крещеніи еретиковъ, обратился къ нему съ такимъ же требованіемъ.

Борьба съ ересями, начиная съ IV вѣка, много способствовала возвышенію римской кафедрѣ. Дѣятельность папы Юлія, послѣ перваго вселенскаго собора, Целестина, во время третьяго, были на глазахъ у всѣхъ; авторитетъ римской кафедрѣ признавали всѣ. Сардикійскій соборъ 347 года далъ римскому епископу Юлію право принимать апелляціи на осужденныхъ епископовъ. Это опредѣленіе вызвано смутнымъ состояніемъ дѣлъ послѣ перваго вселенскаго собора и, конечно, имѣло только временное значеніе. Но послѣдующіе римскіе епископы стали пользоваться имъ и послѣ того, какъ прекратились арианскіе споры и, при томъ, не какъ правилами помѣстнаго Сар-

дикійскаго собора, какъ правилами перваго вселенскаго собора (Gieseler, I, 5, 21—2).

Къ началу V вѣка римскіе епископы чувствовали себя настолько авторитетными, что заявляли притязанія на господство надъ всей западной церковью. Это, какъ увидимъ вполнѣ, далеко не всегда имъ удавалось, но во всякомъ случаѣ римскіе епископы были убѣждены въ своихъ правахъ и твердо шли къ цѣли. Смутныя политическія обстоятельства Запада, заставлявшія всѣхъ обращать свои взоры къ Риму, много помогли римскимъ епископамъ въ достиженіи ихъ цѣлей. Правительство, не могшее сдерживать отдѣляющіяся народности, и общество, волнуемое постоянными смутами, видѣли въ церковномъ объединеніи подъ юрисдикціей римскаго епископа залогъ единенія политическаго и стояли за его притязанія.

Вообще во всей Западной имперіи росло сознаніе, что римскій епископъ есть средоточіе всей западной церкви. Величайшимъ свѣтиламъ западной церкви, св. Кипріану Картагенскому, св. Амвросію Медиоланскому, Оптату Милевійскому и блаженному Августину обща мысль, что римскій епископъ хранитель апостольскаго преданія, преемникъ апостоловъ и римская церковь есть первая церковь (*ecclesia primipolis*), отъ которой получило начало единство священства (*unum deum sacerdotium exortum est. Cypriani Ep. XV*). Это даетъ римскому епископу право на первое мѣсто между епископами (разумеется, главнымъ образомъ Западной церкви). Но это, впрочемъ, не значитъ, что ему должно подчиняться во всѣхъ случаяхъ. „Церковь римская такая-же, какъ и другія... міръ больше, чѣмъ Римъ (*orbis major est urbe*). Епископы другихъ городовъ, будь то Римъ, Константинополь, Регіумъ или Александрія имѣютъ одно и то же достоинство, одно и то же епископство (*eiusdem meriti eiusdem est et sacerdotii*)... всѣ они преемники апостоловъ (*Hieron. Ep. CXLVI, I*). Изъ всѣхъ этихъ выраженій видно, что приматство римскаго престола понималось тогда совсѣмъ не въ такомъ смыслѣ, какъ понимаютъ его теперь римскіе папы.

Но тѣмъ не менѣе римскіе епископы, въ томъ числѣ и св.

Левъ, считали долгомъ поддерживать авторитетъ своей катедры и часто шли далѣе, чѣмъ слѣдуетъ. По крайней мѣрѣ св. Лву удалось на столько возвысить авторитетъ римской катедры, что его считаютъ—„первымъ папой“. Запутанное состояніе церковныхъ дѣлъ въ Западной имперіи съ одной стороны, евтихіанскіе споры въ Восточной имперіи съ другой—способствовали св. Лву въ значительной мѣрѣ въ этомъ дѣлѣ. Но обратимся къ разсказу!

Дѣятельность св. Льва до посвященія въ санъ римскаго епископа.

Относительно дѣтства и юности свят. Льва сохранилось очень мало свѣдѣній. Неизвѣстно даже съ достовѣрностію мѣсто рожденія его. Въ Liber pontificalis (у Migne, т. СХХVIII) говорится, что онъ родился въ Тусціи и отца его звали Квинтиліаномъ. Но не всѣ вѣрятъ этому сообщенію. Кенель (Migne, LV, 183—185) думаетъ, что мѣстомъ его рожденія былъ Римъ. Основанія для этого предположенія слѣдующія: а) въ хроникѣ Проспера Аквитанскаго подъ 439 г. сказано: „діаконъ Левъ, приглашенный общественнымъ посольствомъ и представленный радующемуся отечеству (gaudenti patriae), ставится епископомъ Римской церкви“; б) въ Ер. XXXI с. 4, говоря о причинахъ, почему онъ не будетъ присутствовать на Ефесскомъ соборѣ 449 года, Левъ, между прочимъ, указываетъ на то, что онъ не можетъ оставить „отечество“ (patriam) и апостольскій престолъ вслѣдствіе церковныхъ дѣлъ. Подъ словомъ „отечество“ Кенель въ томъ и другомъ случаяхъ разумѣетъ Римъ. Но подъ „отечествомъ“ можно разумѣть не только Римъ, но вообще Италію или точнѣе „*loci suburbicaria*“—10 провинцій находящихся подъ юрисдикціей римскаго епископа, между которыми была и Тусція. Правда въ двухъ манускриптахъ (Regius et Masarinus) liber pontificalis вмѣсто *natione Tuscus* читается „*natione Romanus*“; но эти рукописи сравнительно поздняго происхожденія и можно думать, что поправка сдѣла-

на намѣренно, съ цѣлію приурочить мѣсто рожденія знаменитаго папы къ городу Риму (Perthel—стр. 10).

О дѣтствѣ и юности св. Льва извѣстно столь-же мало, какъ и о мѣстѣ его рожденія. Но во всякомъ случаѣ, на основаніи его дѣятельности въ качествѣ церковнаго администратора, проповѣдника и обличителя ересей, нужно признать за достовѣрное, что св. Левъ получилъ хорошее по тому времени образование. „Юность его протекла не бесплодно“. Можно думать (и не безъ основанія), что мѣстомъ его образованія былъ „городъ“ Римъ, гдѣ онъ и началъ свое служеніе съ низшихъ ступеней клира при кафедральной церкви, которою въ это время, вѣроятно, была Латеранская базилика (Migne, LV, 186). О его служеніи въ низшихъ степеняхъ клира извѣстно не много. Но есть нѣкоторые факты, на основаніи которыхъ можно думать, что св. Левъ по своему образованію, уму былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся членовъ клира и пользовался большимъ уваженіемъ и вліяніемъ у епископовъ Целестина и Сикста ¹⁾. Такъ въ послѣдніе годы епископства Целестина (вѣроятно около 430—432) къ нему обратился св. Кириллъ Александрійскій съ письмомъ, въ которомъ просилъ его содѣйствія и ходатайства передъ папой Целестиномъ. Ходатайство и содѣйствіе это должно было заключаться въ томъ, чтобы Целестинъ воспрепятствовалъ съ своей стороны притязаніямъ (*insolentes ausus*) Ювеналія Іерусалимскаго на главенство надъ палестинскими епископами. Этотъ фактъ, сообщенный самимъ св. Львомъ (Ер. СХІХ, 4), показываетъ, что слава о немъ, о его умѣ и вліяніи была распространена далеко за предѣлами

¹⁾ Имя Льва упоминается еще при предшественникѣ Целестина Зосимѣ, въ 418 году, въ 104 письмѣ бл. Августина. Не извѣстно только былъ-ли это тотъ Левъ, который впоследствии сталъ знаменитымъ римскимъ епископомъ. Дѣло было такъ. Въ 418, акадоуъ Левъ былъ посланъ папою Зосимою въ Карфагенъ съ порученіемъ отъ папы Зосимы относительно Пелагіанскихъ споровъ въ Африкѣ. Съ нимъ-же послалъ письмо къ Аврелію, карфагенскому епископу, пресвитеръ Сикстъ, впоследствии преемникъ Зосимы. Объ этомъ письмѣ Сикста къ Аврелію и упоминаетъ бл. Августинъ, называя по имени и того, съ кѣмъ оно было послано. Подлинныя слова:... „*brevissimam epistolam tuam*“ (письмо Сикста къ Аврелію) *quem ad beatissimum senem Aurelium per Leonem acoluthum direxisti...*

Италии. Это вліяніе было осуществлено какъ его выдающимися способностями, такъ и плодотворною дѣятельностію въ пользу церкви.

Особенно занимали св. Льва ереси, сильно волновавшія тогда церковь. На Востокѣ были во всей силѣ несторіанскіе споры, на Западѣ—пелагианскіе.

Можно думать, что еще до 2 вселенскаго собора (вѣроятно около 430—431 г.) св. Левъ побудилъ Іоанна Кассіана писать въ защиту православнаго ученія противъ Несторія. Объ этомъ говоритъ самъ Кассіанъ въ посвященіи св. Лву своего труда: *De incarnatione Christi contra Nestorium*“ въ слѣдующихъ словахъ: „это твое дѣло, твое порученіе, плодъ твоей скромности“ (Migne, LV, 115). То обстоятельство, что св. Левъ не самъ выступилъ съ опроверженіемъ ереси, а поручилъ это Кассіану, объясняется тѣмъ, что Кассіанъ, какъ ученикъ Златоуста, знавшій хорошо положеніе дѣлъ на Востокѣ и пользовавшійся здѣсь извѣстностью ученаго и благочестиваго человѣка, былъ-бы болѣе полезенъ, чѣмъ самъ св. Левъ ¹⁾).

При Сикстѣ (432—440) св. Левъ пользовался не меньшимъ вліяніемъ и значеніемъ, чѣмъ при его предшественникѣ ²⁾. Св. Левъ продолжалъ неутомимо бороться съ господствовавшими тогда ересями, что видно изъ слѣдующаго факта, рассказаннаго Просперомъ въ его „хроникѣ“. Въ это время (439 г.), говоритъ Просперъ, пытался придти въ общеніе съ церковью Юліанъ Екланскій, тщеславнѣйшій приверженецъ Пелагианской ереси, котораго мучило нетерпѣливое желаніе получить утерянное нѣкогда епископство. Съ этою цѣлію онъ, показывая видъ, что

¹⁾ Quesnel въ своей биографіи св. Льва (*Disertatio de vita et rebus gestis S. Leonis Magni*. Migne LV) полагаетъ, что приблизительно въ это время (т. е. въ правленіе Целестина) написаны были св. Львомъ 1) „золотыя книжки“ *De vocatione omnium gentium*; 2) *capitula seu auctoritates sedis apostolicae episcoporum de gratia et libero arbitrio*; 3) *Epistola ad Demetriadem*. Въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ, что эти сочиненія не принадлежатъ св. Лву.

²⁾ Въ актахъ римскаго собора 438 г., гдѣ говорится о святомъ Левѣ, что онъ защищалъ Сикста передъ императоромъ Валентиніаномъ отъ обвиненія со стороны нѣкоего Аниція Басса (*Anitius Bassus*), бывшаго консуломъ, въ безчестіи нанесенномъ монахицѣ.—Кенель полагаетъ, что акты собора до такой степени искажены, что имъ даже трудно вѣрить. Кустанціемъ доказано, что акты этого собора подложны. (Migne LV, 188—192).

исправился, употреблялъ многія средства къ обману. Но Сикстъ папа, убѣжденный діакономъ Львомъ, дѣятельно предупреждалъ эти козни и не далъ возможности осуществиться гибельнымъ попыткамъ. Онъ такимъ образомъ заставилъ ликовать всѣхъ христіанъ по поводу отлученія обманчиваго звѣря (*fallacis bestiae*), какъ будто только тогда апостольскій мечъ отсѣкъ эту надменнѣйшую ересь (Migne, LI, pars secunda 598).

То всеобщее уваженіе, какимъ пользовался св. Левъ при Сикстѣ всего яснѣе показываетъ порученіе данное ему императоромъ Валентиніаномъ III примирить между собою полководцевъ Аэція и Альбина. Вражда Аэція и Альбина, готовая перейти въ междоусобную войну, при тогдашнемъ положеніи западной римской имперіи, угрожаемой отовсюду со стороны варваровъ, могла имѣть очень опасныя послѣдствія. Съ этимъ важнымъ порученіемъ св. Левъ долженъ былъ отправиться „въ далекое путешествіе“—въ Галлію, гдѣ въ это время находились Аэцій и Альбинъ. Св. Левъ вполне оправдалъ возложенное на него порученіе. „Это было его послѣднимъ дѣломъ въ санѣ діакона“. Во время путешествія св. Льва въ Галлію умеръ папа Сикстъ III ¹⁾.

Дѣятельность св. Льва на пользу церкви была настолько велика и всѣмъ извѣстна, что при избраніи новаго епископа. взоры всѣхъ были устремлены на него и онъ единогласно былъ избранъ въ преемники Сикста. Было снаряжено почетное посольство (*legatio publica Prosp. Chr.*) въ Галлію извѣстить св. Льва о павшемъ на него выборѣ въ епископа вѣчнаго города. Спустя около 40 дней послѣ смерти Сикста онъ былъ посвященъ къ общей радости своего отечества (*gaudenti patria*).

Радость „отечества“ была понятна: въ лицѣ св. Льва оно приобрѣло одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей на протяженіи всего V вѣка. Богатыя дарованія св. Льва, получивъ такой обширный кругъ дѣятельности, какой принадлежалъ римскому епископу, имѣли возможность развернуться вполне.

¹⁾ Сикстъ умеръ въ 440 году, по свидѣтельству Проспера въ его хроникѣ, но мѣсяць и день опредѣляютъ различно.

Для удобства обозрѣнія обширной дѣятельности святаго Льва мы раздѣлимъ ее на два большихъ отдѣла: въ первомъ отдѣлѣ мы займемся обозрѣніемъ церковно-правительственной дѣятельности св. Льва, во второмъ—обозрѣніемъ борьбы св. Льва съ ересями.

I.

Церковно-правительственная дѣятельность св. Льва.

а) Иллирійскій викаріатъ.

Есть основанія думать, что подчиненіе Иллиріи апостольскому престолу относится ко времени папы Дамаса (367—384). Папа Дамасъ назначилъ Фессалоникійскаго епископа Ахолія своимъ викаріемъ надъ церквами Иллиріи. Ахолій охотно принялъ это: викаріатство избавляло его отъ необходимости стать въ зависимость отъ константинопольскаго епископа и давало возможность ему подчинить всю Иллирію. Преемники Ахолія видимо не отказывались быть папскими викаріями и папы, въ свою очередь, не оставляли своей политики. Папа Сирицій назначилъ преемникомъ Ахолію Анисія. Иннокентій I (402—417) смотрѣлъ уже на свои отношенія къ Иллиріи, какъ на благопріобрѣтенное право. Но папамъ пришлось встрѣтиться съ оппозиціей иллирійскихъ епископовъ, считавшихъ за болѣе удобное подчиниться константинопольскому епископу, какъ къ близкому и болѣе вліятельному при Византійскомъ дворѣ, чѣмъ Фессалоникійскому митрополиту. Они обратились даже съ просьбою къ Θεодосію II о подчиненіи ихъ епископу новаго Рима. (Въ гражданскомъ отношеніи Иллирія съ 379 г. принадлежала Восточной половинѣ Имперіи). Θεодосій уважилъ ихъ просьбу и въ своемъ едиктѣ (14 іюня 421 г.) объявилъ, что верховное главенство надъ Иллиріей должно принадлежать Константинопольскому епископу. Но папѣ Бонифацію удалось при помощи Западнаго императора Гонорія добиться того, что Θεодосій хотя уничтожилъ силу этого эдикта—новымъ, но не внесъ этотъ послѣдній въ свой извѣстный „Codex Theodosianus“, тогда какъ первый, дающій главенство надъ Иллиріей Констан-

тинопольскому епископу, былъ внесенъ (Gieseler, I, 516—17). Папамъ, поэтому, еще долго приходилось вести борьбу съ епископами, не хотѣвшими подчиняться римскому викарію и тяготѣвшими болѣе къ Константинополю, чѣмъ къ Риму. Сами викаріи не вѣрили въ свою силу, тѣмъ болѣе, что викаріатство не было пожизненнымъ и вновь вступившій папа могъ передать его другому (Tillemont, XV, 432). Поэтому викаріи на первыхъ порахъ обращались къ вновь вступившему папѣ съ просьбою объ утвержденіи. Такъ Анастасій, поставленный викаріемъ Сикстомъ III, обратился по смерти послѣдняго къ св. Леву за утвержденіемъ въ викаріатствѣ. Св. Левъ охотно исполнилъ эту просьбу, „слѣдуя примѣру блаженной памяти Сириція“. При этомъ св. Левъ даетъ Анастасію рядъ наставленій касательно церковной практики и его полномочій, какъ викарія. При избраніи въ епископы, говоритъ онъ, должно обращать главное вниманіе на достоинства избираемаго лица; при этомъ не должно быть ни какихъ интригъ (nihil ambitioni), ни какихъ подкуповъ (nihil redemptis). Должно наблюдать, чтобы избираемы были „мужья одной жены и при томъ, дѣвицы, какъ этого требуетъ самъ божественный законъ“. „Ординація епископовъ должна быть производима митрополитомъ, но съ вѣдома викарія; въ противномъ случаѣ апостольскій престолъ не признаетъ ихъ сана, будетъ считать его „узурпаціей“. Митрополитовъ долженъ посвящать только викарій. Какъ епископы, такъ и священники съ діаконами должны быть посвящаемы въ день воскресный. По приглашенію на соборъ должны всѣ являться; никто не долженъ отказываться, особенно когда извѣстно, что предметомъ соборнаго разсужденія будетъ церковная дисциплина“. При возникшихъ недоразумѣніяхъ должно стараться все уладить мирнымъ путемъ, „чтобы между братьями произрастала одна любовь“. При этомъ менѣе важныя дѣла должны быть рѣшаемы самимъ викаріемъ; о болѣе же важныхъ дѣлахъ должно доносить въ Римъ (Ер. VI отъ 12 Января 444 г.).

Но св. Льва, очевидно, беспокоило состояніе дѣлъ въ Иллиріи. Епископы все продолжали стоять на своемъ, все еще не вполне признавали надъ собой власть викарія апостольскаго пре-

стола. Поэтому св. Левъ вмѣстѣ съ посланіемъ къ Анастасію посылаетъ еще особое посланіе къ „Иллирійскимъ митрополитамъ“. „Всякое увѣщаніе ко спасенію“, говоритъ здѣсь св. Левъ, „приноситъ пользу какъ увѣщающему, такъ и тому кого увѣщаваютъ... Поэтому, и вашей любви, любезнѣйшіе братья, да будетъ сладко и пріятно наставленіе, истекающее, какъ вы знаете, изъ власти апостольскаго престола и только въ соединеніи съ любовью. Вѣрьте, что ваши права нисколько не уменьшатся, если, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, прекратится доступъ непозволительнымъ притязаніямъ. Безопаснѣе противостать злоупотребленіямъ, невошедшимъ еще въ употребленіе, чѣмъ бороться съ укоренившимися. Такъ какъ наша забота, по повелѣнію Божію, простирается на всѣ церкви..., то мы, слѣдуя примѣру тѣхъ, память которыхъ для насъ священна, сдѣлали нашимъ викаріемъ нашего брата и соепископа Анастасія и поручили ему заботиться о томъ, чтобы не было ничего непозволительнаго. Мы напоминаемъ, чтобы ваша любовь повиновалась ему во всемъ, что касается церковной дисциплины. Вы будете повиноваться не столько ему, сколько намъ... возложившимъ на него наши заботы относительно вашихъ провинцій.... Мы желаемъ, чтобы вы относились къ нему такъ-же, какъ относятся къ вамъ священники вашихъ провинцій...“ Впрочемъ св. Левъ, подчиняя митрополитовъ своему викарію, старался ограничить его произволъ. Ограниченіе это состояло въ томъ, что митрополиты давали отчетъ о состояніи своихъ епархій не викарію, а самому папѣ. Далѣе они могли апеллировать къ нему на всякую несправедливость викарія. При томъ важнѣйшія дѣла викарій не имѣлъ права рѣшать, а долженъ былъ посылать папѣ (Ер. V отъ 12 янв. 444 г.). Св. Левъ поступилъ съ большимъ тактомъ. Онъ могъ господствовать надъ митрополитами посредствомъ викарія, надъ викаріемъ посредствомъ митрополитовъ.

Не смотря на увѣщанія св. Льва, настроеніе не прекращалось, что видно изъ дальнѣйшей переписки св. Льва съ своимъ викаріемъ и митрополитами. Многіе епископы не являлись на соборы и св. Лавъ осуждалъ „надменныхъ“. Митрополитъ

Ахаи¹⁾ часто производилъ незаконныя постановленія, запрещенныя, какъ постановленіями отцевъ, такъ и св. Львомъ. Такъ означенный митрополитъ „осмѣлился посвятить епископа въ Фестю, не смотря на нежеланіе и сопротивленіе гражданъ“. Многіе клирики переходили на служеніе изъ одной епархій въ другую, противъ желанія своихъ епископовъ (Ер. XIII). Но всего болѣе доставилъ хлопотъ св. Льву самъ викарій— Анастасій своимъ поступкомъ съ Атиккомъ, епископомъ Никопольскимъ. Послѣдній по болѣзни не явился на Фессалоникійскій соборъ. Не смотря на болѣзнь Атика и зимнее время, Анастасій, при помощи префекта и солдатъ, заставилъ его явиться въ Фессалонику и подписать соборныя постановленія. Постановленія эти Анастасій послалъ св. Льву. Въ письмѣ, посланномъ вмѣстѣ съ ними, Анастасій говоритъ между прочимъ и о позднемъ прибытіи Атика на Соборъ, но умолчалъ при какихъ обстоятельствахъ произошло это прибытіе. Между тѣмъ Атикъ обратился къ св. Льву съ жалобой, въ которой изложилъ поступокъ съ нимъ Анастасія въ надлежащемъ свѣтѣ. Истинность того, что было сообщено въ жалобѣ, подтвердилъ между прочимъ діаконъ, съ которымъ Анастасій послалъ соборныя акты.

Св. Левъ былъ поставленъ этимъ поступкомъ Анастасія въ довольно затруднительное положеніе. Съ одной стороны, ему не хотѣлось опечалить Анастасія своимъ выговоромъ изъ боязни, что тотъ перейдетъ на сторону константинопольскаго епископа; съ другой стороны, онъ не могъ оставить это дѣло безъ вниманія: это оттолкнуло бы отъ него митрополитовъ и безъ того сильно таготѣвшихъ къ Константинополю. Поэтому письмо св. Льва къ Анастасію, по дѣлу Атика, отличается очень большою сдержанностью (Ер. XIV). Св. Левъ начинаетъ нѣсколько издалека. Онъ говоритъ о дѣлѣ назначенія Анастасія викаріемъ, которая состоитъ въ томъ, чтобы онъ помогалъ св. Льву въ его заботахъ о всѣхъ церквахъ, которыя онъ дол-

¹⁾ Вѣроятно Еразистратъ, присутствовавшій на разбойничьемъ соборѣ 449 г. (Migne, LIV, 665).

женъ имѣть согласно божественному постановленію. Анастасій долженъ „приводить порученныя ему Христовы церкви къ здравому повиновенію посредствомъ любовныхъ увѣщаній“; „онъ долженъ наблюдать и умѣренность во всѣхъ поступкахъ“. Въ отношеніи „къ нерадивымъ и лѣнивымъ братьямъ нужно употреблять исправленіе, но соединенное съ любовію“.... Вообще при исправленіи епископовъ (in sacerdotalibus personis) должно употреблять болѣе снисхожденія, чѣмъ суровости, болѣе увѣщанія, чѣмъ гнѣва, болѣе любви, чѣмъ власти.....“ Въ неумѣренномъ отступленіи отъ данныхъ ему, Анастасію, правилъ, св. Левъ считаетъ виновнымъ нѣкоторымъ образомъ какъ-бы себя самого.“ „Если, продолжаетъ св. Левъ, ты мало заботишься о своемъ достоинствѣ, то ты по крайней мѣрѣ долженъ пощадить мою честь, чтобы дѣло, совершенное тобой, не казалось совершеннымъ по моему опредѣленію“... Послѣ такого введенія св. Левъ рассказываетъ уже извѣстный намъ поступокъ Анастасія и далѣе продолжаетъ: „много изумляюсь, любезнѣйшій братъ, и чрезвычайно скорблю, что тебя такъ скоро и сильно возмутило только то, что онъ (Аттикъ) рѣшился не являться на твое приглашеніе, извиняясь болѣзнію, по крайней мѣрѣ ты ничего болѣе не показалъ; но если онъ даже заслуживалъ нѣчто подобное, то и тогда тебѣ должно было бы ждать, что я предписалъ на твои представленія... Мы ввѣрили твоей любви викариатство съ тѣмъ, чтобы ты былъ призванъ только къ части заботы, а не ко всей полнотѣ власти“....

Изъ приведенныхъ выдержекъ достаточно видно, что св. Левъ даетъ понять Анастасію всю необходимость выговора, при всемъ нежеланіи входить съ нимъ въ непріятности. Къ письму прибавляются нѣсколько различныхъ предписаній, частью новыхъ, частью старыхъ, извѣстныхъ Анастасію изъ его предыдущихъ писемъ. Новыя предписанія слѣдующія: митрополиты должны сохранять всѣ права, какія они имѣли издревле (это постановленіе вѣроятно вызвано поступкомъ Анастасія съ Атиккомъ); субдіаконы (qui quartus a capite est) должны воздерживаться отъ брака; каждый годъ должно дважды собирать соборъ, для составленія котораго достаточно двухъ епи-

скоповъ изъ каждой провинціи; епископы не должны добиваться другой лучшей епархіи подъ опасеніемъ потерять ту, которою они управляютъ; митрополиты могутъ быть посвящаемы самими епископами провинціи, тогда какъ прежде посвящали ихъ только викарій¹⁾.

Дальнѣйшій ходъ дѣлъ не извѣстенъ. Событія послѣ смерти св. Льва показываютъ, что ему не удалось прочно утвердить господство надъ Иллиріей; вліяніе Константинопольскаго епископа взяло верхъ. Вскорѣ послѣ 4 Вселенскаго собора викарій, Фессалоникійскій митрополитъ Андрей, прямо сталъ на сторону Константинопольскаго епископа Акакія, когда Феликсъ II предалъ послѣдняго отлученію.

в) Галльская церковь. Иларій Арелатскій.

Попытки подчинить Галльскую церковь папскому престолу были уже при предшественникахъ св. Льва, но они не имѣли большаго успѣха. Первая попытка была совершена папою Зосимой. Поводъ былъ слѣдующій. Епископъ Арльскій Патроклъ хотѣлъ утвердить свою власть надъ всею Галльскою церковію. Опасаясь сильнаго противодѣйствія со стороны Галльскихъ епископовъ, онъ обратился къ папѣ Зосиму о содѣйствіи ему въ задуманномъ дѣлѣ. Папа постарался воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ подчинить Галльскую церковь, если не господству, то по крайней мѣрѣ своему вліянію. Онъ отправилъ (22 марта 417 г.) посланіе къ Галльскимъ епископамъ, въ которомъ онъ усвоитъ Арльскому епископу: а) право давать общительныя грамоты всѣмъ духовнымъ Галльской церкви, будетъ то епископъ, пресвитеръ, діаконъ или простой низшій клирикъ; б) право посвящать епископовъ (какое онъ всегда имѣлъ) въ провинціяхъ Виенской, Нарбонской 1-й и 2-й; в) всѣ же важнѣйшія дѣла должны быть представлены Римскому епископу (Migne, XX, 642—645). Такимъ образомъ попытка

¹⁾ Письмо это не имѣетъ даты ни въ одномъ манускриптѣ. Баллерини, руководствуясь датами другихъ писемъ св. Льва къ Анастасію и митрополитамъ Иллирійскимъ, полагаетъ, что оно написано зимою около 445 или 446 года.

сдѣлана. Но она встрѣтила чрезвычайно сильное противодѣйствіе во всей Галліи, особенно между епископами Виенскимъ и Нарбонны 1-й и 2-й. По смерти Зосимы (41), его преемникъ Бонифадій не рѣшился поддержать его притязаній, хотя и былъ къ тому поводъ въ апелляціи къ нему епископа Валенсиі Максима.

Эта неудача заставила Римскихъ первосвященниковъ на нѣкоторое время оставить Галлію въ покоѣ, пока не представится болѣе благоприятнаго случая. Этотъ благоприятный случай представился св. Льву. Къ нему обратился съ жалобой Целидоній, епископъ (по Кенелю, какой нибудь Виенской епископіи, по Баллерини—Везонтии (нынѣ Безансонъ)). Жалоба состояла въ томъ, что онъ будто неправильно былъ низложенъ Иларіемъ, епископомъ Арелатскимъ.

Въ дѣйствительности дѣло было такъ. Иларій объѣзжалъ свою епархію съ цѣлю устраненія различныхъ безпорядковъ. Когда онъ пріѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ былъ епископомъ Целидоній, жители принесли ему жалобу на своего епископа, что Целидоній до своего епископства женатъ былъ на вдовѣ и будучи гражданскимъ чиновникомъ произносилъ смертные приговоры. Выслушавъ жалобы и убѣдившись въ ихъ справедливости, Иларій составилъ соборъ, низложилъ Целидонія, какъ поставленнаго вопреки церковнымъ правиламъ, запрещающимъ ставить въ епископы лицъ женатыхъ на вдовѣ и произносившихъ, будучи на гражданской службѣ, смертные приговоры (Пр. ап. 18). Целидоній обратился къ св. Льву.

Св. Левъ принялъ его въ общеніе, дозволилъ ему служеніе и собралъ соборъ (445) въ Римѣ для рѣшенія его дѣла. Лишь только Иларій узналъ объ этомъ, онъ тотчасъ отправился въ Римъ пѣшкомъ, въ суровую зиму. Прибывши въ Римъ, Иларій сначала поклонился гробницамъ апостоловъ Петра и Павла и потомъ уже представился къ св. Льву. При личномъ свиданіи со св. Львомъ Иларій велъ себя какъ равный съ равнымъ. Онъ ясно далъ ему понять, что пришелъ въ Римъ совсѣмъ не для защиты себя отъ обвиненія. Онъ выразилъ также свое изумленіе относительно антиканоническаго принятія св. Львомъ въ

общеніе Целидонія, низложеннаго въ Галліи (Прав. ап. 12, 13, 16, 32. I Всел. Соб. 5).

Что происходило на Римскомъ соборѣ—неизвѣстно; извѣстно только то, что Целидоній былъ оправданъ, Иларій же не дождался соборнаго рѣшенія. „Вида“, говоритъ біографъ Иларія V вѣка, что онъ не можетъ заставить восторжествовать истину, Иларій удалился въ самую средину зимы и пѣшкомъ, точно такъ же, какъ и пришелъ“. (Patr. curs. compl. L. 1238). Это „бѣгство“ Иларія было объяснено въ томъ смыслѣ, что онъ не могъ представить никакихъ доводовъ въ свою пользу, чувствуя себя виноватымъ.

Когда стало извѣстно въ Галліи объ оправданіи Целидонія, враги Иларія воспользовались случаемъ досадить ему. Отовсюду посыпались въ Римъ доносы на Иларія. Доносы эти обвиняли его въ томъ, будто онъ часто рукополагалъ въ епископы противъ воли рукополагаемыхъ и, при томъ, часто ему только извѣстныхъ лицъ, а не всей паствѣ, которой они должны быть епископами; что онъ чрезмѣрно строгъ, часто, напр., лишалъ общенія за маловажныя вины. Но самое важное обвиненіе состояло въ томъ, что онъ во время болѣзни Проекта (вѣроятно епископа Галльской провинціи Narbonensis I), поставилъ ему преемника безъ согласія клира и народа. Незвѣстно, чѣмъ руководился въ данномъ случаѣ Иларій. Можно, впрочемъ, думать, что онъ имѣлъ какую нибудь уважительную причину. Нѣкоторый поводъ думать такъ даетъ намъ посланіе св. Льва. Онъ только ограничился признаніемъ неканоничности поступка Иларія и возвращеніемъ катедры Проекту. Отъ самого же Иларія онъ не потребовалъ никакихъ объясненій своего поступка и вообще не обнаруживалъ ни какого желанія судить Иларія за него.

Такимъ образомъ и св. Левъ встрѣтилъ въ Галліи самое горячее и упорное сопротивленіе своимъ притязаніямъ на подчиненіе Галліи Римскому престолу. Но уже съ перваго взгляда видно, что св. Левъ находился въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ его предшественники. Противъ него былъ только одинъ Арелатскій митрополитъ, противъ тѣхъ почти

вся Галлія. Это давало св. Льву увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ, которая ясно видна изъ его письма къ Галльскимъ епископамъ по поводу его спора съ Иларіемъ. Въ этомъ письмѣ виденъ человѣкъ вполне убѣжденный въ своихъ правахъ на Галльскую церковь и искренно негодующій на сопротивленіе. Письмо это любопытно не только по взгляду на полномочія римскаго епископа, но и по своей страстности, которую обыкновенно ставятъ св. Льву въ вину. Но предоставимъ говорить ему самому: „Господь нашъ Иисусъ Христосъ, Спаситель рода человѣческаго, учредивъ Божественную религію, поручилъ проповѣдь ея всѣмъ апостоламъ. Но особенно (principaliter) Онъ возложилъ ее на блаженнѣйшаго Петра, высшаго изъ апостоловъ (apostolorum omnium summa). Онъ восхотѣлъ, чтобы изъ него какъ бы изъ главы (quasi quodam capite) истекали на всѣхъ членовъ Божественные дары, такъ что тотъ, кто осмѣлился-бы отступить отъ твердыни Петра, не имѣлъ бы участія въ божественной тайнѣ. Принявъ его въ общеніе нераздѣльнаго единства (съ самимъ Собою, Господь) словами: „ты еси Петръ, и на семь камней созижду церковь мою (Мѡ. XVI, 18)“, восхотѣлъ его назвать тѣмъ, чѣмъ Онъ былъ Самъ, такъ что строеніе вѣчнаго храма по дивному дару благодати Божіей заключается въ твердости (in soliditate) Петра. Господь такъ укрѣпляетъ свою церковь этой твердынею (firmitate), что ея не можетъ коснуться ни человѣческая дерзость, (ее не могутъ) одолѣть и врата ада. И всякій, кто попытается потрясти (infringere) священную твердыню этого камня, устроенную, какъ мы сказали, Богомъ, тотъ хочетъ, потворствуя своимъ страстямъ, не слѣдуя завѣтамъ древнихъ, не подчиняясь никакому закону, никакимъ Божественнымъ постановленіямъ, оскорбить (эту твердыню) слишкомъ нечестивымъ высокоуміемъ.

„По вдохновенію, какъ мы вѣримъ, Бога, мы не стараемся учредить при совмѣстномъ съ вами трудѣ въ вашей церкви новые законы; (напротивъ, мы стараемся) возстановить старыя, чтобы, пребывая въ томъ обычномъ состояніи, которое передано намъ отцами, мы угождали Богу чрезъ служеніе добру и

чрезъ удаленіе соблазнительныхъ замѣшательствъ (perturbativum scandalis). Мы и ваше братство знаемъ, что апостольскій престолъ, вслѣдствіе оказываемаго ему почтенія со стороны священниковъ (sacerdotibus) вашей провинціи, находился съ вами въ безчисленныхъ сношеніяхъ; (ему посылались) согласно древнему обычаю (quemadmodum vetus consuetudo posebat) для разсмотрѣнія или утвержденія апелляціи по различнымъ дѣламъ. Это способствовало (поддержанію) постоянной любви (между нами). Но Иларій выступилъ съ намѣреніемъ оставить тотъ путь, котораго держались предки и возмутить свято хранимый церковный порядокъ и согласіе священниковъ новыми притязаніями. Онъ такъ хочетъ подчинить васъ своей власти, что не терпитъ подчиненія блаженному Петру. Онъ присвоаетъ себѣ (право производить) посвященія во всѣхъ церквахъ Галліи и присвоаетъ своему достоинству права, которыя должны (принадлежать) митрополитамъ (metropolitanis sacerdotibus)“.

Далѣе, св. Левъ сообщаетъ свои, уже извѣстныя намъ, рѣшенія по дѣламъ Целидонія и Проекта. Затѣмъ св. Левъ требуетъ, чтобы епископы избирали „въ мірѣ тѣхъ, которые должны быть избраны“ на епископство. Избраніе должно быть съ вѣдома и согласія клира и народа (св. Левъ имѣетъ здѣсь въ виду извѣстные поступки Иларія)“.

Далѣе, св. Левъ запрещаетъ Иларію „назначать соборы и вмѣшиваться въ суды священниковъ Господнихъ, съ цѣлію производить тамъ смятеніе“... Онъ долженъ знать, что онъ лишенъ не только права надъ чужими провинціями, но и надъ Виенскою (митрополитомъ которой считался Арльскій епископъ съ 314 г.). Онъ не долженъ совершать рукоположенія во епископы и ему запрещается даже присутствовать при немъ“.

Всѣ привиллегіи, какія усвоилъ себѣ Иларій, св. Левъ передаетъ Леонтію изъ уваженія къ его преклоннымъ лѣтамъ.

Но св. Левъ, повидимому, не особенно рассчитывалъ на это посланіе. Онъ зналъ, что Иларія очень многіе уважаютъ въ Галліи за его ревность къ вѣрѣ и строгую подвижническую жизнь. Поэтому св. Левъ обратился къ помощи свѣтской власти. Онъ склонилъ на свою сторону западнаго императора Ва-

лентиніана III, что, вѣроятно, не стоило большого труда. Валентиніанъ былъ человѣкъ слабохарактерный и легко поддавался чужому вліянію, особенно такого человѣка, какъ св. Левъ. Въ 445 году вышелъ указъ въ духѣ св. Льва, что дало нѣкоторымъ даже поводъ думать, что онъ написанъ самимъ св. Львомъ (Böhling, 26—27). „Такъ какъ приматство апостольскаго престола“, говорится въ этомъ указѣ, „утвердили и заслуга св. Петра, перваго въ епископской митрѣ и достоинство римскаго государства и даже власть собора ¹⁾, то помимо власти этого престола надменность не должна ничего дѣлать непозволительнаго... До сихъ поръ все это сохранялось невредимо. Но Иларій Арелатскій, какъ мы узнали изъ вѣрнаго извѣстія почтеннаго мужа Льва, римскаго папы, позволилъ себѣ въ своихъ надменныхъ и притязательныхъ поступкахъ нѣчто непозволительное... Безъ совѣта съ епископомъ римской церкви, по одному безразсудству, онъ въ одномъ мѣстѣ посвятилъ, въ другомъ низлагалъ и ставилъ другихъ, не смотря ни на желаніе, ни на сопротивленіе гражданъ. Онъ ходилъ съ вооруженнымъ отрядомъ ²⁾, причиняя беспокойство въ мирныхъ мѣстахъ... Поэтому утверждаемъ вполне справедливое рѣшеніе благочестиваго мужа епископа города (Рима), какъ относительно его самаго, такъ и относительно неправильно посвященныхъ имъ лицъ. Впрочемъ, это рѣшеніе должно имѣть силу и безъ императорскаго утвержденія. Ибо что непозволительно дѣлать въ церквяхъ власти такого первосвященника? (Quid enim tantі pontificis auctoritati in Ecclesiis non liceret?) Поэтому не должно позволять противиться рѣшеніямъ римскаго епископа не только Иларію, но и всѣмъ вообще епископамъ Галліи... Если кто изъ епископовъ не явится по требованію римскаго епископа къ нему на судъ, того долженъ принудить къ этому правитель (per moderatorem) той провинціи. Всякое должностное лицо, допускающее нарушеніе этого рескрипта, подвергается штрафу въ 10 фунтовъ золота (римскій фунтъ = 0,8 нашего фунта). Слѣдить за исполненіемъ этого закона поручено было Аэцію.

¹⁾ Вѣроятно, здѣсь разумѣются испорченные каноны перваго вселенскаго собора.

²⁾ Вѣроятно, вслѣдствіе тогдашнихъ безпокойныхъ обстоятельствъ.

При такихъ обстоятельствахъ Иларій дѣлалъ неоднократную попытку къ примиренію съ св. Львомъ. (Ad placandum animum S. Leonis inclinata humilitate se convertit). Первая попытка была неудачна. Бывшій префектъ Галліи Авксиліарій (Auxiliarius), къ которому, какъ лично знавшему его, Иларій обратился за посредничествомъ въ дѣлѣ примиренія со св. Львомъ, писалъ Иларію: „говорилъ со св. папой Львомъ... но на этомъ мѣстѣ (письма), ты, думаю, возмудишься духомъ;... люди нетерпѣливо переносятъ, когда мы говоримъ такъ, какъ знаемъ. Кромѣ того уши Римлянъ болѣе трогаются нѣкоторымъ ласкательствомъ (aures praeteera Romanorum quadem teneritudine plus trahuntur). Если твоя святость тотчасъ снизойдетъ до него (ласкательства), то ты приобрѣтешь очень много, ничего не потерявъ“. (Migne, L. 1239). Примиреніе при жизни Иларія повидимому не состоялось. Впрочемъ св. Левъ въ послѣдствіи перемѣнилъ свое мнѣніе объ Иларіи и въ одномъ письмѣ къ Галльскимъ епископамъ, написанномъ послѣ смерти его (Иларія), называетъ его „святой памяти“ (Ep. XL).

По смерти Иларія былъ избранъ ему преемникомъ Равенній. Двѣнадцать избравшихъ его епископовъ обратились къ св. Льву съ просьбой объ утвержденіи Равенній въ тѣхъ правахъ, какими пользовался до столкновенія со св. Львомъ Иларій. Св. Левъ уважилъ просьбу (Ep. XL и XLI), не смотря на то, что Равенній вступилъ въ отправленіе обязанностей митрополита Виенской провинціи безъ его разрѣшенія, о чемъ своевременно и былъ увѣдомленъ Виенскимъ епископомъ. Св. Левъ въ это время былъ занятъ борьбой съ монофизитами и потому ему неудобно было входить въ непріятности съ Галльскими епископами. Впрочемъ Виенскій епископъ не переставалъ стремиться къ освобожденію изъ подъ власти Арльскаго митрополита пока, наконецъ, не достигъ своей цѣли. Воспользовавшись тѣмъ, что Равенній однажды поставилъ епископа въ городъ подлежащій вѣдѣнію Виенскаго епископа, этотъ послѣдній отправился съ жалобой къ св. Льву. Объ этомъ узнали и Равенній съ приверженцами. Они, въ свою очередь, просили св. Льва утвердить за Арлемъ прежнія права и не об-

ращать вниманія „на неблагоразумныя и заслуживающія порицанія“ домогательства приматства, на которое Виенскій епископъ „не имѣеть права“ (Ер. LXV, 2). Но св. Левъ все таки склонился на сторону Виенскаго епископа. Для него, конечно, гораздо выгоднѣе было раздѣлить Арльскую митрополию на двѣ независимыхъ другъ отъ друга митрополіи. Св. Левъ помнилъ „чрезмѣрныя притязанія“ Иларія и потому радъ былъ случаю, довавшему ему возможность подчинить себѣ Южную Галлію, раздѣливъ Арльскую митрополию на двѣ независимыхъ другъ отъ друга митрополіи. Чтобы Виенская кафедра „не казалась ниже“, чѣмъ Арльская, св. Левъ отнялъ отъ послѣдней четыре города (Валенсію, Женеву, Тарентазію и Граціанополь) и присоединилъ ихъ къ Виенской епископіи. Такъ возникли въ Галліи двѣ независимыхъ другъ отъ друга, но зависимыхъ отъ Рима епархіи (Ер. LXVI).

И. Дроздовъ.

(Продолженіе будетъ).

СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЕНІЯ.

(Продолженіе *).

с) Африканская церковь.

Папы давно уже старались подчинить себѣ Африканскую церковь. Но всѣ ихъ попытки кончались полной неудачей. Африканскіе епископы составляли настолько прочную организацію, что папы при всемъ усердіи не могли ничего сдѣлать. Вполнѣ благоприятный случай представился только св. Льву. Въ его правленіе римскою церковію африканская церковь переживала тяжелое время. Она была завоевана Гензерихомъ, предводителемъ вандаловъ. Аріане-вандалы преслѣдовали православныхъ, какъ не христіанъ. Такъ Гензерихъ многихъ духовныхъ лицъ посадилъ на худые корабли и пустилъ по вѣтру. Корабли пристали къ Неаполю. Впрочемъ, Африка была еще не вся завоевана. *Mauritania Cesariensis*, съ которой, собственно говоря, имѣлъ дѣло св. Левъ, оставалась въ рукахъ римлянъ до 455 года, когда былъ убитъ Валентиніанъ III. Но и въ *Mauritania Cesariensis* было не мало нестроеній, не смотря на то, что она не была завоевана. Постоянный страхъ предъ грознымъ, все разрушающимъ, ничего не щадящимъ врагомъ мѣшалъ ровному теченію какъ политической, такъ и церковной жизни. Въ африканской церкви накопилось много безпорядковъ и злоупотребленій. Извѣстія объ этихъ безпорядкахъ нерѣдко доносились и до св. Льва. „Имѣя по заповѣди Божіей заботу о всей церкви (*universae ecclesiae*)“, св. Левъ, конечно, не могъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 9, за 1897 г.

оставить безъ вниманія того, что происходило въ африканской церкви. Дѣйствительно онъ поручаетъ Потенцію, переселившемуся или изгнанному изъ Африки, изслѣдовать состояніе дѣлъ на мѣстѣ и донести ему о результатахъ. Съ нимъ онъ отправилъ посланіе къ африканскимъ епископамъ (Ер. XII, 1), до насъ не дошедшее. Потенцій изслѣдовалъ и написалъ св. Лву (Ер. XII, 1), но его донесеніе также не дошло до насъ.

Свѣдѣнія о состояніи африканской церкви и о мѣрахъ, какія предпринималъ св. Левъ противъ безпорядковъ, накопившихся въ ней, мы получаемъ только изъ 12 письма отъ 10 августа 446 г. ¹⁾ Положеніе Африканской церкви было печальное. „Удивляюсь, пишетъ св. Левъ, что у васъ по случаю неспокойнаго времени какъ наглость честолюбцевъ, такъ народная толпа возымѣла такую силу, что пастырское достоинство и управленіе церковью вручается всѣмъ недостойнымъ и стоящимъ далеко отъ священническаго достоинства. Это значитъ не заботиться о народѣ, а вредить ему, не управлять, а

¹⁾ 12 письмо возбудило относительно себя много недоумѣній. Его не всѣ считаютъ подлиннымъ. Кенель полагаетъ, что подлинна только часть 1—1/2 IX (конецъ словомъ *plectamus*). Главнѣйшія основанія слѣдующія: 1) части съ 1/2 IX гл. по конецъ нѣтъ въ древнѣйшихъ и лучшихъ манускриптахъ; 2) языкъ ея отличается отъ первой части: въ ней есть слова и выраженія, не принадлежащія св. Лву и вообще неупотребительныя въ его время, напр. *diocesis* вмѣсто *parochia*; *Specialius et propensius commoveri*; *damnum proprii honori evadere*; *episcopolia hubernacula praesidere*; *pendente negotio*; 3) Если предположить, что эта часть подлинна, то письмо будетъ имѣть два заключенія, такъ какъ (Migne, LIV, 653) сар. IX: *Cum itaque omnibus fere, quae fratris nostri Potentii relatio continebat...* есть очевидно заключеніе подлинной части, къ которой прибавлена не подлинная; 4) здѣсь упоминается объ апелляціи къ папскому престолу, чего во время св. Льва еще не было; 5) два раза сообщается объ одномъ и томъ же—именно объ изнасилованныхъ неприятели дѣвицахъ. 6) Части этой нѣтъ и у Исидора Севильскаго, чего не могло бы быть, если бы эта часть была подлинна. Исидоръ, конечно, воспользовался ею, какъ важнѣйшимъ свидѣтельствомъ въ пользу права апелляціи къ папскому престолу. Оно прибавлено, вѣроятно, около 720 г. къ каноническому сборнику Діонисія Малаго, что показываетъ различіе ея заглавія съ заглавіемъ другихъ документовъ, какъ при ней самой, такъ и въ индексѣ.—Кенелю послѣдовали Tillemont (XV, 423) и Du Pin (не вполне) (IV, 123—124). Беллерини стараются опровергнуть Кенеля, доказать подлинность этой части. Принявши во вниманіе, кромѣ манускриптовъ, которые имѣлъ въ виду Кенель, еще манускрипты ватиканской библіотеки, Беллерини пришли къ слѣдующему. Письмо это попадаетъ въ трехъ видахъ: а) въ полномъ видѣ (въ очень древнихъ манускриптахъ); б) какъ у Кенеля; в) съ выпускомъ VI, VII, и VIII главъ. Это об-

увеличивать опасность. Если нужно стараться, чтобы не было ошибки при выборѣ клириковъ, чтобы въ дому Божіемъ ничего не было неустроеннаго, безпорядочнаго, то тѣмъ болѣе нужно стараться избѣжать ошибки при избраніи того, кто долженъ быть поставленъ надъ всѣми степенями клира. Объ этомъ говоритъ Св. Духомъ Апостолъ Павелъ: руки скоро не возлагай ни на кого же, ниже приобщайся чужимъ грѣхомъ (I Тим. V, 22). Согласно съ словомъ Апостола, епископъ, пресвитеръ и діаконъ должны быть мужьями одной жены (I Тим. III, 2). Жены эти должны быть дѣвицами. Это правило было еще въ В. З.; тѣмъ болѣе слѣдовательно оно должно имѣть силу въ Новомъ Заветѣ. Нужно также соблюдать наставленіе Апостола: и сіи убо да искушаются прежде, и потомъ же да служить (I Тим. III, 10). Эти слова, мы думаемъ, нужно понимать такъ, что при выборѣ (на священническія степени) должно принимать во вниманіе не только чистоту брака, но и заслуги трудовъ (на пользу церкви), чтобы пастырская обя-

стоятельство не должно смущать, такъ какъ въ древности сокращеніе документовъ вещь обычная (и Баллерини приводятъ нѣсколько примѣровъ: письмо Хрисолога къ Евтихію; 14 писемъ св. Льва, признанныя Кенелемъ подлинными и др.). 2) Различіе языка, по Беллерини, не можетъ быть признано важнѣйшимъ возраженіемъ. Письмо это было, по ихъ мнѣнію, переделано, измѣнено и дополнено самимъ св. Львомъ (изъ двухъ писемъ); отсюда понятна и разница языка. 3) Въ упоминаніи объ апелляціяхъ ничего нѣтъ удивительнаго; при тогдашнемъ стѣсненномъ состояніи африканской церкви онѣ вполне умѣстны. 4) Относительно повторенія въ 8 и 11 разсказа объ изнасилованныхъ дѣвицахъ нужно замѣтить, что въ первомъ случаѣ говорится „о томъ, что онѣ должны относительно себя чувствовать“, во второмъ „какъ съ ними должны поступать епископы“. 5) Кенель указываетъ на то, что второй части письма нѣтъ въ сборникѣ Исидора Севильскаго, но Беллерини удалось найти ее въ одномъ очень древнемъ сборникѣ, принадлежащемъ Исидору. На основаніи всего вышеуказаннаго само собой падаетъ и то предположеніе Кенеля, что эта часть впервые появилась въ началѣ VIII вѣка въ сборникѣ Діонисія Малаго. Мнѣніе Беллерини по своей основательности нашло себѣ послѣдователей въ лицѣ позднѣйшихъ ученыхъ Perthel'я (стр. 35), Böhringer'a (стр. 21). Parthel, впрочемъ, принимаетъ мнѣніе Беллерини съ поправкой (весьма основательной) именно—12 письмо, по его мнѣнію, составлено изъ двухъ подлинныхъ писемъ св. Льва и не имѣетъ самимъ, а какимъ нибудь неизвѣстнымъ переписчикомъ. Причина соединенія—одинаковость содержанія. „Только такимъ путемъ“, говорятъ онъ, „можно, кажется, объяснить двойное заключеніе и двойное упоминаніе о изнасилованныхъ дѣвицахъ“. Время написанія письма Беллерини относятъ къ промежутку 445—455 годами, въ частности приблизительно къ 446 году.

занность не ввѣрялась только что принявшимъ крещеніе или прямо послѣ исправленія какой-либо свѣтской должности. Справедливо священные каноны свв. отцевъ, говоря объ избраніи священниковъ, считали достойными священныхъ должностей тѣхъ, которые, проходя долгое время всѣ въ отдѣльности степени должностей, запаслись достаточной опытностію. Кто не слѣдуетъ этимъ правиламъ, тотъ разрушаетъ всякую церковную дисциплину, возмущаетъ всякій церковный порядокъ.

Между тѣмъ африканскіе епископы избираютъ на пастырское служеніе „не только мірянъ, но и мужей вторыхъ женъ или женившихся на вдовахъ“. Должно подвергнуть заслуженному наказанію какъ тѣхъ, кто ставилъ такихъ людей, такъ и самыхъ поставленныхъ. „Но такъ какъ на всякомъ пути Господнемъ милосердіе и истина, то мы принуждены, благодаря снисхожденію апостольскаго престола, смягчить наше рѣшеніе. Взвѣсивши тяжесть поступковъ, которыхъ нельзя мѣрять одной мѣрой, думаемъ, что одно можетъ быть хотя сколько нибудь терпимо, а другое совершенно должно отсѣчь. Тѣмъ, которые или вступили во второй бракъ или женились на вдовахъ, не дозволяетъ удерживать священство ни авторитетъ апостольскій, ни законный; тѣмъ болѣе (священства) нельзя поручать тому, который, какъ намъ донесено, былъ мужемъ двухъ женъ въ одно время, или тому, который, оставленный женой, взялъ въ супружество другую“. Получившіе епископство міряне, если даже имѣютъ женъ (*neque ex hoc, quod uxores habent, possunt esse culpabiles*) могутъ оставаться на своихъ мѣстахъ съ тѣмъ, однако, что впредь этого нельзя будетъ совершать безнаказанно (*quod... inultum post modum esse non poterit, si quisquam id quod omnino interdicimus usurparit*).

„Донатъ епископъ, обратившійся изъ Новиціанъ вмѣстѣ съ своей паствой, можетъ управлять Господнимъ стадомъ, если онъ пришлетъ исповѣданіе своей вѣры, въ которомъ онъ осудитъ заблужденіе Новиціанскаго ученія и какъ можно полнѣе изложитъ вселенскую истину. Максима, неправильно поставленнаго во епископа изъ мірянъ, мы не лишаемъ достоинства, если онъ не донатистъ и далекъ отъ духа раскольническаго печестія (*schismaticae pravitatis*). Пусть и Онъ также шлетъ намъ исповѣданіе, гдѣ долженъ показать себя православнымъ“.

„Относительно избранія и вѣры епископовъ Аггафа и Туберіана должно произвести новое слѣдствіе и о результатахъ донести апостольскому престолу“. „Тѣ рабы Божіи, которые потеряли невинность во время варварскаго погрома, заслужаютъ при своемъ смиреніи и стыдливости болѣе похвалы, если не осмѣлятся равнять себя съ необезпеченными дѣвицами“.

Далѣе слѣдуетъ увѣщаніе о повиновеніи апостольскому престолу и постановленіямъ исходящимъ отъ него.

„Не должно ставить епископовъ въ селеніяхъ и имѣніяхъ (*viculis et possessionibus*), а также въ захолустныхъ муниципіяхъ. Вслѣдствіе многочисленности епископскій санъ много теряетъ въ своемъ достоинствѣ (*vilescat*)“. Такихъ епископскихъ кафедръ особенно было много въ діоцезѣ (*diocesi*) Рестигута, который просилъ св. Льва, чтобы послѣ смерти епископовъ, поставленныхъ въ селахъ, муниципіяхъ, въ эти послѣднія не ставить новыхъ епископовъ и присоединить ихъ къ его епархіи,

Повторяется постановленіе о изнасилованныхъ дѣвицахъ съ прибавленіемъ, что ихъ не нужно считать наравнѣ съ вдовами и лишать таинствъ.

Дѣло низложеннаго епископа Люцінія, „обратившагося къ суду нашему“, должно переислѣдовать. Несправедливо былъ поставленъ преемникъ ему, не смотря на апелляцію его въ Римъ.

„Если возникнутъ какія либо другія дѣла касательно положенія церковныхъ дѣлъ и согласія священниковъ, то ихъ должно рѣшать самимъ африканскимъ епископамъ и эти рѣшенія посылать въ Римъ для окончательнаго утвержденія“.

Другихъ извѣстій объ отношеніи св. Льва къ африканской церкви не сохранилось.

д) Дисциплинарныя посланія къ епископамъ Италіи, Сициліи и другимъ.

Св. Левъ узналъ, что въ Сициліи существуетъ обычай совершать таинства св. крещенія не въ Пасху или Пятидесятницу, какъ было въ Римской Церкви, а въ день Богоявленія (*in die Epiphaniae*). Сицилійскіе епископы думали, что гораздо приличнѣе совершать это таинство въ тотъ день, когда крестился самъ Господь, чѣмъ во всякій другой день. Св. Левъ

возсталъ противъ этого „неразумнаго повшества“. Онъ написалъ по этому поводу посланіе къ епископамъ сицилійскимъ (Ер. XVI отъ 21 октября 447 г.), въ которомъ подробно старается доказать на основаніи преданій римской церкви, что крестить нужно или во время Пасхи или Пятидесятницы. Таинство крещенія возрождаетъ слабое человѣческое естество къ новой жизни, дѣлаетъ его новой тварью. Это возрожденіе совершенно смертію Распятаго и воскресеніемъ Его изъ мертвыхъ, что воспоминается въ день Пасхи. На Пасху указываетъ также троекратно погруженіе и выходженіе человѣка изъ воды. Погруженіе въ воду обозначаетъ трехдневное пребываніе Христа во гробѣ, а выходженіе изъ воды—воскресеніе. Въ крещеніи изливается Духъ Святой, подобно тому, какъ въ день Пятидесятницы на апостоловъ. Это подобіе даетъ основаніе совершать это таинство въ день Пятидесятницы. Но въ этотъ день могутъ принимать крещеніе только больные, плавающие, путешествующіе, вообще тѣ, которые по какимъ-либо обстоятельствамъ не могли принять его во время Пасхи. Если Сицилійскіе епископы думаютъ, что таинство крещенія нужно совершать въ день Богоявленія потому, что въ этотъ день крестился Самъ Господь, то они должны знать, что таинство крещенія имѣетъ другой смыслъ, другое значеніе, чѣмъ крещеніе Господа. Здѣсь отпущеніе грѣховъ, возрожденіе къ новой жизни; Господь же не имѣлъ грѣха и потому не нуждался въ очищеніи и возрожденіи. Впрочемъ по нуждѣ (въ опасности смерти, во время войны, преслѣдованія) можно совершать таинство св. крещенія во всякое время“.

Чтобы на будущее время ни какое разномысліе не нарушало миръ церкви, Св. Левъ назначилъ на 29 число сентября одинъ изъ тѣхъ соборовъ, которые, согласно установленію св. апостоловъ, должны собираться дважды въ годъ. Изъ Сициліи на эти соборы должны являться каждый разъ по 3 епископа.

Въ нѣкоторыхъ церквахъ Сициліи были злоупотребленія церковнымъ имуществомъ со стороны епископовъ. Особенно они были часты въ Тавромитанской (Tauromitanae) и Панормитанской (Panormitanae) церквахъ. Клирики этихъ церквей

вынуждены были жаловаться на своихъ епископовъ, какъ лично св. Льву, такъ и на одномъ изъ тѣхъ соборовъ, которые собирались подъ его предсѣдательствомъ въ Римѣ. Вслѣдствіе этихъ жалобъ св. Левъ обратился къ Сицилійскимъ епископамъ съ особымъ посланіемъ ¹⁾ (XVII отъ 21 октября 447 г. (?). Въ немъ онъ рассказываетъ и порицаетъ поступокъ Тавромитанскаго и Панормитанскаго епископовъ. Такъ какъ подобное могло случиться (вѣроятно и случалось) и въ другихъ церквахъ, то св. Левъ говоритъ вообще ко всѣмъ церквамъ: „опредѣляемъ, чтобы ни одинъ епископъ не смѣлъ дарить, обмѣнивать или продавать чего нибудь изъ вещей, принадлежащихъ своей церкви. Это можно дѣлать только въ томъ случаѣ, если онъ предвидитъ лучшее для церкви и по разсужденіи и послѣдовавшемъ послѣ того соглашеніи со всѣмъ клиромъ, избираетъ то, что безъ сомнѣнія принесетъ пользу церкви. Что

¹⁾ Кенель считаетъ это посланіе не подлиннымъ. Вотъ главнѣйшія возраженія Кенеля и опроверженія его противниковъ: а) Кенель утверждаетъ, что этого письма нѣтъ въ древнихъ манускриптахъ. Du Pin считаетъ мнѣніе Кенеля „очень вѣроятнымъ“ (IV, 140). Но Ceiller (XIV, 394), Tillemont (XV, 894) и Беллерини (Migne LIV, 703—706) стараются опровергнуть Кенеля и доказать подлинность этого письма. Беллерини замѣчаютъ, что они нашли его въ очень древнихъ манускриптахъ, гдѣ оно приписано св. Льву (Migne LIV, 703, 704). б) „Не вѣроятно“, замѣчаетъ Кенель, „чтобы св. Левъ послалъ въ одно время (Cal. Nov. 21 Окт. 447 г.) и однимъ лицамъ вмѣсто одного два письма“. Tillemont замѣчаетъ, что это не единственный случай; какъ, напр., можно указать на XLI и XLII къ Равеннѣ Арелатскому; на XXX и XXXI къ Пульхерію и др. Причины эти могли быть очень разнообразны. в) Кенель говоритъ, что „во время св. Льва епископъ не могъ распоряжаться съ согласіемъ только клириковъ, безъ согласія народа, церковными имуществами“. Беллерини замѣчаютъ, что сохранились отъ этого времени правила церковныя, позволяющія это (Migne LIV, 705) д) Кенель говоритъ, что лишеніе сана и отлученіе отъ церкви соединилось вмѣстѣ только для наказанія за самыя тяжкія преступленія; но разнѣ хищеніе церковнаго имущества не тяжкое преступленіе? замѣчаютъ Беллерини (ibid). е) Кенель говоритъ, что Граціанъ (12 q. 2-e 52) приводитъ это письмо и приписываетъ его Льву, но какому Льву неизвѣстно. По мнѣнію Кенеля, это не Левъ Великій, а кто нибудь другой. Правда, дата при письмѣ показываетъ, что оно принадлежитъ св. Льву (XII Col. Nov. Calerio, sous современникъ св. Льва). Но дата эта, очевидно, подложная. Соображеніе о подложности даты Кенель основываетъ на предыдущихъ своихъ возраженіяхъ и съ паденіемъ этихъ послѣднихъ неминуемо должно пасть и это.

касается пресвитеровъ, діаконовъ и клириковъ всѣхъ степеней, попускающихъ (*qui conniventiam miscuerint*) это ко вреду церкви, то пусть знаютъ, что они должны быть лишены за это степеней и общенія". Очевидно зло было сильно распространено, если св. Левъ прибѣгъ къ такой сильной мѣрѣ.

Относительно дѣятельности св. Льва въ самой Италіи мы имѣемъ письмо его къ Дору, епископу Беневитскому (XIX отъ 8 марта 448 г.), къ Неонѣ Равеннскому (Ер. CLXVI 24 октября 458 г.), къ епископамъ Кампаніи, Самніума и Пиценума (Ер. CLXVIII отъ 9 марта 459 г.). Доръ, епископъ Беневентскій, былъ обвиненъ предъ св. Львомъ своимъ пресвитеромъ Павломъ въ томъ, что онъ, благодаря подкупамъ, часто отдаетъ пресвитерскія мѣста лицамъ того не заслуживающимъ, оставляя безъ вниманія просьбы лицъ вполне достойныхъ. Св. Левъ позволилъ остаться этимъ пресвитерамъ на своихъ мѣстахъ; но съ сильной горечью упрекаетъ самого Дора за такое недостойное злоупотребленіе епископской властью. Св. Левъ обѣщаетъ очень сурово (*severius*) поступить съ Доромъ, если онъ узнаетъ про него, Дора, еще что нибудь подобное.

Письмо къ Неонѣ Равеннскому и къ епископамъ Кампаніи, Самніума и Пиценума написаны по поводу нестроений, возникшихъ вслѣдствіе нашествія Гунновъ. Такъ многіе попавшіе въ плѣнъ, въ очень маломъ возрастѣ, не помнили совершенно надъ ними таинства св. крещенія и другія таинства или нѣтъ (*utrum... mysterium baptismatis ac sacramenta percèperint infantiae inscientia non posse reminisci* Ер. CLXVI, 7). Тотъ, относительно котораго невозможно доказать, за отсутствіемъ свидѣтелей, крещенъ онъ или нѣтъ, пусть безтрепетно приступаетъ къ этому таинству. Надъ тѣмъ, кто крещенъ еретиками, не должно повторять крещенія; оно должно быть только дополнено возложеніемъ рукъ епископа (Ер. CLXVI, 2) ¹⁾.

1) Письмо CLXVI въ манускриптахъ имѣетъ слѣдующія надписанія: 1) ad Leonem Ravennatem или Ravennensem, Ravennatensem; 2) ad Neonem, Neonium, Neoniam Ravennatem; 3) ad Leonem Arbonensem или Narbonensem. Такимъ образомъ манускрипты указываютъ три каѳедры, куда назначено это письмо, Арбонскую, относительно которой ничего неизвѣстно; Нарбонскую, въ которой въ

Не мало св. Левъ заботился и возмущался (*magna indignatione commoveor et multo dolore contristor*) тѣмъ обстоятельствомъ, что въ церквахъ Кампаніи, Самніума и Пиценума настолько забыли апостольское преданіе, что осмѣливаются совершать таинство крещенія безъ всякой нужды даже въ дни, посвященные памяти мучениковъ (*in natalibus martyrum*), причемъ не совершаютъ ни какихъ приготовленій къ этому великому таинству: ни оглашеній, ни экзорцизма (изгнанія бѣсовъ), ни поста. Св. Левъ увѣщаетъ совершать таинства крещенія только въ Пасху и Пятидесятницу, а въ другіе дни только въ случаяхъ крайней необходимости (Ер. CLXVIII, 1).

Къ половинѣ V вѣка во многихъ мѣстахъ Италіи удержался еще древній обычай публичной исповѣди. Въ виду того, что этотъ, правда, похвальный обычай для многихъ казался тяжелымъ, заставлялъ многихъ скрывать свои грѣхи, чтобы не открыть ихъ своимъ врагамъ, св. Левъ постановилъ удалить его какъ непозволительное злоупотребленіе (*illicita usurpatione*), противное апостольскому правилу. Исповѣдь должна быть производима черезъ тайное исповѣданіе грѣховъ предъ священникомъ (*sacerdoti*), какъ посредникомъ между кающимся и Богомъ.

Въ прежде писанномъ посланіи (Ер. IV) св. Левъ вооружается противъ господствовавшего злоупотребленія ставить во священники рабовъ, противъ растовщичества духовенства. Св. Левъ повелѣваетъ лишить сана (*ad ecclesiasticis officiis et a sacerdotali nomine*) тѣхъ, которые были женаты на вдовахъ, или женаты болѣе одного раза.

Много разныхъ правилъ и предписаній по разнымъ случаямъ находится въ письмахъ св. Льва: XVIII (къ Януарію Аквилейскому), CVIII (Феодору Фороконейскому въ Галліи); CLIX (Никитѣ Аквилейскому) и CLXVII (Рустіку Нарбонскому), которыхъ мы излагать здѣсь не будемъ вслѣдствіе ихъ многочисленности и частнаго характера.

это время былъ епископомъ Рустіку (Ер. CLXVII) и Равенскую, въ которой имя Неоны встрѣчается, но не встрѣчается имени Льва, какъ это значитъ въ нѣкоторыхъ манускриптахъ. Поэтому правдоподобнѣе предположить, что оно написано къ Неонѣ Равеннскому, какъ это и дѣлаютъ Веллерини (*Migne* LIV, 1190—1).

е) Александрійская церковь и вопросъ о празднованіи Пасхи.

До насъ дошли любопытныя письма св. Льва къ Александрійскимъ епископамъ Діоскору и Протерію, довольно ярко характеризующія отношенія св. Льва къ этой церкви.

Діоскоръ, епископъ Александрійскій, по вступленіи своемъ на кафедру, послалъ, какъ это требовалось обычаемъ, извѣстительное посланіе ко всѣмъ церквамъ вселенной и между прочимъ и св. Льву. Въ отвѣтъ на это посланіе св. Левъ пишетъ (Ер. IX отъ 21 іюня 445 г.): „и намъ нужно одно чувствовать и дѣлать, чтобы у насъ также было, какъ мы читаемъ (въ Писаніи), одно сердце и оказывалась одна душа (Дѣян. IV, 32). Когда блаженнѣйшій Петръ получилъ отъ Господа апостольское первенство и Римская церковь пребываетъ въ его уставахъ, не позволительно вѣрить, чтобы его ученикъ св. Маркъ, который первый управлялъ Александрійскою церковію, сообразовалъ свои опредѣленія съ другими правилами преданія: безъ сомнѣнія духъ благодати какъ ученика, такъ и учителя истекалъ изъ одного источника и посвященный ничего другого не могъ передать, кромѣ того, что получилъ отъ посвятившаго. Итакъ, исповѣдуя, что имѣемъ одну вѣру и составляемъ одно тѣло, мы не терпимъ какого-либо несогласія и того, чтобы казалось, что у учителя одни постановленія, а у ученика другія“. Затѣмъ св. Левъ даетъ нѣкоторыя наставленія касательно посвященія въ разныя степени іерархіи и совершенія таинства евхаристіи. Въ Александрійской церкви не было обычая, какъ это было въ Римской, посвящать епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ въ день воскресный. Здѣсь посвящали во всякіе дни. Руководствуясь преданіемъ своей церкви, св. Левъ выражаетъ желаніе (*volumus*), чтобы обычай Римской церкви соблюдался и въ Александрійской. Кромѣ того, здѣсь, кажется, не было въ обычай поститься ни посвящающему, ни посвящаемому. По крайней мѣрѣ, св. Левъ считаетъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе о соблюденіи поста какъ тѣмъ, такъ и другимъ.

Въ Александрійской церкви не было обычая повторять та-

инство евхаристіи въ одномъ и томъ-же храмѣ нѣсколько разъ въ день. Между тѣмъ въ большіе праздники желающихъ молитвы было такъ много, что церковь часто не могла всѣхъ вмѣстить. Многимъ противъ ихъ воли приходилось по праздникамъ совсѣмъ не бывать за Богослуженіемъ... Въ виду этого св. Левъ проситъ (*studiose dilectionem tuam et familiariter admonemus*) Діоскора „не оставить безъ вниманія этого обстоятельства и распорядиться, чтобы и жертва приносилась въ базиликѣ столько разъ подрядъ, сколько будетъ наполнять ее присутствіе новаго народа“. Нѣкоторые изслѣдователи (Perthel 37, Böhlinger 28) видятъ здѣсь попытку къ подчиненію Александрійской церкви Римской, попытку, конечно, неудачную, такъ какъ „александрійскіе епископы привыкли сами повелѣвать и приказывать себѣ ни кому не могли дозволить“. Лучшимъ опроверженіемъ этого замѣчанія служитъ письмо св. Льва къ Протерію (ССXXIX отъ 10 марта 454 г.). Въ этомъ посланіи св. Левъ является защитникомъ правъ каждой церкви, какія онѣ имѣли по древнему преданію.

Св. Левъ поднималъ вопросъ о времени празднованія Пасхи два раза, по случаю празднованія въ 444—445 годахъ.

Поводомъ къ возникновенію этого вопроса послужила разница въ способѣ счисленія пасхальнаго времени церковью Римской и Александрійскою. Въ Римской церкви былъ положенъ въ основаніи 84 лѣтній кругъ, при чемъ високосный годъ (354 дня) приходился черезъ каждыя два года. Въ Александрійской-же церкви былъ положенъ 19 лѣтній кругъ и високосные годы (въ 383 дня) были 3, 6, 8, 11, 14 и 19 годы. Вслѣдствіе такой разницы въ счисленіи Пасха въ 444 году въ Римской церкви приходилась 25 марта (VII Cal April), а въ александрійской—24 апрѣля (IX Cal. Maj.). Св. Левъ вступилъ по этому поводу въ переписку съ св. Кирилломъ Александрійскимъ. Отъ этой переписки остался только отрывокъ отъ письма Кирилла Александрійскаго (Migne LIV, 601—6), въ которомъ излагается способъ вычисленія времени праздника Пасхи по 19 лѣтнему кругу. Св. Левъ праздновалъ Пасху 444 года по Александрійскому счисленію, вслѣдствіе убѣжденія Пасхазина,

епископа Ликибетанскаго (Ер: III). Подобная же разница во времени празднованія Пасхи вышла и въ 455 году. Въ римской церкви оно приходилось на 17 апрѣля (XV Cal. Maj.); въ Александрійской на 24 апрѣля (VIII Cal. Maj.).—Св. Левъ началъ заботиться объ устраненіи этой разницы въ 451 году. Отправляя Пасхазина, епископа Ликибеи въ качествѣ своего легата на Халкидонскій Соборъ, св. Левъ поручилъ ему точнѣе разслѣдовать дѣло между прочимъ и относительно праздника Пасхи (Ер. LXXXVIII, 4). Что предпринималъ по этому поводу Пасхазинъ—неизвѣстно. Самъ св. Левъ ничего, кажется, не предпринималъ до 453 года. Ему мѣшала вѣроятно заняться этимъ дѣломъ борьба съ евтихіанствомъ. По крайней мѣрѣ до насъ дошло письмо св. Льва къ императору только отъ 15 іюля 453 года. Въ этомъ письмѣ говорится о причинѣ происшедшей разности во времени празднованія св. Пасхи, о способѣ удалить эту разность—порученіемъ александрійскому епископу сообщать ежегодно всѣмъ церквамъ о времени празднованія Пасхи. Съ цѣлію облегчить опредѣленіе времени празднованія Пасхи, еще Теофилъ Александрійскій составилъ пасхалию на 100 лѣтъ впредь отъ 380 года. Но это не удалось затрудненій. Вычисленія Теофила часто не совпадали съ вычисленіями, производимыми въ Римѣ. По Римскому способу счисленія Пасха можетъ приходиться между 22 марта и 21 апрѣля (XI Cal. Arg—XI Cal. Maj.), по александрійскому—это пространство времени расширяется до 24 апрѣля.

Это по мнѣнію св. Льва „слишкомъ необычное и открытое преступленіе (церковныхъ правилъ)“. Поэтому св. Левъ просить императора поручить или египтянамъ или другимъ свѣдущимъ въ этомъ людямъ пересмотрѣть вычисленія Теофана для устраненія на будущее время всякихъ недоразумѣній.

Св. Левъ очевидно сильно заботился объ удаленіи разницы во времени одного изъ величайшихъ христіанскихъ праздниковъ. Онъ нѣсколько разъ (Ер. CXXXII¹⁾, CXXXVII, CXXXI, 2) напо-

¹⁾ Письмо CXXXII обыкновенно надписывалось: ad Eudochiam Augustam. Что оно написано не Евдокии, это ясно показываетъ формула. „fraternitatem tuam“.

минаетъ объ этомъ Юліану Косскому, прося его побудить императора сдѣлать надлежащія распоряженія относительно устраненія недоразумѣній во времени празднованія Пасхи. Императоръ уважилъ желаніе св. Льва и поручилъ александрійскому патриарху Протерію провѣрить вычисленіе Теофила. Протерій по этому случаю написалъ св. Льву письмо, въ которомъ доказываетъ правильность Александрійскаго способа вычисленія времени празднованія Пасхи. Императоръ также стоялъ за александрійскій способъ счисленія, о чемъ онъ и написалъ св. Льву. Св. Левъ рѣшилъ послѣдовать александрійскому исчисленію, хотя и выражалъ въ своихъ письмахъ къ императору, что его Преторій не убѣдилъ въ правильности александрійскаго способа счисленія и онъ слѣдуетъ ему только изъ нежеланія нарушить миръ всей церкви. Вскорѣ св. Левъ разослалъ въ Галлію и Италію посланіе, въ которомъ предписывалъ имъ совершать Пасху по александрійскому исчисленію 24 апрѣля (VIII Cal. Maj.).

f) Ефесская церковь.

Сношенія св. Льва по поводу происшествій въ Ефесской церкви недостаточно извѣстны, такъ какъ до насъ ничего не дошло изъ того, что св. Левъ писалъ по этому поводу. Обстоятельства дѣла слѣдующія. У Вассіана, пресвитера ефесскаго, всѣми уважаемаго и любимаго за свое благочестіе, вышли какія-то неприятели съ ефесскимъ епископомъ Мемнономъ. Этотъ послѣдній, желая избавиться отъ неприятнаго ему пресвитера, рѣшилъ посвятить его въ епископа незначительной евацкой епархіи (Evaза). Вассіанъ былъ посвященъ, и Мемнонъ скорѣ послѣ этого посвященія умеръ. Но Вассіанъ не хотѣлъ быть епископомъ того города, куда его поставилъ Мемнонъ. Преемникъ Мемнона, Василиій, видя нежеланіе Вассіана занимать предоставленную ему каѳедру, позволилъ ему жить въ Ефессѣ и безпрепятственно совершать здѣсь богослуженіе, а въ Евацу поставилъ другого епископа. Василиій умеръ. Ефесскіе клирики рѣшили избрать митрополитомъ ефесскимъ Вас-

сіана и просили проживавшаго тогда въ Ефессѣ епископа Θεодосіонопольскаго Олимпія о постановленіи его. Олимпій, конечно, не соглашался на такое противоканоническое дѣло—одному ему поставить Вассіана митрополитомъ ефесскимъ. Но около его дома собралась большая толпа, которая, видимо настолько ввусительно требовала отъ Олимпія поставленія Вассіана, что онъ согласился. Вассіанъ былъ поставленъ и былъ признанъ митрополитомъ ефесскимъ со стороны Прокла константинопольскаго, къ діоцезу котораго принадлежалъ Ефессъ, а также со стороны императора Θεодосія II. Но около 447 года толпа народа, подстрекаемая, вѣроятно, недовольными Вассіаномъ клириками, во главѣ которыхъ особенно выдавался пресвитеръ Стефанъ, напала на него расхитила, его имущество и его самого бросила въ тюрьму. Въмѣсто него поставленъ былъ Стефанъ. Объ этихъ происшествіяхъ было доведено до свѣдѣнія императора Θεодосія, и онъ назначилъ туда силенціарія Евстафія. Евстафій не нашелъ въ Вассіанѣ никакой вины; нашелъ только, что онъ неправильно былъ поставленъ въ митрополиты ефесскіе, о чемъ и донесъ императору. Это донесеніе заставило императора обратиться къ предстоятелямъ главнѣйшихъ церквей. Всѣ высказались противъ Вассіана, въ томъ числѣ св. Левъ и св. Флавіанъ константинопольскій. Св. Левъ писалъ, что Вассіанъ, какъ поставленный противъ правилъ, не можетъ быть епископомъ. (Письмо это не дошло; о немъ упоминается въ дѣяніяхъ IV вселенскаго собора при разборѣ дѣла Вассіана). Вассіанъ представилъ свое дѣло на разсмотрѣніе Халкидонскаго собора. Халкидонскій соборъ рѣшилъ, что каеэдру ефесскую Вассіанъ занималъ неправильно; равнымъ образомъ онъ не призналъ вслѣдствіе разныхъ злоупотребленій ефесскимъ митрополитомъ и Стефана, преемника Вассіана. Лишивъ ихъ обоихъ каеэдры ефесской, соборъ оставилъ ихъ въ санѣ епископа и предоставилъ имъ право пользоваться пожизненно частью доходовъ Ефесской церкви.

g) Св. Левъ предъ Аттилой и Гейзерихомъ.

Великія политическія событія заставили св. Льва два раза ходатайствовать за спасеніе своего отечества: а) передъ Атти-

лой, предводителемъ Гунновъ и б) Гейзерихомъ, предводителемъ Вандаловъ.

а) Знаменитая битва народовъ на Каталаунскихъ поляхъ кончилась поражениемъ Аттилы, этого „Бича Божія“. Но и послѣ поражения, „Бичъ Божій“ не сразу оставилъ Европу въ покоѣ. Послѣ поражения Аттилы прошелъ чрезъ Германію въ Паннонію и отсюда, вѣроятно, двинулся въ Италію. Вся верхняя Италія была опустошена. Сильно укрѣпленная Аввилея была взята, а за ней вскорѣ пали и другіе большіе и малые города верхней Италиі. Римъ не былъ защищенъ ничѣмъ. Аэцій, побѣдитель Аттилы на Каталаунскихъ поляхъ, теперь отчаялся въ благополучномъ исходѣ борьбы съ грознымъ врагомъ. Императоръ Валентиніанъ III бѣжалъ изъ Равенны, гдѣ была его резиденція, въ Римъ. Въ виду неизбежной гибели Италиі рѣшено было испытать послѣднее средство—послать къ Аттилѣ посольство. Объ этомъ посольствѣ существуютъ два разныхъ извѣстія. Кассіодоръ (Migne LXIX, 510) говоритъ о посольствѣ, во главѣ котораго стояли его (Кассіодора) отецъ и сынъ Аэція Карпилій. Рядомъ съ этимъ существуетъ и другое извѣстіе Проспера Аквитанскаго (Migne LI pass. II 603). По этому извѣстію во главѣ посольства стояли св. Левъ съ Авіенномъ и Тригиториємъ, изъ которыхъ первый былъ прежде консуломъ (vir consularis), а второй проефектомъ (vir praefectorius). Нѣкоторые изслѣдователи (Awendt стр. 324) извѣстіе Кассіодора считаютъ сомнительнымъ. Имъ кажется невѣроятнымъ, что-бы во главѣ посольства стояли такіе молодые (?) люди, какъ отецъ Кассіодора и сынъ Аэція Карпилій. Но другіе, напротивъ, склонны считать это извѣстіе вѣроятнымъ (Perthel, 90). По ихъ мнѣнію, было послано два посольства, слѣдовавшія одно за другимъ. Это послѣднее мнѣніе вѣроятнѣе перваго. Относительно результатовъ перваго посольства ничего неизвѣстно. Результаты второго превзошли всякія ожиданія. Аттила оставилъ Италію. Современникъ этихъ событій Просперъ Аквитанскій приписываетъ успѣхъ этого посольства личности св. Льва: „св. Левъ, говоритъ Просперъ (l. cit.), принявъ предложеніе (участвовать въ посольствѣ), надѣясь на помощь

Божію, которая, какъ онъ зналъ, никогда не оставляла благочестивыхъ въ ихъ трудахъ. Произошло такъ, какъ предположила вѣра. Все посольство было принято милостиво. Царь такъ обрадовался присутствію великаго первосвященника, что рѣшился воздержаться отъ войны и ушелъ за Дунай, обѣщавъ (сохранить) миръ“. Впослѣдствіи это событіе было украшено разными фантастическими прибавленіями. По этимъ позднѣйшимъ рассказамъ, Аттила рѣшился оставить Италію потому, что видѣлъ во время принятія посольства рядомъ со св. Львомъ еще другого мужа, который грозилъ ему мечемъ, если онъ не исполнитъ требованій папы.

Мнѣнія относительно того, что повліяло на счастливый успѣхъ посольства различны. Арендтъ (стр. 327 и дал.) приписываетъ этотъ успѣхъ тому „впечатлѣнію, которое произвелъ св. Левъ на Аттилу, благодаря своему духовному превосходству надъ нимъ“. Пертель (стр. 93) считаетъ мнѣніе Арендта и тѣ доказательства, которыя онъ приводитъ въ свою пользу, „пустой декламаціей“.

Нѣтъ сомнѣній, что посольство могло не мало выиграть отъ того, что во главѣ его было поставлено такое опытное лицо, какъ св. Левъ. Но нельзя отрицать и другихъ причинъ, которыя также вліяли на благопріятный исходъ дѣла.

Идатій (chron. Migne LI, 883), Исидоръ (Perthel, 93), Горнандъ (Perth. 94) говорятъ о „небесныхъ ударахъ“, о голодѣ, о болѣзняхъ, открывшихся въ войскѣ Аттилы. Кромѣ всего этого Аттилѣ угрожало войско Маркіана. Кассіодоръ передаетъ, что на рѣшеніе Аттилы имѣло вліяніе, распространенное въ то время, мнѣніе, будто всякаго, кто возьметъ Римъ, постигнетъ смерть. Въ доказательство этого указывали смерть Алариха и Атаульфа. Все это если не могло вполне воспрепятствовать, то всякомъ случаѣ и не особенно располагало Аттилу воевать съ Италіей. Въ это время явилось посольство, оно принесло Аттилѣ богатые дары, оно объявило согласіе Гоноріи, сестры императора Валентиніана III, на предложеніе Аттилы вступить съ нею въ бракъ, котораго Аттила уже давно дожидался. Послѣ такихъ предложеній посольства Аттилѣ

не было нужды трудиться надъ завоеваніемъ Италіи (Wietersheim, Geschichte der Völkerwanderung IV стр. 372—4. Leipzig 1864 г.). Самъ св. Левъ ничего не говоритъ о своемъ участіи въ посольствѣ къ Аттилѣ. Нѣкоторые (Arendt 330, Пѣвницкій, I, 60) полагаютъ, что именно объ этомъ говоритъ онъ въ своей LXXXIV, 2 рѣчи и сакраментаріи (Meusis oct; Migne LV, 133, IV). Но изъ этихъ мѣстъ нельзя вывести ничего опредѣленнаго.

б) Въ 455 году Римъ подвергся нашествію Вандаловъ подъ предводительствомъ Гейзериха. Онъ былъ приглашенъ въ Италію Евдоксіей, вдовой Валентиніана III, убитаго Максимомъ, у котораго онъ опозорилъ жену. Максимъ сдѣлался императоромъ и принудилъ Евдоксію, послѣ смерти своего супруга, стать его женой. Чтобы освободиться отъ ненавистнаго супружества съ убійцей своего мужа, Евдоксія рѣшилась на самое отчаянное средство—призвать на помощь Гейзериха. „Царь морей и земли“ охотно принялъ это приглашеніе. Онъ присталъ съ сильнымъ флотомъ къ Италіи и сталъ приближаться къ Риму. На пути къ нему онъ не встрѣтилъ ни какого препятствія. Максимъ не хотѣлъ сопротивляться; онъ вздумалъ было бѣжать, но былъ убитъ разъяреннымъ народомъ и тутъ-же брошенъ въ Тибръ. Между тѣмъ Гейзерихъ подошелъ къ Риму и былъ встрѣченъ при его воротахъ св. Львомъ. По свидѣтельству Проспера (Migne LI, 603), св. Левъ „смягчилъ его при помощи Божіей, такъ что, когда по сдачѣ города, было все въ его власти, онъ удержался отъ огня, убійствъ и мученій“. Но удержавшись отъ огня, убійствъ и мученій, Гейзерихъ не удержался отъ грабежа и разрушенія. Римъ преданъ былъ въ руки варваровъ, свирѣпствовавшихъ въ немъ въ продолженіи цѣлыхъ двухъ недѣль. Всѣ сокровища были взяты. Многіе памятники искусства были разбиты, изуродованы. Не одинъ Римъ былъ опустошенъ, но и всѣ его окрестности на очень далекое разстояніе. Капуа и Нола были сожжены. Дачи Сципіоновъ, Плиніевъ, Лукулла разрушены и разграблены. Евдоксіи пришлось горько раскаяться въ своемъ поступкѣ. Она была взята въ плѣнъ и отведена въ Африку вмѣстѣ съ двумя своими до-

черьми: Плацидией и Евдокией и была освобождена отъ плѣна только въ 462 году императоромъ Львомъ, преемникомъ Маркіана. Дочь ея Плацидія отпущена съ нею, а Евдокія вышла замужъ за сына Гейзериха Гуннериха.

Нашествіе Вандаловъ было великимъ несчастіемъ для Рима. Св. Левъ употреблялъ все, что могъ, для утѣшенія упавшаго духомъ народа, для облегченія его бѣдности. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что онъ всѣми силами заботился о возобновленіи полуразрушенныхъ храмовъ и о снабженіи ихъ утварью (Bowers, II, 268—9).

И. Дроздовъ.

(Продолженіе будетъ).

СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЕНІЯ.

(Продолженіе *).

II.

Борьба св. Льва съ ересями.

а) Борьба противъ Пелагіанъ.

Ересь пелагіанская была еще сильна и при св. Левѣ, не смотря на дѣятельность его предшественника Сикста III. Особенно она была распространена въ правленіе св. Льва въ верхней Италіи и Галіи. Распространенію здѣсь Пелагіанства содѣйствовалъ извѣстный Юліанъ, бывший епископъ Екланскій, бѣжавшій сюда послѣ своихъ неудачъ въ Римѣ и Константинополѣ. Распространеніе ереси было настолько сильно, что въ Аквилеѣ „нѣкоторые пресвитеры, діаконы и клирики различныхъ степеней принимались въ общеніе, не отказавшись предварительно отъ ересей“ (Ер. I, 1).

Это „бездѣйствіе пастырской стражи“ обратило на себя вниманіе Септимія, еп. Алтинскаго (Alatineusis). Онъ донесъ объ этомъ св. Льву. Св. Левъ тотчасъ отправилъ къ нему и къ Аквилейскому епископу ¹⁾ посланія (Ер. I и II). Въ обоихъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 9, за 1897 г.

¹⁾ Кто былъ въ это время епископъ въ Аквилеѣ, неизвѣстно. Sacciarі (въ своихъ *Dissertationes de Pelagianis heresi cap. VI. Migne LV. стр. 1080*) думаетъ, что это былъ Іануарій, къ которому написано письмо XVIII (по Сасе XIV), также по поводу пелагіанской ереси.

Но XVIII письмо составлено частью изъ II (начало), частью изъ I (конецъ). Кажется страннымъ, что св. Левъ послалъ Іануарію два почти одинаковыхъ письма, конецъ которыхъ буквально сходенъ.

этихъ посланіяхъ св. Левъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что въ Господней овчарнѣ явились подъ видомъ овецъ волки, нарушающіе церковныя правила. Они любятъ оставлять тѣ церкви, гдѣ они были поставлены и постоянно блуждать (*semper errare*) по другимъ церквамъ, всюду развращая сердца ложнымъ знаніемъ (*per falsi nominis scientiam multorum corda corrumpunt*). Будучи уличены въ ереси, они стараются опять войти въ церковное общеніе, чтобы опять совращать другихъ. Этого не было бы, если-бы предстоятели церквей (*Ecclesiarum praesules*) соблюдали необходимую осторожность (*necessariam diligentiam*) при ихъ приѣмѣ въ общеніе. Для прекращенія ереси св. Левъ требуетъ, чтобы былъ собранъ соборъ изъ мѣстныхъ священниковъ (*congregata apud vos synoda provincialium sacerdotum*). Всѣ принятые въ общеніе, но не осудившіе предварительно ереси, должны публично осудить ее; это имъ не повредить, а напротивъ, принесетъ пользу. Они должны собственноручно (*propria manu*) подписать всѣ утвержденныя апостольскимъ престоломъ соборныя опредѣленія (*decreta synodalia, quae ad excisionem hujus haereseos apostolicae sedis confirmavit auctoritas*), направленные къ уничтоженію этой ереси. Въ ихъ словахъ не должно быть ничего темнаго и двусмысленнаго.

Кто не подчинится этимъ требованіямъ, будетъ ли это клирикъ или мірянинъ, долженъ быть лишенъ церковнаго общенія, чтобы, погубивъ свою душу, онъ не могъ повредить душѣ другаго.

Кенель, Антельми и въ новѣйшее время Langen (стр. 5) заподозриваютъ самую подлинность письма XVIII. Беллерини на основаніи многихъ манускриптовъ утверждаютъ подлинность XVIII письма и думаютъ, что 1-е написано не къ Іануарію, а къ его предшественнику (вѣроятно Максиму). Этимъ объясняется тождественность концовъ письма I и XVIII, особенно если принять во вниманіе, что св. Левъ имѣлъ привычку нѣкоторые письма составлять изъ своихъ предшественныхъ, (напр. 149, 150; 124, 165). Время написанія I и II писемъ Кенель относитъ къ 444, Антельми 447, а Беллерини 442. Установить что ли-будь твердое относительно этихъ писемъ трудно. Мнѣніе братьевъ Беллерини, кажется, болѣе правдоподобнымъ, хотя основанія для него болѣе чѣмъ шатки. Они основываются на сообщеніи неизвѣстнаго автора (Du-Pin, IV, 189).—*De promissionibus et praedictionibus Dei pars IV c. 6; In Italia..... dum..... papa Leo Manicheus subverteret et contereret Pelagianos..... ambiens tum quidam Florigus et t. d.*“ Здѣсь относительно пелагіанъ говорится *contereret*. Слѣдовательно св. Левъ противъ нихъ дѣйствовалъ прежде, чѣмъ относительно Манихеевъ.

Отъ клириковъ, переходящихъ отъ церкви къ церкви, должно потребовать, чтобы они возвратились къ тѣмъ церквамъ гдѣ были поставлены: не желающій подчиниться этому требованію долженъ быть лишень преимуществъ чести и церковнаго общенія (ab honoris privilegio, et a communionis vinculo habeatur axtraneus).

Этими мѣрами Пелагианство, конечно, было ослаблено; но далеко еще было до его полнаго уничтоженія. Св. Левъ долженъ былъ бороться съ нимъ до конца своей жизни. Доказательствами этого является: 1) письмо XVIII къ Январію Аквилейскому, которое по всей вѣроятности написано противъ Пелагианъ, хотя здѣсь они прямо и не упоминаются. Написано оно 30 декабря (III Cal. Jan., по другимъ рукоп. въ іюль) 447 года. Что оно написано противъ Пелагианъ; это видно изъ того, что а) оно составлено изъ I и II писемъ, направленныхъ противъ Пелагианъ; б) оно было послано къ Аквилейскому епископу, въ епархіи котораго пелагианство было особенно распространено (Ep. I. 1). 2) Сообщение констант. патриарха Фотія (Bibl. I. 54), что „нѣкоторые свободно разсуждали о ереси въ самомъ Римѣ, когда еще на Римскомъ престолѣ былъ Левъ. Но они исчезли, когда нѣкто Просперъ, по истинѣ Божій человекъ, издалъ противъ нихъ сочиненіе“.

б) Воряба противъ Манихеевъ.

Въ концѣ 443 г. св. Левъ получилъ извѣстіе, что въ Римѣ чрезвычайно умножились Манихеи. Причиною этого умноженія было завоеваніе Африки Гензерихомъ въ 439 г. Изъ страха предъ грознымъ завоевателемъ, не отличавшимся вообще благосклонностію къ покореннымъ, многіе изъ нихъ переселились изъ Африки въ Римъ. Здѣсь они жили скромно, не обнаруживая своего ученія вѣроятно изъ боязни строгихъ законовъ относительно нихъ въ Римской имперіи. (Деокл. 290 г. Валентиніана I, 372, Граціана 379, Феодосія I, 381, Феодосія II и Валентиніана II, 425 г. Тексты нѣкоторыхъ изъ этихъ законовъ смотр. у Gieseler, Lehrb. d. Kirchg. I, 415). Но эта скромность имъ помогла не надолго.

Получивъ извѣстіе о Манихеяхъ, св. Левъ тотчасъ собираетъ

соборъ, гдѣ кромѣ епископовъ и пресвитеровъ, присутствовали многіе изъ знатныхъ римлянъ ¹⁾. На этомъ соборѣ было произведено нѣчто въ родѣ суда надъ Манихеями: „Были приведены, рассказываетъ самъ св. Левъ (S. XVI, 4), избранные и избранныя (Electi et Electae). Послѣ разсказа о развращенномъ своемъ ученіи и препровожденіи своихъ праздниковъ, они между прочимъ сознались въ такомъ преступленіи, о которомъ стыдно говорить. Это преступленіе изслѣдовано съ такою тщательностію, что даже для мало вѣрующихъ и порицающихъ насъ не можетъ быть въ этомъ ни какого сомнѣнія. Присутствовали всѣ лица, которые совершили невыразимое преступленіе т. е., дѣвочка, которой не болѣе 10 лѣтъ, и двѣ женщины, которыя воспитали ее и приготовили для этого преступленія. Тутъ былъ также и мальчикъ, растлитель дѣвочки и ихъ епископъ (episcopus), который устроилъ это отвратительное дѣло. Они всѣ сознались въ этомъ (hunc omnium par fuit et una confessio) (ср. E. XV, 16). Таковы результаты слѣдствія, произведеннаго св. Львомъ.“

Дѣлая всѣмъ извѣстными дѣянія манихеевъ, св. Левъ преслѣдовалъ ту цѣль, чтобы поселить въ своей паствѣ отвращеніе къ практической сторонѣ манихейства, какъ болѣе попятной для простыхъ слушателей и болѣе бросающейся въ глаза. Впрочемъ св. Левъ не оставляетъ безъ вниманія и теоретической стороны манихейства. Онъ во многихъ своихъ проповѣдяхъ (IX, XVI, XXIV, XXVI, XXXIV, XLII, LXXVI) излагаетъ и опровергаетъ манихейское ученіе, такъ что изъ его проповѣдей можно составить довольно полное представленіе о манихействѣ и его отношеніи къ христіанству.

Манихейство, по мнѣнію св. Льва, составлено изъ различныхъ элементовъ. „Что было дурнаго у язычниковъ, что было темнаго у плотскихъ Іудеевъ, что было не позволеннаго въ тайнахъ волшебнаго искусства, что наконецъ было святетатвеннаго и богохульнаго во всѣхъ ересяхъ, все это стеклось къ нимъ въ смѣси всѣхъ нечистотъ, какъ бы въ какую помойную яму (sentina)“ (Serm. XVI, 4).

¹⁾ Residentibus mecum episcopis ac presbyteris, ac in eundem concessum christianis viris ac nobilibus congregatis (S. XVI, 4).

Ереси Арія, Македонія, Аполлинарія и другія, которыхъ анаемствоваала Православная церковь, всё онѣ имѣютъ нѣчто такое, что можно отдѣлить отъ достойнаго осужденія; „въ преступнѣйшемъ же ученіи Манихеевъ нѣтъ ничего, что хотя отчасти можно было-бы признать терпимымъ“ (S. XXIV, 5).

Основатель этого „гнуснаго суевѣрія“ Манесъ. Этотъ „служитель дѣвольской лжи сталъ извѣстенъ спустя 260 лѣтъ послѣ воскресенія Господа при консулахъ Пробѣ (впослѣдствіи) императорѣ и Павлинѣ, когда уже свирѣпствовало 8-е гоненіе на христіанъ¹⁾.

Манихеи думаютъ, что въ Манесѣ, этомъ „обольстителѣ несчастныхъ“, явился Духъ Святый Параклитъ, обѣщанный Богомъ, который наставилъ своихъ учениковъ на всякую истину и открылъ имъ никогда не познанныя тайны прошедшихъ вѣковъ (S. LXXVI, 6).

Въ ученіи Манихеевъ св. Левъ особенно обращалъ вниманіе на „дѣвольское нечестіе“—на извращеніе въ немъ христіанскаго догмата о воплощеніи. „Для убійства душъ, обманутыхъ ими, они соткали (texerunt) изъ нечестивой сказочной лжи смертоносный вымыселъ нечестиваго ученія и чрезъ эти обломки нелѣпныхъ мыслей они быстро спустились до того, что стали признавать во Христѣ призракное тѣло (ut sibi falsi corporis fingerent Christum), которое для глазъ и дѣйствій (actionibus) людей не представляло изъ себя ничего твердаго, ничего истиннаго; но только показывало пустой видъ мнимаго тѣла.

Имъ угодно считать недостойнымъ довѣрія, что-бы Богъ, Сынъ Божій, вошелъ въ женскую утробу и подвергъ этому по-

¹⁾ Manes... eo tempore... innotuit, quo post resurrectionem Domini ducentesimus et sexagesimus annus impletus est, Probo impreatore Paulinoque consulibus cum octava jam in Christianos persecutio desaeviret (S. LXXVI, 6). Беллерини основательно замѣчаютъ, что св. Левъ говоритъ здѣсь со словъ хроники Проспера (Migne. LIV, 540—3). Здѣсь св. Левъ согласно Просперу разумѣетъ гоненіе Авреліана, которое Просперъ считаетъ осьмымъ. Затрудненіе заключается въ обозначеніи времени. Время, о которомъ говоритъ св. Левъ, было лѣтъ на 10 раньше. Авреліанъ царствовалъ съ 270—275 г. по Р. X. Св. Левъ считая года не отъ Рождества Спасителя, а отъ страданій и смерти Его (какъ это дѣлаетъ и Просперъ), долженъ былъ бы считать 245 или въ крайнемъ случаѣ 250. Очевидно, св. Левъ говоритъ здѣсь съ приблизительною точностію.

ношенію свое величіе; чтобы Онъ, смѣшавшись съ природою тѣла, родился въ истинной сущности человѣческаго тѣла. Между тѣмъ это дѣло не поношеніе для Него, но выраженіе Его могущества; и считать его нужно не оскверненіемъ, но славною честію“ (Ser. XXIV, 4). Не признавая во Христѣ воплотившагося Бога, Манихеи „отрицаютъ, что Онъ былъ распятъ за спасеніе міра; отрицаютъ, что изъ прободеннаго кошіемъ ребра истекла кровь искупленія и вода крещенія; отрицаютъ, что Онъ былъ погребенъ и въ третій день воскресъ; отрицаютъ, что Онъ былъ превознесенъ въ виду всѣхъ учениковъ выше всѣхъ небесъ“ (Гв. с. 4). „А такъ какъ это великое и неизреченное таинство возвѣщено всѣми свидѣтельствами святыхъ Писаній, то эти противники истины презрѣли законъ, данный чрезъ Моисея, и указанія пророковъ, вдохновенныхъ свыше, и самыя даже евангельскія и апостольскія писанія исказили, иное выбрасывая изъ нихъ, а другое внося съ именами апостоловъ и съ авторитетомъ словъ Самаго Спасителя, вымышляя себѣ и пуская въ свѣтъ многія ложныя книги, которыми они подкрѣпляли вымыслы своего заблужденія и вливали смертоносный ядъ въ умы уловляемыхъ ими. Манихеи искажаютъ и церковныя постановленія. Такъ одинъ изъ самыхъ великихъ церковныхъ праздниковъ—праздникъ въ честь Рождества Христа Спасителя они празднуютъ только потому, что въ это время приходится рожденіе новаго солнца—переходъ его отъ зимняго стоянія къ лѣтнему¹⁾.

Манихеи особенно привлекали къ себѣ православныхъ внѣшнимъ благочестіемъ и постами. Поэтому св. Левъ старается показать своимъ слушателямъ, какова эта праведность и благочестіе и чѣмъ они обусловливаются.

Христіане воздерживаются отъ извѣстнаго рода пищи не потому, что считаютъ его нечистымъ, сквернымъ, а потому, что воздержаніе это уничтожаетъ тѣлесныя страсти и подчи-

¹⁾ Св. Левъ не выясняетъ (судя по тому, что до насъ дошло отъ него) во всей полнотѣ и точности, въ чемъ именно состояло это поклоненіе солнцу. Изъ его твореній (S. XXXIV, 4) видно только то, что Манихеи почитаютъ въ солнцѣ и лунѣ—Христа; въ честь солнца и луны они празднуютъ воскресеніе и понедѣльникъ (prima et secunda sabbati. S. XLII, 5, Ep. XV, 4, Ep. CXXXIII, V).

няетъ плоть духу. Манихеи напротивъ воздерживаются отъ известнаго рода пищи потому, что считаютъ его нечистымъ, созданнымъ не Богомъ, но диаволомъ. Между тѣмъ „совершенно нѣтъ никакой злой субстанціи и даже зло не имѣетъ, никакой природы (*nulla sit substantia mala, nec ipsius mali sit ulla natura*). Ибо благой Творецъ все создалъ добрымъ и одинъ виновникъ всѣхъ вещей, сотворившій небо и землю, море и вся, яже въ нихъ (Пс. CXLV, 6). Все, что позволено употреблять въ пищу и питіе, все свято и чисто въ качествѣ своего рода. Если что употребляется съ неумѣренной жадностію, то вредитъ пьющимъ и ядущимъ излишество, но не оскверняетъ ихъ природа пищи и питія: вся-бо, по слову апостола, чиста чистымъ (Тим. 1. 13) (CXLII, 4). Между прочимъ Манихеи воздерживаются отъ вина и простираютъ это до того, „что недостойными устами принимаютъ только тѣло Христово, и совершенно уклоняются отъ принятія крови нашего искупленія“ (S. XLII, 5). Манихеи очевидно имѣли не мало приверженцевъ какъ въ Римѣ, такъ и въ Италиі. По крайней мѣрѣ это можно заключить изъ дѣятельности св. Льва противъ нихъ какъ въ самомъ Римѣ, такъ и въ Италиі вообще.

Св. Левъ увѣщаетъ своихъ пасомыхъ не имѣть никакого общенія съ еретиками, не заводить съ ними никакихъ знакомствъ. Особенно св. Левъ проситъ объ этомъ женщинъ (S. XVI, 5), которыхъ особенно, вѣроятно, привлекали „ихъ посты, простота одежды, блѣдныя лица“.

Такъ какъ ересь, въ виду строгихъ законовъ, направленныхъ противъ нихъ, не могла распространяться иначе, какъ только тайно, то св. Левъ всѣми силами старался открыть ихъ тайныя убѣжища. Онъ увѣщаетъ своихъ слушателей, чтобы они доносили пресвитерамъ, если кому вибудъ изъ нихъ удастся узнать, гдѣ собираются еретики.

„Ибо великое благочестіе (говоритъ онъ) открывать убѣжища нечестивыхъ и въ нихъ наносить удары самому диаволу, которому они служатъ. Противъ нихъ съ оружіемъ вѣры нужно подняться всей вселенской церкви; но ваше благочестіе въ

этомъ дѣлѣ должно проявиться по преимуществу, такъ какъ въ лицѣ предковъ своихъ вы слышали Евангеліе о крестѣ Христовомъ изъ устъ блаженнѣйшихъ Петра и Павла“ (S. IX, 4) ¹⁾. „Увѣщаніе это приложено къ слову о милостынѣ, говоренному по случаю особаго благотворительнаго учрежденія въ Римской церкви и прямой связи не имѣетъ съ предметомъ слова. Видно, что открытіе въ Римѣ ереси глубоко заняло душу епископа“ (Пѣвн. 2, 238). Но св. Левъ былъ озабоченъ искорененіемъ ереси не только въ предѣлахъ Рима, но и всей Италиі вообще. Многіе Манихеи бѣжали отъ преслѣдованій въ Римъ въ другія мѣста Италиі и здѣсь опять продолжали распространять свое ученіе. Это побудило св. Льва издать (30 января 444 г.) окружное посланіе къ Италианскимъ епископамъ (Ер. VII). Въ этомъ посланіи св. Левъ призываетъ епископовъ къ содѣйствию въ его заботахъ относительно искорененія диавольской лести.

Разсказывая объ открытіи въ Римѣ множества послѣдователей и учителей манихейскаго нечестія и о мѣрахъ, принятыхъ противъ распространенія его, св. Левъ побуждаетъ своихъ собратовъ къ вниманію и бдительности, чтобы среди ихъ паствы не было манихейскаго развращенія и его учителей (*doctores*), особенно бѣжавшихъ изъ Рима.

Св. Левъ побуждаетъ къ дѣятельности противъ манихейства и свѣтскую власть. Онъ ходатайствуетъ предъ императоромъ Валентиніаномъ III относительно изданія закона противъ еретиковъ. Валентиніанъ издалъ очень строгій Эдиктъ (Ер. VIII 19 Юня 445 г.). Манихейство въ этомъ Эдиктѣ признавалось государственнымъ преступленіемъ (*publicum crimen*). На манихеевъ имѣетъ право доносить всякій, не подвергаясь опасности за это когда либо и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ быть обвиненнымъ. Никто не имѣетъ права скрывать ихъ, или вступать съ ними въ какія либо сношенія. Всѣ законы противъ нихъ прежнихъ императоровъ остаются въ силѣ. Манихеи не имѣютъ права поступать въ военную служ-

¹⁾ Эта и предыдущія тирады о манихействѣ приведены въ переводѣ Пѣвничкаго.

бу и жить въ городахъ, чтобы они не могли уловить кого либо изъ невинныхъ. Они лишаются права получать наслѣдство и дѣлать завѣщанія; они не имѣютъ права искать судебной защиты отъ несправедливостей и притѣсненій, не имѣютъ права заключать какія либо условія, сдѣлки. Начальникъ, допустившій служить въ войскѣ Манихея, наказывается штрафомъ въ 10 фунтовъ золота (римскій фунтъ = 0,8 нашего фунта). Вообще, никакая мѣра не можетъ быть признана слишкомъ жестокой для тѣхъ, чье скверное развращеніе подъ видомъ религіи совершаетъ то, чего не знаютъ и стыдятся даже мѣста разврата (lupanaria).

Само собою разумѣется, что такія мѣры должны были имѣть дѣйствіе. Они не уничтожили, конечно, ереси (Ер. XV, 16), но сильно препятствовали ея распространенію въ Италіи.

с) Вѣрба противъ Присцилліанъ.

Въ 447 году св. Левъ былъ извѣщенъ Туррибіемъ, епископомъ Астурійскимъ, что въ Испаніи „опять возникла болѣзнь заблужденій изъ остатковъ старой язвы“, опять „стали разогрѣвать смраднѣйшую помойную яму (sentina) Присцилліанистовъ¹⁾“.

¹⁾ Вопросъ о Присцилліанѣ и Присцилліанистахъ въ настоящее время, благодаря открытію и изданію сочиненій Присцилліана, можно считать значительно выясненнымъ. (Сочиненія Присцилліана открыты Шепсомъ и изданы въ 1889 году въ XVIII томѣ corpus'a scriptorum ecclesiae latinae). Присцилліанъ, основатель секты его имени, по сообщенію Сульпиція Севера (Sulp. Severus. Historia sacra, lib. II, c. 46 у Migne, P. L. XX, 155) происходилъ изъ знатной фамилии, былъ человѣкъ образованный (multa lectione eruditus), остроумный, краснорѣчивый, во всемъ съ тѣмъ безпощадный и склонный къ спорамъ. Онъ отличался большой нестяжательностью и воздержностью (vigilare multum famem ac sitim ferre poterat, habendi minime cupidus utendi... parcissimus). Впрочемъ, не смотря на свои добродѣтели, онъ былъ слишкомъ тщеславенъ, слишкомъ гордился знаніемъ свѣтскихъ наукъ, чтобы можно было сомнѣваться въ томъ, что онъ еще съ молодости не занимался магіей (sed idem vanissimus et plus Iusto inflator profanarum rerum scientia, quin et magicas artes ab adolescentis eum exercuisse creditum est).

Краткая характеристика Сульпиція Севера въ общемъ замѣчательно правдива и согласна какъ съ характеромъ открытыхъ сочиненій Присцилліана, такъ и со всей его дѣятельностью. На основаніи ново-открытыхъ его сочиненій, правда, нельзя его обвинять во всемъ томъ, въ чемъ обвиняли впоследствии основанную имъ секту. Но въ нихъ очень много *поводовъ* къ этому обвиненію. Такъ онъ пре-

Причиной распространенія этой секты вѣроятно было вторженіе въ Испанію въ началѣ IV вѣка разныхъ народовъ, отвлекшее отъ нихъ вниманіе правительства въ другую сторону. Секта быстро возросла и обратила на себя вниманіе Туррибія, дѣятельно приняшагося за ея уничтоженіе. Кромѣ св. Льва, онъ извѣстилъ еще посланіями епископовъ Идація (Idacius) и Цепонія (Ceronius), побуждая ихъ быть внимательными къ „сѣющимъ плевелы и злыя ученія“. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ какіе апокрифы особенно уважаются Присцилліанистами, именно: Acta S. Thomae, S. Andreae, S. Iohannis и особенно „злословнѣйшія“ (blasphemia missimo illo libro) Memoria Apostolorum, „извращающія законъ Господень и разрушающія законъ Ветхаго Завета (Migne XLIV, 693—695). Къ св. Льву кромѣ упомянутого уже извѣщенія (св. Левъ называетъ его Epistolam familiarem. Ер. XV, 17.), Туррибіи послалъ еще: 1) Commonitorium въ XVI главахъ, содержащей

увеличиваетъ значеніе апокрифовъ (liber de apocriphis. Opp. 44—56). Въ дошедшихъ до насъ его сочиненіяхъ есть разсужденія, сильно напоминающія Савелліанство (въ трактатѣ: Benedictio super fideles, Opp. 103—106: Unus Deus crederis, invisibilis in patre, visibilis in filio et unitus in opus duorum sanctus spiritus inveneris).

Любопытно то, что онъ отвергаетъ (въ Tractatus Genesis, Opp. 62—63) мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что міръ не сотворенъ, но существовалъ постоянно (non factum, sed perpetuum fuisse mundum) и тѣхъ, которые думаютъ, что все существующее сотворено не Богомъ (nihil in his, quae apparent, Deum fecisse), т. е. какъ разъ тѣ мнѣнія, въ которыхъ обвиняли и его, и его послѣдователей. На соборѣ, который былъ собранъ въ 380 году противъ него въ Сарагоссѣ (Saraugusta), онъ не былъ лично осужденъ: осуждены только разныя гностическія и манихейскія мнѣнія, разныя уклоненія отъ церковной дисциплины, въ которыхъ Присцилліанъ не признавалъ себя виновнымъ (см. его liber apolog. Opp. — 3—33, написанный вѣроятно къ о.о. этого собора). Вскорѣ послѣ собора онъ былъ поставленъ своими единомышленниками, епископами Салвіаномъ и Инстанціемъ, епископомъ Абилы (Abila) въ Испаніи. Послѣ собора начали преслѣдовать какъ Присцилліана, такъ и его послѣдователей, какъ заподозрѣнныхъ въ мнѣніяхъ, осужденныхъ соборомъ. Присцилліанъ ходатайствовалъ предъ папой Дамасомъ (liber ad Damas. episcopum, Opp. 34—43) и Амвросіемъ Медиоланскимъ (Sulp. Sever. l. c.), но напрасно. При посредствѣ подкупленнаго вельможи Македонія имъ удалось добиться отъ императора Граціана указа о принятіи ихъ въ церковное общеніе (Sulp. Sev. l. c.). Возвратившись въ Испанію, Присцилліанъ и его приверженцы начали преслѣдовать своихъ враговъ, какъ возмутителей общественнаго

осужденныя на соборѣ мнѣнія Присцилліана и 2) посланіе, тоже XVI гл., въ которомъ также какъ въ *Commonitorium* излагалось ученіе Присцилліана. Но ни *Commonitorium*, ни посланіе Туррибія къ св. Льву не дошли до насъ. Сохранилось только отвѣтное посланіе св. Льва къ нему. Въ этомъ посланіи св. Левъ подробно излагаетъ заблужденія присцилліанъ, о которыхъ ему написалъ Туррибіи въ своихъ посланіяхъ. Здѣсь св. Левъ иногда опровергаетъ ихъ, а иногда ограничивается краткимъ изложеніемъ православнаго ученія, или даже только указаніемъ изъ какой ереси присцилліанисты взяли свое заблужденіе. Ересь присцилліанистовъ, по мнѣнію св. Льва, есть смѣсь самыхъ разнообразныхъ заблужденій. „Если—говоритъ онъ—внимательнѣе разсмотрѣть всѣ ереси, которыя существовали до Присцилліана, то не найдется почти ни одного заблужденія, отъ котораго не заражалось-бы это нечестіе; оно не удовольствовалось принятіемъ лжи тѣхъ, которые подъ именемъ Христа, далеко ушли отъ Евангелія, но погрузилось еще въ мракъ

спокойствія. Особенно пострадалъ Итацій (Ithacius) Оссонобскій (Ossozona въ Португаліи), который обратился съ жалобой къ узурпатору Максиму, бывшему въ то время въ Трирѣ (384). Максимъ повелѣлъ собрать соборъ въ Бордо (Burdigala), который былъ въ 384 году. Присцилліанъ и его послѣдователи были осуждены и апеллировали Максиму (Sulp. Sev. I. c.). Максимъ поручилъ разобратъ дѣло префекту Еводію, человѣку справедливому (vir, quo nihil unquam justius fuit. Sulp. Sev. Vita Martini c. 20) и вмѣстѣ суровому (vir acer et ascerbus. Sulp. Sev. Hist. Sacra c. 50). Есть основанія думать, что Еводій довелъ обвиняемыхъ до признанія въ ереси посредствомъ пытокъ. По крайней мѣрѣ язычникъ Пакатъ въ своемъ панегирикѣ Θεодосію I говоритъ о gemitus et tormenta miserorum. (V Kurtz, Hand. der Kirchengesch., I, 2, стр. 235). Присцилліанъ и нѣкоторые изъ его приверженцевъ были казнены; другіе сосланы въ заточеніе. Присцилліане были первые еретики, противъ которыхъ была употреблена смертная казнь, которая признала протестъ у многихъ благочестивыхъ и благородныхъ мужей. Такъ напр. противъ этой казни высказался св. Амвросій Медиоланскій (Ep. 24 ad Valentinianum); Мартинъ Турскій открыто называлъ эту казнь новымъ и неслыханнымъ злодѣяніемъ (novum esse et inauditum nefas, si causam ecclesiae iudex saeculi judicaret. Sul. Sev. I. c.). Сульпицій Северъ говоритъ въ своей *Historia sacra* (с. 50), что ему одинаково не нравятся какъ обвиняемые, такъ и обвинители (ae mea quidem sententia est mihi tam reos, quam accusatores displicere). Были впрочемъ и за эту казнь. Въ этомъ смыслѣ высказался бл. Августинъ (de mendacio ad Consent. c. 3) и св. Левъ Великій (Ep. XV, 1). См. о Присцилліанѣ триктатъ въ новомъ изданіи патрологии Fessler'a (II, I, 219—234).

язычества. Согласно нечестивымъ таинствамъ магіи и пустой лжи математиковъ, оно (нечестіе) поставило вѣру и нравственность (religionis fidem potiusquam rationem) въ зависимость отъ власти демоновъ и вліянія звѣздъ. Справедливо, поэтому, отцы наши, при которыхъ появилась эта мерзкая ересь (haeresis), повсюду настойчиво старались изгнать это нечестивое безуміе; даже свѣтская власть (principes mundi) возмѣла такое отвращеніе отъ этого безбожнаго ученія, что самаго виновника его со многими учениками ниспровергла мечемъ общественныхъ законовъ. Они видѣли, что если дозволить далѣе жить людямъ съ такой вѣрой, то это значитъ отложить всякое попеченіе о чести, разрушить всякую брачную связь и вмѣстѣ уничтожить законъ божескій и человѣческій. Такой пріемъ давно уже принесъ пользу церковной снисходительности, которая хотя и избѣгаетъ кровавыхъ наказаній, довольствуясь церковнымъ судомъ (sacerdotali iudicio): однако пользуется услугами строгихъ постановленій христіанскихъ правителей въ ожиданіи, что боющіеся тѣлеснаго наказанія прибѣгнутъ къ духовному средству. Твое стараніе изложило осужденныя мнѣнія въ 16 главахъ. Мы вкратцѣ разсмотримъ все, чтобы не было относительно этихъ злословій чего-либо сомнительнаго или терпимаго.

I. Итакъ въ первой главѣ показывается, какъ нечестиво мыслятъ о божественной Троицѣ тѣ, которые утверждаютъ, что лицо (persona) Отца, Сына и св. Духа есть одно и то же; какъ будто одинъ и тотъ-же Богъ называется то Отцемъ, то Сыномъ, то Духомъ Святымъ; и не отличны другъ отъ друга родившій, рожденный и происшедшій отъ того и другого (de utroque); что совершенное единство (singularis unitas) должно понимать (accipienda) такъ, что оно заключается въ трехъ словахъ (tribus vocabulis), а не въ трехъ лицахъ. Этотъ родъ злословія они заимствовали изъ ученія (opinione) Савеллія.

II. Во второй главѣ показывается нелѣпый и пустой вымыселъ объ исхожденіи изъ (ex) Бога нѣкоторыхъ силъ, которыя получили отъ Него начало, которыхъ не было прежде Его существа (quas labere coeperit et quae essentia sui praecesserit). Здѣсь имъ оказываетъ помощь заблужденіе Аріанъ.....

III. Въ третьей главѣ нечестивые утверждаютъ, что Сынъ Божій потому называется едиnorodнымъ, что Онъ одинъ только (solus) рожденъ отъ дѣвы. Они не осмѣливались-бы говорить такъ, если бы они не почерпнули яду отъ Павла Самосатскаго и Фотина...

IV. Въ четвертой главѣ говорится, что они не празднуютъ, какъ должно день Рождества Христова, постясь въ этотъ день такъ же, какъ и въ день Господень, который есть день воскресенія Христова. Такъ они дѣлаютъ потому, что не вѣруютъ въ рожденіе Христа Господа въ истинномъ человѣческомъ естествѣ (natura), и думаютъ, что все это было не дѣйствительнымъ, а призрачнымъ (per quandam illusionem ostentata). Въ этомъ они слѣдуютъ мнѣніямъ Кердона и Маркіона, будучи въ то же время во всемъ согласны съ своими родственниками (cognotis) Манихеями.

V. Въ пятой главѣ говорится о томъ, что душа человѣка имѣетъ, по ихъ мнѣнію, божественную сущность (substantiam) и наша природа по своему свойству не отличается отъ природы своего Творца. Вселенская церковь осуждаетъ это нечестіе, истекающее изъ ученія нѣкоторыхъ философовъ и Манихея.

VI. 6-ое замѣчаніе показываетъ, что дьяволъ, по ихъ словамъ, никогда не былъ добрымъ, и его природа не есть созданіе Божіе, но онъ произошелъ изъ хаоса и мрака. Не будучи никѣмъ сотворенъ, онъ является началомъ и сущностью зла. Но истинная вѣра исповѣдуетъ, что злой сущности нѣтъ и природа всѣхъ твореній, какъ духовныхъ, такъ и тѣлесныхъ имѣетъ добрую сущность. Отсюда и дьяволъ былъ бы добрымъ, если бы остался въ томъ видѣ, въ какомъ былъ сотворенъ, но „онъ въ истинѣ не устоялъ“ (Іоан. VIII. 44). Это, впрочемъ, не значитъ, что онъ перешелъ въ противоположную сущность; это значитъ только, что онъ удалился отъ добра; зло такимъ образомъ не есть сущность дьявола, а только „наказаніе этой сущности“ (malum non erit substantia, sed poena substantiae).

VII. „Изъ седьмой главы слѣдуетъ, что они осуждаютъ бракъ и питаютъ отвращеніе отъ рожденія дѣтей, въ чемъ (какъ почти во всемъ другомъ) они согласны съ нечестіемъ Манихея. При-

чина отверженія ими брака заключается въ томъ, что при существованіи брака, „гдѣ сохраняется стыдъ и потомство, нѣтъ свободы для разврата“.

VIII. „8-е ихъ заблужденіе состоитъ въ томъ, что (по ихъ мнѣнію) образованіе человѣческихъ тѣлъ есть дѣло (figmentum) дьявола и сѣмя для зачатія образуется въ утробѣ женщинъ демонами (orega demonum). Поэтому не должно вѣрить воскресенію тѣла, такъ какъ соединеніе съ тѣломъ не соответствуетъ достоинству души. Эта лажъ безъ сомнѣнія дѣло дьявола, который образуетъ не людей въ женской утробѣ, а такія заблужденія въ сердцахъ еретиковъ. Этотъ самый нечистый ядъ, истекающій въ частности изъ источника манихейскаго нечестія, вселенская церковь давно уже осудила.

IX. Изъ девятаго замѣчанія видно, что, по ихъ словамъ, сыны обѣщанія ¹⁾ хотя рождены отъ женъ, но зачаты (conceptos ex) отъ св. Духа. Это противно вселенской вѣрѣ, исповѣдующей, что весь человѣкъ въ существѣ (substantia) тѣла и души образуется Творцомъ вселенной и одушевляется внутри матерней утробы. Притомъ остается зараза грѣха и смерти, переходящая на потомство отъ прародителя. И сыны обѣщанія возрождаются св. Духомъ при помощи таинства возрожденія не въ плотскомъ чревѣ, а въ силѣ крещенія.

X. Въ 10-й главѣ, они утверждаютъ, что души, находящіяся въ человѣческихъ тѣлахъ, существовали прежде безъ тѣлъ; но они согрѣшили въ небесномъ жилищѣ и потому ниспали сверху внизъ, подпали подъ власть разныхъ силъ (principes) и были заключены силами (per potestates) воздуха и звѣздъ, одни жестокими, другіе кроткими, въ тѣла, имѣющія разную судьбу и положеніе. Такимъ образомъ все, что есть въ жизни неравнаго и различнаго, имѣетъ основаніе въ прошедшемъ. Эту нечестивую басню они соткали изъ многихъ заблужденій... Но вселенская вѣра, всѣхъ такихъ отсѣкаетъ отъ единенія съ собою; она твердо и истинно исповѣдуетъ, что человѣческія души не

¹⁾ Сыны обѣщанія—filii promissionis—по мнѣнію Арендта суть не что иное какъ духовные христіане—теоретикоі гностики (стр. 220).

были прежде, чѣмъ они были вдохнуты въ тѣло, и никто ихъ не вселялъ въ тѣло, кромѣ Бога Художника, Творца какъ ихъ самихъ, такъ и тѣлъ.

XI. 11-е ихъ хуленіе состоитъ въ томъ, что человѣческія души и тѣла (по ихъ мнѣнію) зависятъ отъ рѣшающихъ судьбу (*fatalibus*) звѣздъ. Изъ этого безумія съ необходимостію слѣдуетъ то, что они, будучи запутаны всѣми заблужденіями язычества, стараются почитать тѣ звѣзды, которыя (по ихъ мнѣнію) благопріятствуютъ имъ, и умиловать неблагопріятствующія. Слѣдующимъ этому, по истинѣ нѣтъ никакого мѣста въ церкви вселенской; кто поддался этимъ доводамъ, тотъ совершенно удался отъ тѣла Христова.

XII. „12-е заблужденіе состоитъ въ томъ, что они подчиняютъ однимъ силамъ (*potestatibus*) части души,—другимъ члены тѣла. Тѣ силы, которымъ подчинена душа, называются именами патриарховъ; тѣ, которымъ подчинено тѣло—именами звѣздъ. Тѣ, которые осмѣливаются такъ учить или вѣрить, не должны имѣть съ ними ничего общаго“.

XIII. На тринадцатомъ мѣстѣ поставлено то, что по ихъ словамъ всѣ каноническія книги св. Писанія, носящія имена патриарховъ, должно принимать (*omne corpus Scripturarum, canoniarum sub patriarcharum nominibus accipiendum est*), такъ какъ въ ихъ словахъ говорится о тѣхъ 12-ти сынахъ, которые возраждаютъ внутренняго человѣка (рѣчь идетъ очевидно объ апокрихахъ, изъ которыхъ многіе носятъ имена патриарховъ, напр. *Ascensio Isaiae, apocalipsis IIIae*). Безъ этого знанія ни одна душа не можетъ достигнуть превращенія въ ту субстанцію, отъ которой произошла. Но христіанская мудрость презираетъ эту нечестивую ложь. Она знаетъ, что природа истиннаго Божества непреложна и неизмѣнна а душа, какъ при жизни въ тѣлѣ, такъ и отдѣльно отъ тѣла, подвержена многимъ страстямъ. Если бы она была Божеской природы, то не могла бы впасть ни въ какой грѣхъ. Они несравнимы: „иное Творецъ—иное тварь“.

XIV. Въ 14 главѣ излагаются мысли относительно положенія тѣла, именно,—что оно вслѣдствіе своего земнаго свойства,

находится въ подчиненіи звѣздамъ и созвѣздіямъ; что въ священныхъ книгахъ много такого, что относится къ внѣшнему человѣку и противоположность между божественной и земной природой существуетъ и здѣсь. Чтобы украсить эту святотатственную ложь, они осквернили почти всѣ божественныя слова, придавая имъ нечестивый смыслъ.

XV. Содержаніе 15-ой главы справедливо порицается, какъ дьявольское намѣреніе. О томъ, что говорится здѣсь, мы также узнали изъ доноса вѣрныхъ свидѣтелей и нашли много сильно испорченныхъ кодексовъ, которые они называютъ каноническими.

Нужно поэтому стараться и какъ можно внимательнѣе смотрѣть со всѣмъ пастырскимъ прилежаніемъ, чтобы всѣ испорченные (*falsati*) кодексы, несогласные съ чистой истиной, не были совсѣмъ въ употребленіи (*in nullo usu lectionis habeantur*). Апокрифическія писанія, которыя подъ именемъ апостоловъ заключаютъ въ себѣ сѣмена лжи, не только должны быть запрещены, но и совершенно изъяты и сожжены (*non solum interdictae, sed etiam penitus auferendae sunt, atque ignibus concremandae*). Хотя между ними есть такіе, которые кажется имѣютъ видъ благочестія, однако они никогда не свободны отъ яду. Благодаря завлекательнымъ баснямъ, они незамѣтно достигаютъ того, что запугиваютъ совращенныхъ рассказами про необыкновенное въ сѣти какого нибудь заблужденія. Поэтому епископъ, не припятствующій имѣть апокрибы дома, или дозволившій читать въ церкви подъ именемъ каноническихъ тѣ кодексы, которые осквернены прелюбодѣйнымъ исправленіемъ Присцилліана—тотъ епископъ пусть знаетъ, что его должно считать еретикомъ: такъ какъ тотъ, кто не отклоняетъ другихъ отъ заблужденія, показываетъ, что онъ заблуждается самъ.

XVI. Въ послѣдней главѣ находится справедливая жалоба, что многіе съ благоговѣніемъ читаютъ тѣ сочиненія Диктинія, которые онъ написалъ въ пользу ученія Присцилліана, между тѣмъ какъ они должны были-бы, если хотятъ что-либо воздать памяти Диктинія, любить болѣе не паденіе его, но возстаніе. Поэтому они читаютъ не Диктинія, но Присцилліана; они одобряютъ то, чему онъ училъ ошибочно, а не то, что онъ избралъ

по своемъ исправленіи. Поэтому никто не долженъ знать этого безнаказанно; и всякій, кто пользуется сочиненіями, осужденными не только церковію, но и авторомъ, не долженъ считаться православнымъ. Не должно позволять нечестивымъ скрывать свои мысли и подъ покровомъ христіанскаго имени отклонять отъ себя постановленія императорскихъ декретовъ.

Въ ихъ нечестивыхъ мистеріяхъ, которыя чѣмъ грязнѣе, тѣмъ тщательнѣе скрываются, исключительно одно непотребство, одна грязь и одно безстыдство.

XVII. Въ концѣ дружественнаго письма ¹⁾ Туррибія, былъ предложенъ вопросъ, многимъ показавшійся недоумѣннымъ: „было-ли тѣло Иисуса Христа во гробѣ, когда онъ сходилъ въ адъ?“ Св. Левъ отвѣчаетъ на это утвердительно: „тѣло Иисуса Христа дѣйствительно было мертво, погребено и въ третій день дѣйствительно воскресло... Не вѣрить этому довольно нечестиво. Это, безъ сомнѣнія, имѣетъ отношеніе къ ереси Манихея и Присцилліана“. Далѣе св. Левъ предлагаетъ средства для борьбы съ ересью: „Пусть соберется епископскій соборъ (episcopale concilium) и при томъ въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ было-бы удобно собраться священникамъ (sacerdotes) окрестныхъ провинцій“. На этомъ соборѣ сообразно тому, какъ отвѣчалъ св. Левъ Туррибію, должно быть произведено самое тщательное изслѣдованіе, нѣтъ ли кого изъ епископовъ, оскверненныхъ сообщеніемъ съ этой ересью. Тѣ, которые не по-

¹⁾ Св. Левъ излагалъ и опровергалъ мнѣнія Присцилліана по *Commonitorium* и посланію, но не по тому посланію, которое въ этой главѣ называется „дружественнымъ“ (*familiaris*), а другому, о которомъ говорится въ концѣ XVI гл. 15 письма: *Decusis omnibus quae libelli series comprehendit et a quibus commonitorii forma non discrepat* и т. д., а также въ предисловіи: *Nam et epistolae (familiaris гл. XVII) sermo, et communitorii series et libelli* и т. д. *et libelli textus eloquitur*. Посланіе (*libellus*) и коммониторіумъ, по которому св. Левъ излагалъ ересь Присцилліана, состояли изъ 16 главъ (16-ую главу онъ называетъ „последней“) и содержала 16 заблужденій Присцилліана. 17-е заблужденіе, приводившее многихъ въ недоумѣніе (откуда св. Левъ взялъ его, если Туррибіи написалъ ему только о 16-ти заблужденіяхъ?) вѣроятно взято изъ *epistola familiaris*, которое часто смѣшивали съ тѣмъ, что св. Левъ называетъ *libellus*. (*Cacciari de Priscill. haeresi et historia*. Migne LV, 1036—1044. *Ballerini de epistolis de perditis*, Migne. LIV, 1220—1).

желаютъ осудить эту нечестивѣйшую секту (*sectam*), безъ сомнѣнія, должны быть удалены отъ общенія“. Далѣе св. Левъ сообщаетъ Туррибію, что онъ писалъ относительно собора къ братьямъ и епископамъ Тарраконійскимъ, Кареагенскимъ, Лузитанскимъ и Гальскимъ (*Gallices Канель-Галиційскимъ-Gallicios—въ Испаніи*) ¹⁾ Св. Левъ проситъ также Туррибія, чтобы онъ позаботился о сообщеніи его письма (*nostrae ordinationis*) всеѣмъ епископамъ. Если будутъ какіе либо препятствія къ собранію общаго собора (*generale concilium*), то по крайней мѣрѣ должны собраться галиційскіе священники (*Galliciae sacerdotes*). Дѣйствительно въ скоромъ времени былъ собранъ соборъ въ Испаніи, такъ называемый *concilium Hispanicum*, собранный вѣроятно въ Толедо, въ 447 году. Соборъ этотъ не былъ „общимъ“, какъ того желалъ св. Левъ. Причина этому была та, что Испанія въ это время находилась подъ властью разныхъ народовъ: Галиція и часть Лузитаніи была подъ властью Свевовъ; остальной частью Испаніи владѣли Готы и Римляне. Собрались только изъ Испаніи Тарраконской, Кареагенской, изъ Лузитаніи и Бетики. Составлены были 18 анаеоматизмовъ и символъ (*Hefele, Concilieng. II, 288—89*). Въ анаеоматизмахъ осуждаются все тѣ заблужденія Присцилліанистовъ, о которыхъ мы знаемъ изъ письма св. Льва къ Туррибію, съ самыми незначительными добавленіями. Такъ какъ на этомъ соборѣ не могли присутствовать галиційскіе епископы, то св. Левъ распорядился, чтобы акты этого собора были посланы къ Бракорскому епископу, какъ митрополиту Галиціи (*Migne LIV, 1221—2*).

Немного спустя послѣ Испанскаго собора, былъ еще соборъ въ Галиціи, также относительно Присцилліана. Св. Левъ отправилъ сюда посланіе, не дошедшее до насъ (*Migne LIV, 1222*). Мѣры, употребляемыя св. Львомъ къ подавленію Присцилліанъ, не могли принести той пользы, какой слѣдовало бы ожидать отъ нихъ. Они постоянно парализовались тогдашними

¹⁾ Письмо это утеряно. См. *Ballerini: de epistolis deperditis dissertatio* (*Migne. LIV, 1221*).

политическими обстоятельствами. Отъ преслѣдованій въ одномъ мѣстѣ Присциллиансты могли перейти въ другое, гдѣ ихъ не было. Все это дало возможность сектѣ не только существовать, но и распространяться. Доказательствомъ этому служить то обстоятельство, что спустя болѣе ста лѣтъ церковь вынуждена была противъ нея опять собирать соборъ (въ Бракарѣ (Брагѣ) въ 563 году) и издавать законы ¹⁾.

И. Дроздовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Анаематизмы соборовъ: Испанскаго въ 447 году и Бракарскаго въ 563 г. см. у Kurtz, Handb. d. Kirchg. I, 2, 237.

СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЕНІЯ.

(Продолженіе *).

д) Воряба съ Евтихіанствомъ.

Мы переходимъ къ одному изъ самыхъ интересныхъ и драматическихъ событій не только въ жизни св. Льва, но во всемъ V вѣкѣ. Мы разумѣемъ борьбу св. Льва съ ересью Евтихія.

Первые признаки этой ереси, „волновавшей Греко-Римскую имперію не менѣе, чѣмъ Аттила и Аларихъ“, обнаружались вскорѣ послѣ третьяго Вселенскаго собора. Уже св. Кириллъ Александрійскій жаловался Іоанну Антиохійскому: „многіе проповѣдуютъ или тожество, или сліяніе, или смѣшеніе слова Божія съ плотію... и распространяютъ слухи въ народѣ, будто я такъ думаю и учу... тогда какъ, наоборотъ: я даже сумасбродными считаю такихъ людей“. (Дѣян. III, 224). Къ такимъ „сумасброднымъ“ принадлежалъ, между прочимъ, и Евтихій. До обличенія въ ереси, Евтихій пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ святой жизни, ревностный борецъ за православіе противъ Несторіанства. Съ уваженіемъ къ нему относились такія лица, какъ св. Кириллъ Александрійскій, посланный къ нему, простому настоятелю монастыря, акты III Вселенскаго собора. Ко времени обличенія въ ереси, Евтихій уже былъ 70-ти лѣтнимъ старцемъ. Онъ былъ уже 30 лѣтъ настоятелемъ монастыря, находившагося близъ Константинополя, въ которомъ было до 300 монаховъ. Онъ далъ себѣ обѣтъ никогда

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 14, за 1897 г.

не выходить изъ него и жить здѣсь „какъ бы въ гробѣ“. Но Евтихій былъ только аскетъ, но не ученый богословъ. Познанія его въ богословіи были не особенно обширны, по крайней мѣрѣ, онъ нигдѣ себя не показываетъ знатокомъ его, хотя и представлялось много случаевъ ¹⁾. Относясь съ уваженіемъ къ его аскетической жизни, св. Левъ склоненъ былъ видѣть въ уклоненіи его въ ересь „скорѣе неосторожную простоту (*incauta simplicitas*), неопытность, чѣмъ лукавство (*error, qui, ut arbitror, de imperitia magis, quam de versutia natus*)“ (Ep. XXXI, 1). Въ своемъ знаменитомъ 28 посланіи св. Левъ называетъ его „невѣжественнымъ и безразсуднымъ“ (*rudis et nimis imperitus, cap. I*).

Этого-то „невѣжественный и безразсудный“ Евтихій и взволновалъ всю Греко-Римскую имперію. Считая себя единомышленнымъ съ св. Кирилломъ Александрійскимъ, Евтихій считалъ своимъ долгомъ преслѣдовать все, что касалось несторіанства. А несторіанствомъ ему казалось все, что было противоположнымъ его собственному ученію. Есть основаніе думать, что Евтихій принималъ участіе въ гоненіяхъ противъ Несторіанъ послѣ III Вселенскаго Собора, во главѣ котораго сталъ Diosкоръ, епископъ Александрійскій.

Гоненія эти были довольно сильны. „Дѣлатели неправды, — говоритъ бл. Феодоритъ (Ep. 101), не мало пострадавшій во время этихъ гоненій, — перенесли брань на всѣхъ благолюбивѣйшихъ епископовъ востока и наполнили смятеніями церкви“. (*πάντων ὀροῦ τῶν τῆς ἀνατολῆς θεοφειλεστάτων ἐπίσκοπων κατέχτας τὴν λαορρίαν οἱ τοῦ ψεῦδος ἐργάται καὶ τὰς ἐκκλησίας ζάλην ἀπέπλησαν*). Партія Diosкора, благодаря связямъ въ Константинополѣ, привлекла на свою сторону Императора. Все это заставляло восточныхъ епископовъ соединиться и выступить въ открытую борьбу. Былъ созванъ въ Малой Азій (вѣроятно, въ Антиохіи) соборъ, въ которомъ ученіе Евтихія, какъ одного, очевидно, изъ главныхъ представителей партіи Diosкора, было

¹⁾ Впрочемъ, Евтихій, кажется, не былъ особенно высокаго мнѣнія о богословіи. „Я испытываю, говорилъ онъ, только св. Писаніе; оно несравненно тверже и достовѣрнѣе изложеній св. Отцевъ“. (Thierry, 196).

осуждено ¹⁾. Посланіе собора отправлено было императору Θεодосію II.

Но вполне еретическій образъ мыслей Евтихіа былъ обнаруженъ на помѣстномъ Константинопольскомъ соборѣ 448 г. Евсевіемъ, епископомъ незначительнаго Фригійскаго города Доролей. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Евтихію еще со времени III Вселенскаго собора, на которомъ они оба ратовали противъ Несторія. Прибывши по своимъ дѣламъ въ Константинополь, онъ навѣститъ и Евтихіа. Во время разговора съ нимъ, Евсевій замѣтилъ большую перемену въ воззрѣніяхъ Евтихіа. Онъ замѣтилъ, что бывший поборникъ Несторія уклонился въ ересь, но только въ противоположную, чѣмъ Несторій. Какъ Несторій не признавалъ въ Иисусѣ Христѣ единенія двухъ естествъ по существу, такъ Евтихій на столько тѣсно соединялъ эти естества, что человѣческое переходило въ Божественное, исчезало въ немъ, являясь только формою, свойствомъ божественнаго естества. Послѣ долгихъ споровъ, не имѣвшихъ ни какого результата, Евсевій увидѣлъ, что Евтихій не исправимъ и рѣшилъ доложить о немъ предстоящему обычному собору, который собрался въ Константинополь подъ председательствомъ мѣстнаго архіепископа св. Флавіана.

Евтихій явился на соборъ только послѣ троекратнаго приглашенія. На соборѣ онъ вполне обнаружилъ свой еретическій образъ мыслей и, не смотря на убѣжденія отцевъ собора, упорно стоялъ въ своемъ заблужденіи. Соборъ, видя это, провоз-

¹⁾ Что въ Малой Азіи былъ соборъ, это видно изъ извѣстія Факунда Германскаго (Pro def. tr. cap. VIII, 5 и XII, 5; Migne LVII, 723 и дал. и 852). Онъ говоритъ, что къ императору Θεодосію было послано Домномъ Антіохійскимъ „соборное посланіе“, въ которомъ Евтихій обвиняется въ возобновленіи „печестія ересіарха Аполлинарія“, въ признаніи того, что Божество и человѣчество во Христѣ посредствомъ смѣшенія (commistio) и сліянія (confusio) составило одну природу, вслѣдствіе чего страданія Спасителя приписываются неизмѣняемому Божеству. Кромѣ того, Евтихій обвиняли еще въ томъ, что онъ „анаематствовалъ“ Діодора (Парсійскаго) и „Θεοдора (Мопсуетскаго)“. Названіе соборнаго посланія, данное этому письму Факундомъ, самый предметъ письма, заставляють предполагать о существованіи на востокѣ собора, гдѣ было разсужденіе объ ереси Евтихіа (Tillemont, XV, 498.). Время этого собора, по предположеніямъ Tillemont'a (ibid) и Валлеріани (Migne LV, 210), относится къ началу 448 года. Какія послѣдствія имѣло это письмо, достоверно неизвѣстно. На основаніи всего послѣдующаго можно предполагать, что оно осталось безъ послѣдствій.

гласилъ: „анаема Евтихію!“ Въ приговорѣ, подписанномъ 28 епископами и нѣсколькими архимандритами, говорилось: „изъ бывшихъ уже изслѣдованій и изъ теперешняго его собственнаго сознанія, открывається, что Евтихій, бывший пресвитеръ и архимандритъ, страдаетъ заблужденіемъ Валентина и Аполлиарія и неизмѣнно слѣдуетъ ихъ злохуленіямъ. Не устыдившись нашего убѣжденія и внушенія, онъ не захотѣлъ согласиться съ истинными догматами. Посему, воздыхая и оплакивая его совершенную погибель, мы о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, имъ зловословимомъ, опредѣлили отчуждить его отъ всякой священнической службы, общенія съ нами и начальства надъ монастыремъ“ (Дѣян. III, 291).

Но Евтихій не считалъ своего дѣла проиграннымъ даже послѣ такого рѣшительнаго осужденія цѣлымъ соборомъ. Онъ пользовался большимъ расположеніемъ императорскаго фаворита евнуха Хризафіа. Тотъ Хризафій, бывший прежде невольникомъ, человѣкъ жестокій, лукавый и лъстивый, имѣлъ большую силу при дворѣ, и императоръ Θεодосій II слушалъ его во всемъ. Хризафій охотно принялъ сторону Евтихіа. Кромѣ сочувствія ученію Евтихіа, Хризафій руководился и нерасположеніемъ къ архіепископу св. Флавіану, который имѣлъ мужество не лъстить его тщеславію и корыстолюбію. Ему не стоило большаго труда привлечь на сторону Евтихіа и императора, также не влюбившаго Флавіана, когда тотъ разстроилъ планъ, придуманный Хризафіемъ, постричь сестру Θεодосіа, знаменитую впослѣдствіи императрицу святую Пульхерію, въ діакониссы съ цѣлю удаленія ея отъ двора. То обстоятельство, что Θεодосій сталъ на сторону Евтихіа, имѣло большое послѣдствіе для всей послѣдующей исторіи евтихіанства. Ставши „придворнымъ богословіемъ“, евтихіанство получило большую силу, которую оно не замедлило употребить во зло для православія. Если къ этому прибавить, что въ числѣ сочувствовавшихъ ученію Евтихіа было не мало епископовъ особенно въ Палестинѣ и Египтѣ, то вполне будетъ понятно то глубокое потрясеніе во всей церкви, которое оно причинило.

Имя такихъ сильныхъ покровителей, Евтихій могъ успѣш-

но бороться съ архіепископомъ св. Флавіаномъ ¹⁾ Вѣроятно, не безъ внушенія Хризафія, Евтихій вскорѣ послѣ собора выставилъ на публичныхъ мѣстахъ Константинополя объявленія, въ которыхъ обвинялъ соборъ въ несправедливости и оправдывалъ свое ученіе (Ер. XXIII, 1, Hefele II, 376). Очевидно, Евтихій съ своимъ единомышленникомъ Хризафіемъ хотѣли этимъ привлечь на свою сторону общественное мнѣніе. Свѣтская власть не запрещаетъ Евтихію эти публичныя оскорбленія собора и архіепископа св. Флавіана. Намъ уже извѣстно, что она была на его сторонѣ. Но этого мало, Евтихій жалуется на св. Флавіана св. Льву, какъ вліятельнѣйшему изъ іерарховъ всей церкви, и вѣроятно и другимъ предстоятелямъ главныхъ церквей. (Такъ, напр., до насъ дошло его письмо къ Петру Хрисологу, епископу Равеннскому). Евтихій писалъ св. Льву еще до своего осужденія на Константинопольскомъ соборѣ, вѣроятно по поводу „соборнаго посланія“ восточныхъ епископовъ императору Θεодосію II-му (Migne LV, 219). До насъ не дошло это письмо. Но изъ отвѣта св. Льва, дошедшаго до насъ, (Ер. XX отъ 1 іюня 448 года) видно, что онъ писалъ о томъ, что „ересь несторіанская стараніемъ нѣкоторыхъ вновь воскресаетъ“. Очевидно, „соборное посланіе“ Домна ему казалось происками несторіанъ противъ него, какъ ревностнаго борца противъ нихъ. Объ этихъ проискахъ якобы несторіанъ и объ особенномъ распространеніи ихъ ученія и писалъ, вѣроятно, Евтихій св. Льву. Онъ, конечно, не забылъ упомянуть о своихъ заслугахъ церкви въ пользу православія въ борьбѣ съ несторіанствомъ. Этимъ предположеніямъ вполне соответствуетъ содержаніе письма св. Льва къ Евтихію. „Заботливость твоя“, пишетъ св. Левъ, „намъ пріятна; ибо свидѣтельствомъ такого твоего расположенія духа служить самая рѣчь, которую мы получили. Почему не сомнѣваемся, что виновникъ вѣры каѳолической, Господь, поможетъ тебѣ во всемъ (разумѣются мнимые происки несторіанъ). А

¹⁾ Борьба эта была вѣдена такъ тонко, искусно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такою неразборчивостью въ средствахъ, что невольно заставляетъ предполагать въ вѣденіи ея болѣе искусную руку, чѣмъ Евтихій, не выдаваго въ продолженіе тридцати лѣтъ людей и далекаго отъ всякихъ интригъ и козней. Зналъ окружавшихъ Евтихія людей, мы едва ли ошибемся, предположивъ здѣсь не малую долю участія друга Евтихія—внуха Хризафія.

мы, какъ только узнаемъ полнѣе о тѣхъ, нечестіемъ которыхъ это сдѣлалось, сочтемъ за необходимое, при помощи Божіей, позаботиться о томъ, какъ бы исторгнуть съ корнемъ заразу, давно уже осужденную“. Отвѣтъ св. Льва, какъ мы видимъ, былъ очень благопріятенъ для Евтихія. Это давало ему смѣлость обратиться къ нему и послѣ своего осужденія на Константинопольскомъ соборѣ 448 года. Въ письмѣ (Ер. XXI), написанномъ Св. Льву вскорѣ послѣ окончанія собора, Евтихій жалуется на несправедливость Собора, на притѣсненія Флавіана, говоритъ о своей невинности и о своемъ православномъ образѣ мыслей. Любопытно изложеніе Евтихія хода самаго дѣла. „Лукавый діаволь“, писалъ Евтихій, „употребляя всю свою силу, возстановилъ противъ меня Евсевія, епископа города Доролей, подаваго на меня прошеніе (libellum), въ которомъ обвинялъ меня, какъ еретика предъ Флавіаномъ, святымъ епископомъ Константинопольской церкви, и нѣкоторыми другими, бывшими въ городѣ, куда они прибыли по своимъ дѣламъ. При обвиненіи меня, онъ руководствовался не истиною, а желаніемъ приготовить мнѣ погибель и возмутить церкви Божіи. Ихъ святость призывала меня къ отвѣту на обвиненіе. Зная о составившемся противъ меня заговорѣ, я, одержимый при моей старости (еще) болѣзнію, прибѣгъ (все таки) къ оправданію... Я представилъ собору письменное изложеніе моего исповѣданія святой вѣры, которое прилагается за моимъ подписомъ къ (настоящему) письму. Но св. Флавіанъ, архіепископъ, не принялъ изложенія и не приказалъ прочитать его. Не смотря на это, я сталъ отвѣчать на вопросы, стараясь показать, что я содержу именно ту вѣру, которая изложена св. Никейскимъ соборомъ и утверждена (соборомъ) Ефесскимъ. (Но) отъ меня потребовали исповѣданія двухъ естествъ и анаематствованія тѣхъ, которые это отрицали. Опасаясь прибавить или убавить что либо отъ символа св. Никейскаго Собора,—зная, что святые и блаженные отцы наши святѣйшіе епископы: Юлій, Феликсъ, Аванасій, Григорій отвергали выраженіе „два естества“,—не осмѣливался разсуждать о естествѣ Бога Слова, который въ послѣдокъ днй пришелъ въ плотъ (in carnem), во чрево Дѣвы Маріи, и пребывая, какъ Онъ же-

далъ и зналъ, неизмѣннымъ, сталъ человѣкомъ не призрачно, а на самомъ дѣлѣ,—(не осмѣливался наконецъ) анаематствовать вышеупомянутыхъ нашихъ отцевъ,—я просилъ извѣстить объ этомъ вашу святость, заявляя, что я вполне подчинюсь тому, что вамъ угодно будетъ постановить и одобрить. Не выслушавши ничего изъ того, что я говорилъ, они прервали соборъ и прочитали приговоръ о моемъ изложении, составленный заранее... Моей жизни угрожала опасность, если бы, при помощи Божіей, молитвами твоей святости, военный отрядъ не защитилъ меня отъ нападенія. Тогда стали принуждать подписать мое изложение настоятелей другихъ монастырей. Запретили распространять и читать исповѣданіе вѣры, написанное мною для удовлетворенія народа. Итакъ я прибѣгаю къ вамъ, защитникамъ вѣры и проклинающимъ подобнаго рода сборища. Я ничего не ввожу новаго, противнаго вѣрѣ, преданной намъ изначала и анаематствую Аполинарія, Валентина, Манеса, Несторія, тѣхъ, которые говорятъ, что плоть Спасителя Господа нашего Иисуса Христа сошла съ неба, а не отъ св. Духа и Дѣвы Маріи, и всѣ ереси до Симона волхва. И гѣмъ не менѣе, я подвергаюсь опасности жизни, какъ еретикъ. Я молю..., чтобы того, кто до 70 лѣтъ прожилъ въ воздержаніи и полномъ цѣломудріи, не изгоняли и не исключали изъ числа православныхъ, чтобы я такимъ образомъ не потерпѣлъ крушенія при исходѣ моей жизни“¹⁾.

Такимъ образомъ, Евтихій представилъ дѣло такъ, какъ будто онъ невинный страдалецъ отъ еретиковъ несторіанъ, во главѣ которыхъ стоялъ константинопольскій архіепископъ св. Флавіанъ. Изъ самаго письма и приложений къ нему нельзя было заключить ничего о неправомъ образѣ мыслей Евтихія. Въ письмѣ говорилось только о томъ, что всеми уже было

¹⁾ Въ концѣ письма приложено за подписью Евтихія исповѣданіе вѣры, развѣивающее нѣсколько полнѣе то же, что содержится и въ письмѣ. Кромѣ того, къ нему были приложены: а) жалоба Евсевія Доролейскаго, поданная Синоду на Евтихія; б) Оправдательная записка, поданная по его словамъ Синоду, но не принятая; в) мнѣніи о. о. церкви о двухъ естествахъ. Отъ исповѣданія вѣры и мнѣній о. о. церкви остались только отрывки (Migne LIV, 717—720). Жалоба Евсевія есть въ дѣяніяхъ IV всел. собора. (Д. III, 204—207). Оправдательная записка не сохранилась. (Baller. de epist. deperd. 26 Migne LIV, 1223).

признано. Тѣ пункты ученія, за которые онъ былъ осужденъ на Константинопольскомъ соборѣ, были имъ старательно скрыты. Св. Левъ, конечно, былъ поставленъ въ большое недоумѣніе, особенно, если принять во вниманіе то, что это письмо Евтихія не первое въ этомъ родѣ. Изумленіе св. Льва, вѣроятно, возросло еще болѣе, когда онъ получилъ, одновременно съ апелляціей Евтихія, или вскорѣ послѣ нея, еще письмо отъ Императора Θεодосія. Изъ отвѣтнаго письма св. Льва къ нему, (самое письмо Θεодосія не сохранилось), видно, что Θεодосій ходатайствовалъ за Евтихія (Ер. XXIV отъ 19 февраля 449 года).

Св. Левъ, конечно, не могъ стать на сторону Евтихія, не выслушавъ прежде другой стороны и не узнавъ съ очевидностію всего дѣла. Между тѣмъ отъ св. Флавіана онъ не получалъ еще ни какихъ свѣдѣній. Крайне огорченный этимъ молчаніемъ св. Флавіана, св. Левъ написалъ ему письмо (XXXIII, отъ 18 февр. 449 г.), въ которомъ выражаетъ свое недоумѣніе, безпокойство и огорченіе по поводу его молчанія о такомъ важномъ предметѣ, какъ вновь проявившаяся ересь. „Когда христіанѣйшій и милостивѣйшій императоръ“, писалъ онъ, „при своей святой и похвальной вѣрѣ, заботясь о мирѣ церкви каеолической, прислалъ намъ письма о томъ, что у васъ произвело шумъ и смятеніе, то мы удивились твоему братству, какъ ты могъ молчать предъ нами о томъ, въ чемъ состоялъ этотъ соблазнъ и не счелъ за лучшее постараться, какъ можно скорѣе, увѣдомить насъ объ этомъ посланіемъ твоего благочестія, дабы мы не могли сомнѣваться относительно справедливости совершавшихся событій“. Св. Флавіанъ, вѣроятно, получилъ это письмо послѣ того, какъ имъ были отосланы акты собора. По крайней мѣрѣ, въ его письмѣ къ св. Льву, написанномъ по этому поводу, нѣтъ ни какихъ намековъ на означенное письмо. Св. Флавіанъ говоритъ въ своемъ письмѣ объ ереси пресвитера и архимандрита Евтихія, въ которую онъ впалъ благодаря лукавству діавола; излагаетъ въ краткихъ словахъ сущность этой ереси, въ томъ видѣ, въ какомъ она обнаружена была на соборѣ, и проситъ сообщить епископамъ, находящимся подъ властію св. Льва, чтобы никто не отно-

сился къ Евтихію, лишенному теперь пресвитерскаго сана, какъ къ православному, или письмомъ или какимъ нибудь другимъ образомъ. Къ письму были приложены акты собора ¹⁾).

Получивъ письмо св. Льва, св. Флавіанъ посылаетъ второе письмо (XXVI, послано марта 449 года). Въ этомъ письмѣ св. Флавіанъ выясняетъ св. Льву истинное положеніе дѣла. Оно представляетъ здѣсь отвѣтъ на обвиненія Евтихіа. Св. Флавіанъ рассказываетъ, что Евтихій, „удерживая въ себѣ скрытую болѣзнь развращеннаго ученія и злоупотребляя кротостію его, Флавіана, недобросовѣстно и безстыдно началъ распространять между многими собственное нечестіе. За это онъ обвиненъ былъ достойнѣйшимъ уваженія Евсевіемъ и осужденъ послѣ того, какъ, бывъ призванъ на соборъ, произнесъ собственными словами свойственное ему ученіе. Но заслуживши справедливое каноническое осужденіе, Евтихій не захотѣлъ покаяться и слезами умиловать Бога; онъ покусился „совсѣмъ возмутить константинопольскую церковь, публично распространяя на мнимыя несправедливости его, Флавіана, жалобы, исполненныя злорѣчія и сверхъ того принося моленія благочестивѣйшему и христіюлюбивѣйшему Императору, также

¹⁾ Объ актахъ Собора въ оригиналѣ письма св. Флавіана с—IV говорится: *πάλα, τὴν ἐπ' αὐτῷ γεγενημένην πράξιν ἀπεσταίλαμεν* (въ латинскомъ *dirēximus*) *τῇ σὴ βασιότητι*. Это выраженіе многихъ приводитъ въ недоумѣніе. Если его переводить: мы давно (—*πάλα*) послали твоей святости акты (того собора), который былъ относительно него (Евтихіа), то выйдетъ, что это письмо было написано послѣ того, какъ посланы были акты. Но по какому поводу? придумать трудно. Содержаніе письма такое, какое прилично письму, имѣющему цѣлію извѣстить о случившемся. Вѣроятно, это было первое письмо св. Флавіана послѣ собора Константинопольскаго (Tillem. XV, 899), посланное вмѣстѣ съ актами собора. Слово *πάλα* естественнѣе относить къ *γεγενημένην*, чѣмъ къ *ἀπεσταίλαμεν*. Аористъ, въ которомъ это послѣднее поставлено, въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе настоящаго времени или только что наступающаго будущаго. Такое значеніе аориста объясняется расширеніемъ аориста гроческаго, имѣвшее мѣсто и у классиковъ (напр. Ксен. Кироп. 1, 2, 2). Употребляется такой аористъ тогда, когда говорится объ обычномъ, часто повторяющемся случаѣ. Посылать акты собора другимъ церквамъ—былъ обычай всеобщій. Употребленіе такого аориста, слѣдовательно, имѣетъ здѣсь мѣсто вполне. Такимъ образомъ, это выраженіе нужно перевести: „мы посылаемъ (=при семъ послали) твоей святости самое дѣло (=акты собора), которое относительно него давно было“. Письмо это, по предположенію Валеріани, написано въ исходѣ 448 или въ началѣ 449 года (см. Migne—LIV, ч. 723).

полныя высокоумія и дерзости, и такимъ образомъ попралъ всѣ божественныя правила. „Но когда шли такимъ образомъ дѣла“, продолжаетъ св. Флавіанъ, „мы получили отъ вашей святости письмо..., изъ котораго узнали, что тотъ-же Евтихій отправилъ къ вамъ просьбу, исполненную всякой лжи и коварства, утверждая, что онъ во время суда предложилъ апелляціонныя жалобы и на меня и на самый святой соборъ, призывая быть судьей ваше святѣйшество,—чего ни какъ имъ не было сдѣлано. Онъ солгалъ (*διεφύσατο*) и въ этомъ случаѣ, надѣясь черезъ ложь привлечь къ себѣ благосклонность вашу“. Въ заключеніе св. Флавіанъ убѣждаетъ св. Льва дѣйствовать право, какъ этого требуетъ священство и правило святыхъ церквей; просить св. Льва черезъ его письма укрѣпить вѣру и императора, въ надеждѣ, что посредствомъ ихъ низложится ересь и не будетъ нужды въ соборѣ, который теперь уже объявляется“. Еще не получивъ этого посланія, св. Левъ написалъ къ св. Флавіану „съ первымъ попавшимся случаемъ“ краткое письмо (XXVII отъ 21 мая 449 года), въ которомъ извѣщалъ о полученіи перваго его письма и соборныхъ актовъ. Св. Левъ не даетъ здѣсь никакихъ опредѣленныхъ рѣшеній по дѣлу Евтихіа; онъ только сожалѣетъ, что причиной всѣхъ этихъ смуть послужило нечестивое заблужденіе. Св. Левъ общаетъ написать полнѣе объ этомъ дѣлѣ съ тѣми, которые доставили къ нему первое письмо св. Флавіана. Св. Левъ говоритъ здѣсь о своемъ XXVIII письмѣ (о немъ рѣчь впереди). Чтобы ободрить св. Флавіана, „возставшаго изъ ревности къ вѣрѣ противъ нечестиваго и глупаго заблужденія“, св. Левъ прямо заявляетъ, что „онъ не потерпитъ ни того, чтобы Евтихій остался при своемъ нечестивомъ убѣжденіи“, ни того, чтобы св. Флавіана, „возставшаго изъ ревности къ вѣрѣ противъ нечестиваго и глупаго заблужденія, безпокоили постоянныя нападенія противной партіи“.

Такимъ образомъ, письмо св. Флавіана съ приложенными къ нему актами собора открыли глаза св. Льву. Онъ ясно увидѣлъ положеніе дѣла, ясно созналъ всю опасность для православія. На сторонѣ ереси была могущественная придворная партія во главѣ съ самимъ императоромъ, на сторонѣ право-

славя только одинъ архіепископъ съ небольшимъ количествомъ епископовъ. Изъ полученныхъ писемъ съ востока св. Левъ имѣлъ возможность убѣдиться, что еретическая партія не постоитъ ни предъ чѣмъ, не будетъ стѣсняться даже дурными средствами. Понятнымъ послѣ этого становится стараніе св. Льва ободрить св. Флавіана. Въ опасности, грозящей православію, св. Левъ еще болѣе убѣдился, когда узналъ изъ второго письма св. Флавіана о предстоящемъ вселенскомъ соборѣ, на собраніи котораго въ особенности настаивала еретическая партія. Св. Левъ видѣлъ, что съ тѣми средствами, какія были у этой партіи, она могла причинить церкви (и въ дѣйствительности причинила) очень серьезныя опасности. Св. Левъ видѣлъ, что нужно дѣйствовать какъ можно энергичнѣе, рѣшительнѣе, безъ всякаго промедленія, чтобы не дать возможности усилиться ереси.

Для борьбы съ ересью нужно было прежде всего выяснитъ православное ученіе. Эту трудную задачу св. Левъ выполнилъ въ своемъ „догматическомъ посланіи“ къ св. Флавіану (Ер. XXVIII отъ 13 Іюня 449 г.). Это посланіе по справедливости считается однимъ изъ знаменитѣйшихъ памятниковъ христіанской письменности V вѣка ¹⁾. Въ немъ первый разъ полно и обстоятельно рѣшенъ вопросъ объ образѣ соединенія двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ Божескаго и человѣческаго. „Вся Христіанская церковь“, говоритъ св. Левъ, „исповѣдуютъ вѣру въ Бога—Отца Вседержителя и въ Иисуса Христа, единороднаго Сына Его, Господа нашего, родившагося отъ Духа Святаго и отъ Дѣвы Маріи. Сими тремя изреченіями ниспровергаются навѣты всѣхъ почти еретиковъ. Ибо когда мы вѣруемъ, что Отецъ есть Богъ и вседержитель и при томъ вѣчный, то симъ уже показываемъ, что и Сынъ Ему совѣченъ и ничѣмъ не разнствууетъ отъ Отца: ибо отъ Бога рождается только Богъ,

¹⁾ То уваженіе, какимъ пользовалось это посланіе, видно изъ того, что папа Геласій, въ своемъ декретѣ объ апокрифахъ, предаетъ анаѣмѣ всѣхъ, кто хотя одну іоту измѣнитъ въ немъ (Migne LIX, 160). Любопытно также сказаніе, занесенное въ латинскія редакціи „луча духовнаго“ Іоанна Мосха. По этому сказанію, самъ Апост. Петръ, по молитвѣ св. Льва, исправилъ это посланіе (Migne S. gr. LXXXVII, 3011; lat. LV, 226). Многія мѣста этого посланія заимствованы изъ его рѣчей, что мы отмѣчаемъ скобками.

отъ всемогущаго всемогущій, отъ вѣчнаго совѣчный, а не позднѣйшій по времени, не меньшій по власти, не разнственннй по славѣ, не раздѣльный по существу. Тотъ-же самый превѣчнаго Отца превѣчный, единородный Сынъ, родился отъ Духа св. и отъ Дѣвы Маріи... [Такъ Божество восприняло нашу нищету, Могуство нашу немощь, Безсмертное смерть, не нарушивъ свойствъ ни того, ни другого естества, но совокупивъ ихъ въ одномъ лицѣ. Для уплаты долга естества нашего, божественное, безстрастное естество, сочеталось съ страстною (могущею страдать) природою, дабы одинъ и тотъ-же Ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Иисусъ, и могъ умереть по одному естеству и не могъ умереть по другому, какъ того и требовало свойство нашего врачеванія. (Взято буквально S. XXI, 2)]. [По сему истинный Богъ явился въ подлинномъ и совершенномъ ествѣ истиннаго человѣка; весь съ тѣмъ, что свойственно Его божественному естеству и весь въ томъ, что сродно нашему человѣческому. Нашимъ-же (естествомъ) называемъ то, что Творецъ положилъ въ насъ въ началѣ и что опять Онъ хотѣлъ возвратитъ намъ. Ибо въ Спасителѣ не было и слѣда того, что привнесено въ человѣка искусителемъ и что прельщенный человѣкъ допустилъ въ себя вполсѣдствіи. Посему, содѣлавшись причастнымъ немощи нашей, Онъ не содѣлался участникомъ нашихъ грѣховъ. Онъ воспринялъ образъ раба безъ скверны грѣха, возвеличивая человѣческое и не уменьшая божественнаго. Ибо то истощеніе, по которому Невидимый содѣлался видимымъ, по которому Творецъ и Владыка всѣхъ тварей восхотѣлъ быть однимъ изъ человѣковъ, есть снисхожденіе Его благоутробія, а не недостатокъ Его могущества. Посему-то Тотъ, Который, пребывая въ образѣ Божіемъ, сотворилъ человѣка, Тотъ-же Самый и содѣлался человѣкомъ, принявъ образъ раба. Оба естества сохраняютъ свои свойства безъ всякаго ущерба. Какъ образъ Божій не уничтожаетъ образа раба, такъ и образъ раба не исключаетъ образа Божія. (Взято буквально S. XXIII, 2).] [Каж-дое изъ двухъ естествъ въ соединеніи съ другимъ дѣйствуетъ сообразно съ своими законами: такъ Слово дѣйствуетъ прилично слову, а тѣло совершаетъ дѣйствія, свойственныя тѣлу. Одно сіяетъ чудесами, другое подлежитъ страданію. И какъ Сло-

во не отпало отъ равной славы съ Отцемъ, такъ и тѣло не от-казалось отъ естества нашего рода. (Изъ S. LIV, 2).] Ибо одинъ и тотъ-же есть истинно Сынъ Божій и истинно Сынъ чело-вѣческой: есть Богъ, потому что „въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога и Богъ бѣ Слово; есть челоуѣкъ, потому что „Слово плоть бысть и вселися въ ны“; Богъ потому, что „вся тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть“; челоуѣкъ, потому, что „рожденъ отъ жены, былъ подъ закономъ“. Рождение „плоти“ есть дѣло челоуѣческаго естества: а что Дѣва рождаетъ, это есть знаменіе божественной силы. Младенчество Отрочати доказываетъ бѣдными пеленами: величіе-же Его славы возвѣщается пѣніемъ ангеловъ. Сыну челоуѣческому подобенъ Тотъ, Котораго Иродъ нечестиво ищетъ умертвить: но Владыка все-ленной есть Тотъ, Коему съ радостію раболѣпно поклоняются волхвы. Онъ пришелъ къ Предтечи Своему Іоанну принять крещеніе: и—дабы не утайлось Божество Его, скрывшееся подъ покровомъ плоти, съ неба возгремѣлъ голосъ Отца: „сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немъже благоволихъ (Матѣ. III 17)“. Какъ челоуѣкъ, Онъ искушается отъ коварнаго діавола; но какъ Богу, ему служатъ чины ангельскіе. Алкать, жаждать, утруждаться и спать,—это, явно, свойства природы челоуѣческой; но пять тысячъ народа насыщаютъ пятью хлѣба-ми; но женѣ самарянской давать воду живую, отъ которой пьющій не будетъ жаждать болѣе; но немокренными ногами ходить по поверхности моря и утишеніемъ бури украшать воз-мущеніе волнъ,—все это, безпрекословно, есть дѣло божествен-ное. Какъ не одного и того-же естества дѣло—и плакать изъ состраданія по умершемъ другѣ и воскрешать его изъ мерт-выхъ, не смотря на чатырехдневное пребываніе его во гробѣ; или висѣть на древѣ и въ то же время превратить день въ ночь и поколебать основанія земли; или быть притвожденнымъ ко кресту, и въ то же время отверзать разбойнику двери рая: такъ не на одно и то же естество указываютъ слова: „Азъ и Отецъ едино есма“ и „Отецъ мой болій Мене есть“. Ибо хотя въ Господѣ Іисусѣ Христѣ божеское и челоуѣческое естество составляютъ одно Лице: однако иное дѣло то, откуда происхо-дитъ общее того и другого уничтоженіе, а иное то, откуда произсте-

каетъ общее ихъ прославленіе. По участію въ нашемъ естествѣ, Онъ, какъ челоуѣкъ, менѣе Отца; а по причастію въ естествѣ сво-его Отца, Онъ, какъ Богъ, равенъ Отцу. [Посему то единству ли-ца, состоящему въ единеніи обоихъ естествъ между собою, гово-рится, что Сынъ челоуѣческой сошелъ съ неба и Сынъ Божій вос-принялъ плоть отъ Дѣвы, отъ Коей родился; и опять утверждается, что Сынъ Божій распятъ и погребенъ, тогда какъ Онъ пре-терпѣлъ сіе не Божествомъ, по которому единосущенъ, едино-роденъ и совѣченъ Отцу, а немощною челоуѣческою природою. Посему то всѣ мы и въ Символѣ исповѣдуемъ, что единород-ный Сынъ Божій распятъ и погребенъ, исповѣдуемъ на осно-ваніи сихъ словъ апостольскихъ: „аще бо быша разумѣли, не быша Господа славы распяли (1 Кор. II, 8)“. (Изъ Августина *liber contra Sermonem Arianozum*, cap. 8)... Сего то—разумѣ-нія таинства оказывается чуждымъ Евтихій, который въ еди-нородномъ Сынѣ Божіемъ не признаетъ нашего естества ни въ уничтоженіи Его смерти, ни въ славѣ Его воскресенія. И не ужаснулся Онъ даже изреченія блажен. апостола и еван-гелиста Іоанна, который сказалъ: „всякъ духъ, иже исповѣ-дуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога есть: и всякъ духъ иже“, раздѣляетъ, „Іисуса Христа, отъ Бога нѣсть и сей есть антихристовъ (Іоан. IV, 3)“. Ибо что значитъ раз-дѣлять Іисуса Христа, какъ не отдѣлять отъ Него челоуѣче-ское естество и покушаться безстыднымъ вымысломъ испразд-нять таинство вѣры, которымъ однимъ мы спасены? Слѣпот-ствуя въ отношеніи къ естеству тѣла Христова, онъ, по не-обходимости, будетъ слѣпотствовать также и касательно Его страданія. Ибо если онъ не признаетъ креста Господня за призракъ, а, напротивъ того, не сомнѣвается, что страданіе, воспринятое Имъ за спасеніе міра было истинное страданіе, то, принимая смерть, онъ долженъ принять и плоть. Пусть же говорить, что не нашего естества былъ тотъ челоуѣкъ, кото-раго самъ признаетъ страждущимъ: ибо отрицаніе истинной плоти есть отрицаніе и страданія плоти. Пусть послушаетъ и блаженнаго апостола Петра, который проповѣдуетъ, что освя-щеніе Духомъ „бываетъ черезъ окропленіе кровію Христовою. Пусть внимательнѣе прочтетъ и слѣдующія слова того-же

апостола: „вѣдающе, яко не истлѣннымъ сребромъ или златомъ избавистесь отъ суетнаго вашего житія, отцы преданнаго, но честною кровію, яко агнца непорочна и пречиста, Христа“ —(I—I, 2, 18—19). Пусть не противорѣчитъ и свидѣтельству блаженнаго ап. Іоанна, который говоритъ: „и кровь Іисуса Христа Сына Божія очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха (I—I, 7)“; и въ другомъ мѣстѣ: „сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша. Кто есть побѣждающій міръ, токмо вѣрующій, яко Іисусъ есть Сынъ Божій? Сей есть пришедшій водою и духомъ Іисусъ Христосъ: не водою тобою, но водою и кровію: и духъ есть свидѣтельствующій, яко духъ есть истина: и триє суть свидѣтельствующіи: духъ, и вода, и кровь: и триє во едино суть“ (тамъ-же V, 4—6, 8), т. е. духъ освященія, кровь искупленія и вода крещенія. Сіи три составляютъ одно и пребываютъ нераздѣльными; ни одно изъ нихъ не отдѣляется отъ своего единства. И католическая церковь живетъ и преуспѣваетъ сею вѣрою, такъ что въ Іисусѣ Христѣ не исповѣдуетъ ни одного человѣчества безъ истиннаго божества, ни одного божества безъ истиннаго человѣчества“.

Письмо это было послано къ св. Флавіану не съ тѣми, которые доставили св. Льву первое его письмо, какъ онъ обѣщалъ (въ Ер. XXVII), но съ легатами апостольскаго престола: епископомъ Юліемъ (Путеольскимъ), пресвитеромъ Ренатомъ (умершимъ на дорогѣ) и діакономъ Иларіемъ. Легаты эти были посланы св. Львомъ на объявленный эдиктомъ отъ 30 марта 449 года вселенскій соборъ, который долженъ былъ собраться въ Ефесѣ къ 1-му числу августа 449 года.

Кромѣ своего догматическаго посланія, св. Левъ отправилъ съ своими легатами еще письма: къ императору Θεодосію (XXIX), сестрѣ императора св. Пульхеріи (XXX и XXXI), Юлію Косскому, архимандриту Фавсту и другимъ (XXXII), и къ Ефесскому собору¹⁾. Это обиліе писемъ показываетъ, что св. Левъ

¹⁾ Всѣ эти письма имѣютъ одну и ту же дату, именно: *Sdibus Iunii Asterie et Protogene clarissimis consilibus* 13 іюня 449 года. Это впрочемъ не значить, что св. Левъ написалъ всѣ эти письма въ одинъ день. 13 іюня, вѣроятно, день официального выхода этихъ писемъ въ свѣтъ.

Не малое затрудненіе представляютъ письма: а) къ Пульхеріи (XXX и XXXI) и б) къ Юлію Косскому (XXXIV и XXXV). а) Письма къ Пульхеріи имѣютъ оди-

былъ чрезвычайно заинтересованъ въ борьбѣ съ Евтихіанствомъ въ восточной церкви. Онъ не могъ быть равнодушнымъ, бездѣятельнымъ. „Подвергалась разсужденію не какая нибудь незначительная частица вѣры, которая можетъ оставаться (безъ вреда для спасенія) менѣе точно выясненной (чѣмъ другія болѣе важныя); но несмысленное сопротивленіе дерзаетъ нападать на то, что Господь не хочетъ оставить невѣдомымъ ни для кого въ своей церкви“ (XXXI ср. XXX, 2). Во всѣхъ письмахъ, посланныхъ съ легатами, св. Левъ старается внушить мысль о виновности Евтихіа, о томъ, что его повергла „въ дьявольскую пропасть неосторожная простота“ (XXXI, 1), что ему „слѣдовало-бы отступить отъ своего заблужденія, справедливо признаннаго достойнымъ осужденія“ (XXIX). Св. Левъ не особенно сочувствуетъ созванію вселенскаго собора. Въ письмахъ, посланныхъ съ легатами, онъ, правда, не выражаетъ этого прямо. Но, все-таки, даетъ понять Θεодосію, что онъ подчиняется

наковую дату и совершенно различное содержаніе. По мнѣнію Баллерини это странное обстоятельство объясняется тѣмъ, что одно письмо, именно XXXI, къ Пульхеріи, не было послано. Отправлено было только одно XXX. Это находитъ нѣкоторое подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что на греческій языкъ переведено только XXX письмо (Migne LIV, 786).

б) Письма къ Юлію Косскому имѣютъ также одинаковую дату. Баллерини объясняютъ это тѣмъ, что XXXIV письмо было послано съ легатами, а XXXV съ діакономъ Васиціемъ, съ которымъ Флавіанъ послалъ свои письма. *Perfecta* (*diteximus miserimus*), употребляемые въ письмѣ XXXV, не доказываютъ того, что оно послано спустя нѣкоторое время послѣ XXXIV письма. *Perfecta* въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе настоящаго или наступающаго будущаго. Въ этомъ значеніи лат. *perfectum* сходно съ греческимъ проименнымъ аористомъ и этотъ послѣдній переводится по латини *perfectum* (примѣч. къ письму XXII). Какимъ побужденіемъ руководствовался св. Левъ при посылкѣ въ одно время къ одному лицу разныхъ писемъ и черезъ разныхъ лицъ Баллерини не объясняютъ. *Arendt* (483) полагаютъ, что письма къ Пульхеріи двѣ редакціи одного письма. Болѣе полное XXXI есть первоначальная редакція; XXX есть „произвольно измѣненное извлеченіе“ изъ XXXI. Что касается писемъ къ Юлію Косскому, то они представляютъ изъ себя одно письмо, раздѣленное на два. Это видно изъ того, что XXXIV письмо не имѣетъ заключенія, а XXXV приступа. Мнѣніе *Arendt*, кажется, болѣе правдоподобно, чѣмъ мнѣніе Баллерини. *Arendt* же выясняетъ и причину такого раздѣленія. Заключается она, вѣроятно, тѣмъ слѣдующемъ. Содержаніе XXXV письма, составляющаго вторую половину предполагаемаго цѣльнаго письма, болѣе важно, чѣмъ XXXIV. Составители разныхъ кодексовъ поэтому выпускали первую часть и довольствовались только второй. Этимъ-же объясняется и то обстоятельство, что только эта часть существуетъ въ греческ. переводѣ.

его желанію только потому, что созваніе состоялось, эдиктъ о немъ уже изданъ. Не былъ также доволенъ св. Левъ и тѣмъ, что „августѣйшій и христіанѣйшій императоръ... слишкомъ короткое назначилъ время, въ продолженіи котораго должны собраться епископы на соборъ“. Эдиктъ о созваніи собора, объявленный 30 марта 449 года, въ Римѣ сталъ извѣстенъ только 3 мая. Собраться нужно было къ 1 августа. Оставалось, слѣдовательно, только три мѣсяца. Трехъ-же мѣсяцевъ, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, было, конечно, очень мало для приготовленія къ такому важному дѣлу, какъ вселенскій соборъ. Для многихъ предстоятелей западныхъ церквей, въ такое короткое время, совершенно невозможно было своевременно явиться на соборъ. При томъ св. Левъ, вслѣдствіе неблагоприятныхъ политическихъ обстоятельствъ и вслѣдствіе того, что „не было прежде“ примѣровъ присутствія папъ на соборахъ, „не могъ оставить отечества и апостольской кафедры“ (XXXI, 4). Ему слѣдовательно, нужно было назначить легатовъ. Для этого требовалось много времени, не говоря уже о трудности найти подходящихъ для этого важнаго дѣла людей.

Кромѣ писемъ, отправленныхъ съ легатами, св. Левъ имѣлъ случай еще до собора послать письмо къ Θεодосію (XXXVII, отъ 20 іюня 449 г.) и два письма къ Флавіану (XXXVI отъ 20 іюня 449 г. и XXXVIII отъ 23 іюня т. года). Какъ и въ предыдущихъ письмахъ св. Левъ указываетъ здѣсь на очевидную виновность Евтихія и, вслѣдствіе этого, на возможность „по разумнымъ причинамъ удержаться отъ созванія собора“ (XXXVII). Св. Левъ, очевидно, опасался этого собора. Мы уже указали на причину этихъ опасеній св. Льва. Дальнѣйшій ходъ дѣла покажетъ, что эти опасенія не были напрасны.

И. Дроздовъ.

(Продолженіе будетъ).

СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЕНІЯ.

(Продолженіе *).

Разбойничій соборъ.

Предсѣдателемъ на вновь открывающійся Ефескій соборъ былъ назначенъ особымъ императорскимъ указомъ (Дѣян. III, 146) Діоскоръ, архіепископъ Александрійскій. Личность самаго Діоскора и самый тонъ указа достаточно ясно показывали, въ какомъ направленіи должны были идти соборныя засѣданія.

Діоскоръ былъ преемникомъ на Александрійской кафедрѣ св. Кирилла, благодѣяніямъ котораго онъ обязанъ самымъ возвышеніемъ въ архіепископы. Это былъ человѣкъ честолюбивый, настойчивый, жестокій, не останавливающійся ни предъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей. Исторія не сохранила относительно его ни одного хорошаго дѣла, ни одной симпатичной черты. Въ жалобахъ на него, принесенныхъ на соборъ діаконами Александрійской церкви: Теодоромъ и Исхаріономъ, пресвитеромъ той-же церкви Аѳанасіемъ и міряниномъ Софроніемъ разсказывается множество возмутительныхъ злодѣяній (Дѣян. III, 571—593). Онъ постоянно преслѣдовалъ и довелъ до нищеты родственниковъ своего предшественника св. Кирилла, которыхъ тотъ оставилъ на его попеченіе. Никто не избѣжалъ его жестокости и безчеловѣчія. У однихъ опустошены имѣнія вырубкою лѣса; у другихъ разрушены жилища; иные сосланы въ ссылку; иные разорены

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 15, за 1897 г.

штрафомъ, нѣкоторые изгнаны изъ великаго города Александріи, какъ будто изъ собственнаго его владѣнія. Онъ не удержался даже отъ оскорбленія величества..... Онъ часто произносилъ ругательства на св. Троицу..... Распутство, страсть къ игрѣ и роскошь вышеупомянутаго почтеннаго мужа извѣстны всему Египту: весьма часто безстыдныя женщины открыто веселились съ нимъ въ епископіи и въ его банѣ, особенно пресловутая Пансофія... Но этого мало—бывали и убійства по милости этого удивительнаго священнослужителя (Дѣян. III). Таковы были нравственныя качества Діоскора. По своимъ религиознымъ воззрѣніямъ онъ принадлежалъ къ тѣмъ, которыхъ св. Кириллъ называлъ „сумасбродными“ и къ которымъ, какъ намъ извѣстно, принадлежалъ и Евтихій. Діоскоръ былъ очень недоволенъ примиреніемъ св. Кирилла съ восточными епископами, его подписомъ антиохійскаго символа. Въ этомъ обстоятельстве нѣкоторые думаютъ найти причину его ненависти къ памяти св. Кирилла и ко всѣмъ близкимъ къ нему лицамъ. Но это едва ли вполне справедливо; мы видѣли, что то, что онъ позволялъ себѣ дѣлать съ родственниками и близкими св. Кириллу людьми, онъ дѣлалъ и съ другими. Его монофизитскій образъ мыслей доказываетъ также его тѣсная дружба съ Евтихіемъ и особенно съ евнухомъ Хризафіемъ. Съ послѣднимъ связывала его не только одинаковость религиозныхъ убѣжденій; они нуждались другъ въ другѣ и для другихъ менѣ благородныхъ цѣлей... Хризафій нуждался въ авторитетѣ александрійскаго архіепископа для того, чтобы держать въ своихъ рукахъ церковныя дѣла, а Діоскоръ для того, чтобы быть властителемъ всего Египта, быть, по выраженію свят. Льва, „фараономъ“ (Еф. СХХ, 2).

Хризафію, управлявшему волей императора Θεодосія II, конечно, было очень выгодно указать этому послѣднему на Діоскора, какъ на самаго достойнаго предсѣдателя предполагаемаго вселенскаго собора. Онъ могъ быть вполне увѣренъ въ торжество ученія Евтихія. Въ свою очередь и Діоскоръ, конечно, съ великою радостію принялъ полномочіе, данное императоромъ. „Ему пріятно было показать всему міру власть и значеніе александрійской каедры и заставить всѣхъ при-

знать, что только одна египетская церковь обладаетъ знаніемъ христіанскихъ догматовъ“ (Тьері).

И вотъ Діоскоръ получаетъ посланіе отъ Θεодосія, посланіе въ которомъ говорилось: „мы почли необходимымъ послать твоему благочестію грамоту, въ которой объявляемъ твоему благочестію и всему собору, что мы... предоставляемъ твоему благочестію власть и первенство предъ всѣми прочими, участвующими въ соборѣ. (Дѣян. III, 158).“

Что касается партіи православной, то были приняты всѣ мѣры къ ея подавленію и угнетенію. Всѣ, участвовавшіе на Константинопольскомъ соборѣ, были лишены права голоса. Они „должны были присутствовать и молчать на соборѣ, не имѣя названія судей, и ожидать мнѣнія всѣхъ прочихъ св. отцовъ, потому что нынѣ осуждается то, что опредѣлено было прежде ими самими (Дѣян. III, 155).“ Въ частности относительно самаго ревностнаго противника монофизитства блаженнаго Θεодорита, епископа Кирскаго, приняты были весьма рѣшительныя мѣры. Онъ могъ присутствовать на соборѣ только по согласію всѣхъ членовъ собора (Дѣян. III, 148). Константинопольскій архіепископъ св. Флавіанъ долженъ былъ явиться на соборъ скорѣе въ качествѣ обвиняемаго, чѣмъ полноправнаго члена его. Въ посланіи императора Θεодосія къ Ефесскому собору относительно него говорилось: „Флавіанъ хотѣлъ возбудить какой-то вопросъ о вѣрѣ противъ почтеннѣйшаго архимандрита Евтихія... мы желали воспрепятствовать возбужденному безпорядку... однако онъ не успокоился... поэтому мы сочли необходимымъ собраться вашей святости, чтобы вы исторгли весь дьявольскій корень и извергли изъ святыхъ церквей ревнующихъ о богохульствѣ нечестиваго Несторія (Дѣян. III, 157).“ Само собою понятно, что св. Флавіанъ не могъ ничего хорошаго ожидать отъ собора, когда его дѣло почти предрѣшалось указомъ. Между тѣмъ все было сдѣлано, чтобы дать перевѣсъ монофизитской партіи. По мимо назначенія предсѣдателемъ собора монофизита Діоскора, были приняты и другія мѣры. Такъ каждый экзархъ могъ брать съ собой не болѣе 10 митрополитовъ и столько-же епископовъ (Fhgerrij 236). Это было очень выгодно для Египта, гдѣ митрополій было мало—и очень невыгодно и стѣснительно для

обширныхъ восточныхъ экзархатовъ, гдѣ митрополій было много. Это распоряженіе имѣло прямою цѣлю стѣснить восточные патріархаты, которыхъ правительство подозрѣвало въ „нечестіи Несторія“ (т. е. другими словами—въ православіи) и на сколько возможно дать перевѣсъ партіи монофизитовъ. Въ видѣ исключенія, особымъ указомъ дано право голоса даже одному архимандриту, ярому монофизиту, по имени Варсумъ (Дѣян. III, 152). Этотъ Варсума извѣстенъ своими преслѣдованіями вмѣстѣ съ другими набранными монахами тѣхъ епископовъ, которые ему казались „зараженными нечестіемъ Несторія“.

При такихъ условіяхъ начался соборъ, снискавшій себѣ печальную извѣстность, и названіе „разбойничьяго собора“. Условія эти, какъ мы видимъ, вполне благопріятны для монофизитовъ и вполне не благопріятны для православныхъ. Хризафій, руководившій Θεодосіемъ, постарался сдѣлать все, чтобы дать торжество монофизитству. Онъ не могъ, конечно, руководить самимъ соборомъ; онъ только подготовилъ твердую почву, на которой монофизитство могло восторжествовать надъ православіемъ. На самомъ соборѣ достойнымъ преемникомъ его политики былъ его другъ Діоскоръ. Онъ вполне воспользовался тѣмъ, что приготовилъ для торжества монофизитовъ Хризафій.

Прежде всего, Діоскоръ постарался поставить дѣло такъ, чтобы соборъ представлялъ изъ себя ничто иное какъ судъ надъ архіепископомъ Флавіаномъ. Діоскоръ употребилъ все усилія, чтобы избѣжать преній о вѣрѣ. „Если кто“, говорилъ онъ, „вопреки дѣяніямъ или ученію отцовъ, собиравшихся въ Никее и собравшихся здѣсь (разумѣется III Вселенскій соборъ), будетъ изыскивать или преслѣдовать и перестраивать (то, что постановлено на ихъ соборахъ), да будетъ анаема... Если св. Духъ присутствовалъ съ Отцами, какъ Онъ дѣйствительно присутствовалъ, и опредѣлил то, что опредѣлено, то перестраивающій это упраздняетъ благодать Духа (Дѣян. III, 182).“

Чтобы не возбудить преній о вѣрѣ, Діоскоръ всеми силами старался воспрепятствовать чтенію догматическаго посланія (Ер. XXVIII) св. Льва. Къ этому побуждало его и то, что ему очень хорошо было извѣстно, въ какомъ смыслѣ рѣшался

здѣсь вопросъ о воплощеніи Слова. Легаты св. Льва нѣсколько разъ предлагали прочитать посланіе, но всякій разъ, вѣроятно вѣлѣдствіе соглашеній Діоскора съ императорскими чиновниками, находился благовидный предлогъ отклонить чтеніе. Посланіе такъ и не было прочитано. Устранивъ такимъ образомъ пренія о вѣрѣ, Діоскоръ прямо приступилъ къ дѣлу Евтихія и суду надъ св. Флавіаномъ. Позванъ былъ на соборное засѣданіе Евтихій. Онъ представилъ статью, содержащую въ себѣ исповѣданіе вѣры и обвиненіе на Константинопольскій соборъ и его предсѣдателя св. Флавіана. Обвиненія эти состояли въ томъ, что Евсевій, обвинитель Евтихія на соборѣ, а) не указалъ въ обвинительномъ актѣ, въ чемъ состоитъ ересь Евтихія. Сдѣлалъ онъ это съ тою цѣлю, чтобы уличить его въ ереси на самомъ соборѣ, воспользовавшись какимъ нибудь не точнымъ со стороны его выраженіемъ. Жаловался б) на шумъ и беспорядокъ во время соборныхъ засѣданій, не давшихъ будто ему возможности сказать что либо въ свое оправданіе. в) Обвинительный актъ составленъ былъ прежде окончанія преній. г) Акты собора были впоследствии испорчены ко вреду его, Евтихія. Послѣ этого были прочитаны акты константинопольскаго собора. Во время чтенія ихъ вполне обнаружился монофизитскій образъ мыслей большинства членовъ собора. Чтеніе часто прерывалось возгласами, направленными противъ православнаго пониманія догмата о воплощеніи. Послѣ чтенія было приступлено къ собранію голосовъ за или противъ Евтихія. Высказалось за Евтихія 114 голосовъ. Евтихій былъ признанъ православнымъ, св. Флавіанъ побѣжденъ.

Начался судъ надъ св. Флавіаномъ. По заранѣ составленному плану, была предъявлена со стороны монаховъ жалоба, наполненная разными несправедливыми обвиненіями на св. Флавіана. Въ посланіи ихъ говорилось, что „Флавіанъ приказалъ имъ удалиться отъ пастыря, даже говорить съ нимъ, а монастырское имущество, подъ именемъ бѣдныхъ, беречь для него самого, ибо онъ торговалъ имъ; а кто не будетъ этого дѣлать, тѣхъ и самихъ вмѣстѣ съ учителемъ отлучить отъ общенія св. таинствъ“. Прошеніе было подано отъ лица всѣхъ монаховъ Евтихіева монастыря т. е. отъ лица 300 человекъ и однако-жъ

въ подписяхъ значится подпись лишь 35 монаховъ—(Дѣян. III, 409—11). Знакъ, что здѣсь было не совсѣмъ чисто (Душен. чтеніе 1875 г. 1, 310). Монахи были разрѣшены отъ палочнаго на нихъ запрещенія и приняты въ общеніе. Еще побѣда надъ св. Флавіаномъ.

Послѣ этого Діоскоръ съ затаенною цѣлю предложилъ собору прочесть символъ вѣры III Вселенскаго собора. Большинство высказалось за чтеніе. По приказанію Діоскора были прочтаны Дѣянія въ засѣданіяхъ III Вселенскаго собора, въ которыхъ запрещалось „составлять или писать и слагать иную вѣру, кромѣ опредѣленной св. отцами со св. Духомъ, сошедшими въ Никеѣ“. Соборъ, конечно, согласился съ прочитаннымъ. Теперь Діоскору не оставалось ничего другого какъ только примѣнить вышеуказанное запрещеніе къ св. Флавіану и Евсеію. Именно эта затаенная цѣль и была, когда онъ предлагалъ чтеніе символа. „Флавіанъ, бывший епископъ церкви Константинопольской,“ говорилъ Діоскоръ, „и Евсеію Даринейскій, какъ ясно видить весь этотъ святой и вселенскій соборъ, оказываются почти все извращающими и перестраивающими, и подали поводъ къ соблазну и смятенію святымъ церквамъ и всѣмъ православнымъ народамъ; ясно, что они сами себя подвергли наказаніямъ, нѣкогда соборно опредѣленнымъ нашими святыми отцами. Поэтому и мы, утверждаясь на ихъ опредѣленіяхъ, присуждаемъ вышеупомянутыхъ Флавіана и Евсеію къ лишенію всякаго священническаго и епископскаго достоинства“. (Дѣян. III, 464).

Св. Флавіану ничего не оставалось какъ только заявить протестъ противъ приговора Діоскора. Св. Флавіанъ заявилъ о своей апелляціи къ новому вселенскому собору, которую передалъ римскимъ легатамъ¹⁾. Римскіе легаты твердо и вслухъ

¹⁾ Латинскій текстъ апелляціи Флавіана, переданной легатамъ Св. Льва, изданъ Amelli в. Specilegium Casinease complectens analecta sacra et profana т. 1-й (Ex typ. Casineasi) 1893 года. Смотри также его-же сочиненіе S. Leone Magno e l'Oriente: Dissertazione sopra una collezione inedita di nuovi documenti relativi al IV e al VI secolo и т. д. Roma 1882 г. (Bardenhewer, Patrologie. 1894 года стр. 495 и 585).

Св. Флавіанъ проситъ св. Льва и вселенскій соборъ (et universam, quae sub vestra sanctitate est synodum) о новомъ пересмотрѣ всего дѣла (Bardenhewer, Patrologie 1894 г. стр. 495 и 588 ср. Langen стр. 29—30).

всѣхъ заявили также протестъ противъ низложенія св. Флавіана. (Дѣян. III, 465 ср. Ер. XLIV, 1). Нѣкоторые епископы (Овисифоръ Иконійскій, Мартиніанъ Синоидскій, Нунехій Фригій Лаодикайской, Василій Селевкійскій) подошли къ Діоскору и стали умолять его подумать о томъ, что онъ дѣлаетъ, умоляли его не оскорблять „чувства всей земли“. (Thierry, 259). Произошелъ шумъ. Комиты позвали солдатъ, вмѣстѣ съ которыми пришли монахи Варсума и паробаланы Діоскора. Смятеніе и беспорядокъ были страшные. Всѣ епископы разбѣглись по самымъ отдаленнымъ угламъ церкви, такъ какъ двери, по приказанію Діоскора, были заперты. Нѣкоторые даже скрылись подъ своими скамейками (Thierry, 260). Стефанъ Ефесскій скрылся въ ризницу, гдѣ и былъ запертъ. Выпустили его оттуда только тогда, когда онъ согласился подписать приговоръ о низложеніи св. Флавіана и Евсеію.

Когда шумъ, произведенный солдатами, утихъ, было приступлено къ собиранію голосовъ. Діоскоръ, при этомъ, прямо заявилъ, что кто откажется подписаться подъ приговоромъ о низложеніи св. Флавіана и Евсеію, тотъ будетъ имѣть дѣло съ нимъ (Thierry, 261). Св. Флавіанъ и Евсеію были осуждены на низложеніе.

Оставалось только подписаться подъ актами соборнаго засѣданія. Но такъ какъ было уже довольно поздно, то нотаріи не могли въ этотъ день составить окончательной редакціи засѣданія. Между тѣмъ Діоскоръ опасался, что многіе епископы, согласившись подписаться изъ за страха предъ вооруженными солдатами, впослѣдствіи откажутся отъ подписи, и засѣданіе, такимъ образомъ, не будетъ имѣть законной силы. Въ это время кто-то подаль Діоскору мысль заставить подписаться на бѣлкахъ, не писанныхъ листахъ, съ тѣмъ, что пробѣлы будутъ заполнены послѣ, въ свободное время. Діоскоръ самъ пошелъ по рядамъ епископовъ въ сопровожденіи св. Ювеналія Іерусалимскаго и двухъ неизвѣстныхъ лицъ. Тѣхъ, которые противились требованіямъ Діоскора, обзывали еретиками и поступали грубо. Подписалось 134 епископа.

Засѣданіе должно было кончиться. Всѣ ждали, когда, нако-

нець, отворятъ двери. Но прежде чѣмъ ихъ отворили, произошло еще печальное обстоятельство, закончившее это засѣданіе. Діоскоръ, неизвѣстно зачѣмъ, подошелъ къ Флавіану и сталъ что-то говорить. Что произошло далѣе неизвѣстно, но только Діоскоръ ударилъ св. Флавіана кулакомъ въ лицо, а сопровождавшіе его діаконъ Иппократіонъ и Петръ Монгъ (впослѣдствіи патріархъ Александрійскій) повалили его на полъ. Діоскоръ, параболаны и монахи Варсумы стали его бить и топтать ногами. Варсума кричалъ по сиреки: „убей его“! (Thierry, 264—5). Въ ужасѣ отъ этой потрясающей сцены епископы бросились къ дверямъ, которыя, наконецъ, отворили. Флавіана полумертваго снесли въ тюрьму. Онъ умеръ отъ побоевъ на 3-й день на дорогѣ въ ссылку (Arendt, 246).

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ 22 и 23 (или 24) августа римскіе легаты не присутствовали, хотя и были приглашены. Они отказались отъ присутствованія на соборныхъ засѣданіяхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они не уполномочены ни въ какихъ дѣлахъ, кромѣ дѣла Евтихія и св. Флавіана. На засѣданіяхъ 22 августа были осуждены Ива Едесскій за несторіанскій образъ и злоупотребленіе церковными имуществами, его родственники: Даниль Харрайскій за участіе его въ злоупотребленіяхъ Ивы церковными имуществами; Софроній Теллскій за волшебство. Не трудно догадаться, что всѣ эти обвиненія мнимыя. На слѣдующемъ засѣданіи 23 или 24 августа были осуждены: блажен. Теодоритъ за несторіанскій образъ мыслей (т. е. за православіе) и Доманъ антиохійскій за сочувствіе Теодориту. Это засѣданіе было послѣднимъ. Акты „разбойничьяго собора“ были утверждены императоромъ, о чемъ былъ изданъ указъ. Въ указѣ этомъ, между прочимъ, говорилось: „Несторіане (т. е. православные) не должны быть терпимы ни въ городахъ, ни въ странѣ и кто ихъ будетъ терпѣть, тотъ будетъ наказанъ конфискаціей имущества и вѣчнымъ изгнаніемъ“ (Душ. Чт. 1875 г. 1, 423).

Изъ Ефеса Діоскоръ отправился въ сопровожденіи нѣсколькихъ епископовъ въ Константинополь, чтобы поставить здѣсь новаго архіепископа на мѣсто св. Флавіана. Выборъ его палъ на своего діакона св. Анатолія, котораго онъ считалъ своимъ единомышленникомъ.

Нисколько не умаляя достоинства этого святого мужа, очень много потрудившагося для православія, мы склонны думать, вопреки сложившемуся мнѣнію о только видимой привязанности въ еutihianству, что онъ дѣйствительно держался его на первыхъ порахъ своего служенія въ санѣ константинопольскаго архіепископа. Очень трудно предполагать, чтобы Діоскоръ не имѣлъ какихъ нибудь твердыхъ данныхъ, на основаніи которыхъ онъ счелъ за самое лучшее передать такую важную кафедру, какъ Константинопольская, не кому другому, а именно св. Анатолію. Не малое значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ замѣчаніе Либерата въ своемъ *Breviarium*ѣ (Migne LXVIII, 1005), что св. Анатолій былъ апокрисиаріемъ Діоскора въ Константинополѣ. Либератъ сдѣлалъ это замѣчаніе, вѣроятно, не безъ цѣли. Впослѣдствіи, при измѣнившихся въ пользу православія обстоятельствахъ, а также, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе все болѣе и болѣе возрастающаго убѣжденія въ истинѣ православія и несостоятельности еutihianства, онъ искренно присоединился къ православію, для котораго онъ (какъ это мы увидимъ впослѣдствіи) потрудился очень много.

Поставленіе св. Анатолія въ архіепископы константинополя было вѣнцомъ побѣды Діоскора надъ св. Флавіаномъ. Одно только обстоятельство беспокоило его. Это протестъ со стороны Рима. Тревожимый этимъ обстоятельствомъ, Діоскоръ созвалъ небольшой соборъ въ Никеѣ, гдѣ была произнесена анаеема догматамъ св. Льва и самъ онъ отлученъ отъ церкви.

Діоскоръ возвратился въ Александрію съ полнымъ торжествомъ: онъ низложилъ двухъ архіепископовъ и отлучилъ третьяго. Будущее покажетъ на сколько его торжество было своевременно.

Дѣятельность св. Льва, направленная къ уничтоженію силы разбойничьяго собора и къ созванію Халкидонскаго.

Св. Левъ узналъ о случившемся на соборѣ отъ своего легата, діакона Иларія, который ушелъ украдкою (*furtim*) изъ Ефеса вскорѣ послѣ перваго засѣданія (Ep. XLIX). Иларій старался дойти до Рима малоизвѣстными путями; онъ даже миновалъ

Константинополь, хотя ему нужно было передать св. Пульхеріи Августъ посланіе св. Льва.

Диоскоръ очевидно былъ опасенъ не только на соборѣ въ Ефесѣ. Сообщение Иларія о происшествіи на соборѣ, безъ сомнѣнія, глубоко опечалило къ св. Льва. Онъ тотчасъ написалъ письмо (XLIX отъ 13 октября) къ св. Флавіану, о смерти котораго онъ еще не зналъ. Въ этомъ письмѣ св. Левъ выражаетъ глубокое сочувствіе страданіямъ св. Флавіана за истину и сожалѣетъ „о паденіи тѣхъ, черезъ кого истина подвергается нападенію и потрясается самое основаніе цѣлой церкви“. Въ-стѣ съ тѣмъ св. Левъ извѣщаетъ св. Флавіана, что „онъ для общаго дѣла ничего не опустилъ такого, что надлежитъ сдѣлать, дабы прежде всего достигнуть того, что полезно обществу вѣрующихъ“. Св. Левъ не сообщаетъ въ письмѣ, что онъ именно предпринялъ, къ чему состоятъ его стремленія. Это онъ поручилъ передать словесно самому подателю письма.

Судя по дальнѣйшей дѣятельности св. Льва, не трудно догадаться о какихъ мѣрахъ, о какихъ стремленіяхъ говорить св. Левъ. Онъ рѣшился во чтобы то ни стало дать торжество истинѣ и справедливости. Онъ ясно видѣлъ непрочность и мимолетность монофизитствъ; онъ чувствовалъ на своей сторонѣ столько силы, что побѣда ему казалась несомнѣнной. Отъ Иларія онъ, конечно, узналъ, что далеко не весь востокъ сочувствуетъ монофизитству. Сирія, Понтъ, Азія были явно враждебны ереси; западъ, независимый отъ востока въ политическомъ отношеніи, весь былъ на сторонѣ православія. На сторонѣ же монофизитства было меньшинство: Египетъ, Фракія, Палестина (Hefele II, 371). Чувствуя свою силу, св. Левъ тотчасъ же принялся за дѣло, съ полною увѣренностію въ успѣхъ.

Въ скоромъ времени въ Римѣ собрался соборъ. Это былъ, вѣроятно, одинъ изъ тѣхъ соборовъ, которые собирались съ 448 года каждое III Cal. Oct. (=29 сентября) (Ep. XVI, 7 LXI, 1). На этомъ соборѣ было отвергнуто монофизитство и все, что сдѣлано на Ефескомъ соборѣ. Отъ себя и отъ лица этого собора св. Левъ отправилъ „съ особымъ посольствомъ“ XLV, 3) къ императору Θεодосію посланіе (Ep. XLIII и XLIV,

отъ 13 октября 449 года)¹⁾. Св. Левъ жалуется въ немъ на злоупотребленія, имѣвшія мѣсто на Ефескомъ соборѣ, именно: а) не было прочитано его посланіе къ св. Флавіану, содержащее въ себѣ ясное и точное изложеніе догмата о воплощеніи; б) на соборѣ не было свободы изслѣдованія истины; здѣсь все было сдѣлано съ насиліемъ и многіе епископы „простерли невольныя руки къ нечестивымъ подписямъ“; с) не всѣ епископы допущены были на соборъ, но только тѣ, которые болѣе или менѣе соотвѣтствовали видамъ Диоскора; d) легатовъ принуждали подписаться подъ соборными актами силою, такъ что одинъ изъ нихъ, діаконъ Иларій, „едва убѣжалъ“ изъ Ефеса, желая такимъ путемъ уклониться отъ вынужденной подписи актовъ. Въ заключеніи св. Левъ, отъ себя и отъ лица всѣхъ своихъ священниковъ, умоляетъ Θεодосія „предъ нераздѣлимою Троицею единого Божества и предъ святыми ангелами Христа оставить все въ томъ положеніи, въ какомъ было прежде всякаго суда, пока не соберется большое число епископовъ всего міра... и не составится внутри Италіи вселенскій соборъ, который—бы всѣ возникшія несправедливости такъ порѣшилъ или укротилъ, чтобы не осталось болѣе какого нибудь сомнѣнія въ вѣрѣ или раздѣленія въ любви“. Въ заключеніи св. Левъ даетъ понять Θεодосію, что заботиться о церковномъ мирѣ это тоже, что заботиться о политическомъ благосостояніи государства.

Едва-ли св. Левъ ожидалъ особенныхъ послѣдствій отъ сво-

¹⁾ XLIII и XLIV письма отличаются другъ отъ друга только различнымъ началомъ. Кенель (Migne LIV, 1383) полагаетъ, что XLIII письмо, „можетъ быть экземпляръ XLIV письма, который въ нѣсколько измѣненномъ видѣ св. Левъ послалъ къ Пульхеріи Августѣ, о чемъ говорится въ Ep. XLV, 1“. Валлерини (Migne, LIV, 819) считаютъ это предположеніе Кенеля болѣе остроумнымъ, чѣмъ основательнымъ. По ихъ мнѣнію, было написано сначала XLIII письмо, что видно изъ того, что оно въ манускриптахъ помѣщается всегда прежде XLIV. После того, какъ XLIII письмо было уже отправлено, св. Левъ отправилъ XLIV письмо, представляющее незначительную передѣлку письма XLIII, чтобы передать его императору, удержавъ, если можно, XLIII письмо. Но это предположеніе Валлерини не только не основательно, но даже и не остроумно. Передѣлка XLIII письма настолько незначительна, что едва ли нужно было св. Льву особенно беспокоиться относительно замѣны одного письма другимъ. Кенелю, кажется, нужно отдать предпочтеніе.

его посланія. Онъ, безъ сомнѣнія, очень хорошо зналъ, что императоръ стоитъ на сторонѣ монофизитства. Зналъ также и то, что не столько тутъ значить самъ императоръ, сколько тѣ, которые окружаютъ его. Письмо его имѣло другую цѣль. Оно было официальнымъ извѣщеніемъ о результатахъ римскаго собора, выраженіемъ протеста противъ Ефесскаго собора со стороны всей западной церкви. Но св. Левъ все-таки не оставляетъ надежды, что со временемъ мысли императора примутъ другое направленіе. По крайней мѣрѣ, онъ старается на сколько возможно повліять на перемѣну настроенія императора чрезъ его сестру св. Пульхерію. Онъ посылаетъ къ ней особое посланіе (XLV отъ 13 октября 449 года), къ которому были приложены не дошедшія до нея его прежнія посланія, отправленныя еще до разбойничьяго собора, а также копіи съ посланій, отправленныхъ къ императору Θεодосію. „Если бы“, пишетъ св. Левъ, „дошли до вашего благочестія посланія, которыя по дѣлу вѣры отправлены были чрезъ нашихъ клириковъ, то, безъ сомнѣнія, вы, при внушеніи вамъ Господа, могли приготовить врачевство тѣмъ дѣламъ, которыя совершены противъ вѣры. Ибо когда вы не принимали стороны священниковъ, когда не стояли за благочестіе и вѣру христіанскую?“ Св. Левъ выражаетъ глубокую скорбь по поводу событій на Ефесскомъ соборѣ и обращается къ Пульхеріи съ просьбою о ходатайствѣ предъ императоромъ, „чтобы онъ прежде, нежели эта гибельная война усилится внутри церкви, далъ способы, при содѣйствіи Божию, возстановить единство, зная, что все то будетъ полезно могуществу его имперіи, что при благосклонномъ расположеніи будетъ сдѣлано для свободы католической“. Св. Левъ задѣлывалъ самое чувствительное мѣсто. Какъ Θεодосію, такъ и св. Пульхеріи онъ очень не двухсмысленно давалъ понять, что религіозная рознь между востокомъ и западомъ неизбѣжно повлечетъ за собою и рознь политическую. При тогдашнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, когда римская имперія всюду была окружена врагами, эта рознь могла очень губительно подѣйствовать на благосостояніе какъ восточной, такъ и западной имперіи. Этого вполне было достаточно, чтобы побудить правительство всѣми силами стараться уничтожить эту рознь. Но

окружавшіе Θεодосія настолько были увлечены искорененіемъ ненавистнаго имъ „несторіанства“ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ мало заглядывали въ будущее, что предостереженія св. Льва пропали даромъ. Пульхерія-же не имѣла возможности помочь дѣлу, такъ какъ она въ это время, благодаря интригамъ Хризафія, была удалена отъ двора. Все это вмѣстѣ и было, вѣроятно, причиною того, что св. Левъ долго не получалъ отвѣта на свое посланіе. Озабоченный этимъ обстоятельствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предвидя, что его посланіе не имѣло успѣха, св. Левъ написалъ Θεодосію вторичное посланіе (Ер. LIV отъ 25 декабря 449 года). Св. Левъ заявляетъ, что онъ вполне принимаетъ Никейскій символъ (въ противовѣсъ монофизитамъ, которые особенно держались за него); онъ одинаково осуждаетъ и анаематствуетъ какъ развращенное ученіе Несторія, какъ и нечестіе тѣхъ, которые отрицаютъ дѣйствительность воспріятія нашей плоти Господомъ. Въ заключеніи св. Левъ выражаетъ полную увѣренность въ томъ, что если императоръ „удостоитъ принять его прошеніе и моленіе и прикажетъ собраться египетскому собору внутри Италіи, то, при помощи Божіей, могутъ прекратиться всѣ соблазны, взволновавшія вселенскую церковь“. И это посланіе осталось безъ успѣха.

Въ это время прибыли въ Римъ на праздникъ въ честь каедръ св. Петра (Natale Petri de cathedra—по мнѣнію Баллерини (Migne LIV, 857) происходило VIII Cal. Mart 25 февраля)—западный императоръ Валентиніанъ III съ своею супругою Евдоксіей (дочерью Θεодосія II) и Галлою Плацидіей (теткой Θεодосія). Св. Левъ воспользовался этимъ счастливымъ случаемъ для того, чтобы склонить ихъ на защиту поправнаго православія. Когда Валентиніанъ съ Евдоксіей и Плацидіей прибыли для молитвы въ церковь святаго Петра, св. Левъ въ сопровожденіи многихъ другихъ епископовъ обратился къ нимъ съ рѣчью. Прерывающимся отъ слезъ и волненія голосомъ онъ разсказалъ имъ о томъ, что „ученіе вѣры возмущено на всемъ востоку“. Онъ оплакивалъ св. Флавіана, изгнаннаго по причинѣ ненависти александрійскаго епископа и, свидѣтельствуясь святынею самыхъ достойныхъ благоговѣнія мѣстъ и спасеніемъ

ихъ, требовалъ того, чтобы они написали къ императору Θεодосію и упросили его возстановить православіе и назначить соборъ въ предѣлахъ Италіи. Дѣйствительно Валентиніанъ, Евдоксія и Платидія отправили каждый отдѣльно письма къ Θεодосію и просили его возстановить православіе и назначить соборъ въ предѣлахъ Италіи (Ер. LV, LVI, LVII, LVIII—всѣ написаны въ концѣ февраля 450 года). Платидія, кромѣ того, написала къ св. Пульхеріи (Ер. LVIII—написано въ концѣ-же февраля), прося ея содѣйствія въ отмѣнѣ всего того, что было поставлено на „возмутительномъ и жалкомъ“ Ефесскомъ соборѣ“.

Но Θεодосій находился въ полной зависимости отъ Хризафія и отъ монофизитской партіи. Письма съ запада не могли поэтому произвести на него впечатлѣнія и подѣйствовать на перемѣну въ его мысляхъ; они только раздражили его. „Мы воздаемъ“, не безъ ироніи писалъ Θεодосій Валентиніану, (Ер. LXII—написано около апрѣля 450 года) „мы воздаемъ полное благодареніе Божественному величію за твое, господинъ священнѣйшій сынъ и досточтимый императоръ, невредимое прибытіе въ городъ Римъ. Что-же касается до того, что сказалъ тебѣ досточтимѣйшій мужъ Левъ, то объ этомъ, какъ мы думаемъ, весьма ясно и обстоятельно написано къ нему (до насъ ничего не дошло); и онъ узналъ, что мы ни въ чемъ не отступили отъ отеческой вѣры и преданія нашихъ предковъ... Что касается собора въ Ефесѣ, то на немъ „съ полною свободою и совершенною истиною отлучены недостойные священства и восприняты тѣ, которые признаны достойными... Что касается Флавіана, то онъ признанъ виновникомъ вредной новизны и получилъ достойное наказаніе. Съ удаленіемъ его царствуетъ всякій миръ и всякое согласіе и процвѣтаетъ не иное что, какъ чистая истина“. Въ этомъ-же смыслѣ отвѣтилъ Θεодосій и Галлѣ Платидіи (Ер. LXIII) и Евдокіи (Ер. LXIV).

Непріятныя отношенія съ Константинополемъ осложнились еще вопросомъ о признаніи св. Анатолія епископомъ Константинопольскимъ. Намъ уже извѣстно, что св. Анатолій, прежде бывшій апокрисаріемъ Діоскора, былъ поставленъ имъ въ преемники св. Флавіану. Вступивъ въ управление епархіей, св.

Анатолій, по обычаю, послалъ къ другимъ каедрамъ общительныя посланія. Такое посланіе получилъ и св. Левъ. До насъ дошелъ только отрывокъ отъ этого любопытнаго посланія (Ер. LIII написано подъ конецъ 449 года). Св. Анатолій рассказываетъ въ немъ причину своего избранія на Константинопольскую кафедру. При избраніи преемника св. Флавіану, по сообщенію св. Анатолія, произошли большія разногласія. Для прекращенія ихъ предложено было избрать кого-либо изъ другой епархіи. Выборъ палъ на него.

Св. Левъ поставленъ былъ посланіемъ св. Анатолія въ очень большое затрудненіе. Зная его прежнюю близость къ Діоскору, онъ, конечно, невольно долженъ былъ заподозрить чистоту его православія, тѣмъ болѣе, что въ своемъ посланіи св. Анатолій ничего не говорилъ о своемъ исповѣданіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, св. Левъ не могъ отказать ему въ общеніи, такъ какъ его неправославіе ничѣмъ еще не было доказано. Св. Левъ рѣшилъ сперва узнать образъ мыслей новаго константинопольскаго епископа. Не желая огорчать требованіемъ исповѣданія православія отъ самого св. Анатолія, св. Левъ обратился къ посредничеству императора Θεодосія. Онъ снарядилъ особое посольство, состоящее изъ четырехъ лицъ; епископовъ: Абундія и Астерія и пресвитеровъ Василия и Сенатора. Съ этимъ посольствомъ св. Левъ написалъ Θεодосію посланіе (LXIX отъ 16 іюля 450 года). Въ немъ онъ выясняетъ Θεодосію свое затрудненіе по поводу признанія св. Анатолія епископомъ Константинопольскимъ. Причина, почему онъ не можетъ принять Анатолія въ общеніе та, что ему ничего не извѣстно объ его образѣ мыслей. „Если“, продолжаетъ св. Левъ, „онъ покажетъ себя въ отношеніи къ вѣрѣ каеолической такимъ, какимъ желаемъ мы, то мы полнѣе и безопаснѣе возрадуемся за его искренность. А чтобы не мучило его какое-либо подозрѣніе относительно нашего расположенія, я удаляю всякій поводъ къ затрудненію и ничего такого не требую, что казалось бы не удобнымъ или сомнительнымъ; я только прошу (исповѣдать то), чего не долженъ отрицать ни одинъ изъ каеоликовъ“. Св. Левъ совѣтуетъ св. Анатолію прочитать посланіе св. Кирилла Александрійскаго противъ Несторія, а также его собственное къ

св. Флавіану. „Если бы“, продолжаетъ св. Левъ, „онъ отъ всего сердца согласился съ мыслями каеволиковъ, такъ чтобы искреннее исповѣданіе общей вѣры объявилъ свободнымъ подписомъ предъ всѣмъ клиромъ и цѣлымъ городомъ для извѣщенія апостольской каеодры и всѣхъ священниковъ и церковей Господа: то мы при успокоеніи всего міра въ одной вѣрѣ, мы всѣ могли бы сказать то, что воспѣли ангелы о родившемся отъ Дѣвы Маріи Спасителѣ: „слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ чаловѣцѣхъ благоволеніе“! (Лук. 2, 14). Въ заключеніи св. Левъ проситъ Θεодосіа, въ виду того, что „нѣкоторые остаются въ разномысліи съ чистотою вѣры и авторитетомъ св. отцовъ“, созвать внутри Италіи соборъ. Св. Левъ заявляетъ, что это не его только личное желаніе, „но и сошедшаго по этому предмету собора въ Римѣ“.

Убѣжденный горькимъ опытомъ, св. Левъ не рассчитывалъ на успѣхъ и этого посланія. Онъ болѣе рассчитывалъ на вліяніе св. Пульхеріи. Въ письмѣ (Ер. LXX), отправленномъ къ ней, св. Левъ такъ же, какъ и въ письмѣ къ Θεодосію, выяснилъ свое затрудненіе относительно признанія св. Анатолія Константинопольскимъ епископомъ. Совѣтуетъ Анатолію прочитати посланіе св. Кирилла Александрійскаго къ Несторію и свое собственное къ св. Флавіану. Въ заключеніи проситъ ходатайства предъ императоромъ о созваніи собора въ Италіи.

Но посольство, съ которымъ были посланы эти письма къ Θεодосію и Пульхеріи, уже не застало Θεодосіа въ живыхъ. Онъ умеръ 29 іюля 450 года отъ неосторожнаго паденія съ лошади во время охоты (Thierry 269). Его смерть положила конецъ официальному господству еutihianства въ восточной имперіи. Его преемницей сдѣлалась св. Пульхерія, избравшая супругомъ бывшаго сенатора Маркіана. Они рѣшились дать перевѣсъ православію.

Св. Левъ заботился о торжествѣ православія не только, такъ сказать, официальнымъ путемъ, путемъ сношеній, переговоровъ и перепиской съ императоромъ Θεодосіемъ II и св. Пульхеріей. Онъ дѣятельно велъ сообщенія еще съ многими константинопольскими пресвитерами и архимандритами, извѣстными ему по своему благочестію и православному образу мыслей. Такихъ

лицъ извѣстно до 15, именно пресвитеры и архимандриты: Фавинъ, Мартинъ, Петръ, Мануилъ, Іовъ, Антіохъ, Авраамій, Θεодоръ, Піенцій, Евсевій, Елпидій, Павелъ, Астерій, Кародъ діаконъ и архимандритъ Іаковъ (Ер. LXXI). Болѣе чѣмъ со всѣми другими онъ велъ сношенія съ Мартиномъ и Фавстомъ. Очевидно эти два архимандрита пользовались особымъ почетомъ и вліяніемъ во всемъ Константинополѣ. Св. Левъ обращался къ нимъ съ письмами еще до разбойничьяго собора (Ер. XXXII); обращается и теперь. Онъ объясняетъ имъ также какъ Θεодосію и Пульхеріи свои затрудненія относительно признанія Константинопольскимъ епископомъ св. Анатолія и проситъ ихъ „содѣйствіа“ (collaborate) ему въ утверженіи православія и искорененіи еutihianства (Ер. LXXI отъ 17 іюля 450 года); убѣждаетъ ихъ страдать за истину (LXXIV ad Martinum—отъ 13 сентября 450 года), старается разъяснить имъ трудный догматъ о соединеніи двухъ естествъ (Ер. LXXV отъ 8 или 9 ноября 450 года).

Весьма интересны сношенія св. Льва съ знаменитымъ Θεодоритомъ, епископомъ Киррскимъ. Θεодоритъ писалъ къ нему—спустя нѣкоторое время (подъ конецъ 449 года) послѣ разбойничьяго собора. Онъ извѣщаетъ его о печальныхъ событіяхъ, случившихся на разбойничьемъ соборѣ, о „несправедливѣйшемъ низложеніи“ Флавіана, о несправедливомъ низложеніи его самаго, хотя онъ „на соборѣ не присутствовалъ и не былъ спрошенъ о томъ, какъ онъ мыслитъ о воплощеніи Спасителя нашего и Бога“. Между тѣмъ онъ „при содѣйствіи благодати Божіей, освободилъ болѣе тысячи душъ отъ болѣзни Маркіана, многихъ привелъ къ Христу арианъ и евноміанъ“. Онъ былъ пастыремъ восьмисотъ церковей, входящихъ въ составъ Киррской епархіи, въ которыхъ не осталось никакого куколя, но все его стадо свободно отъ еретическаго заблужденія. Все видящій знаетъ сколько брошено въ него камней нечестивыми еретиками; сколько онъ боролся съ Еллинами, Іудеями и вообще со всякимъ еретическимъ заблужденіемъ“. Кромѣ того, онъ написалъ много сочиненій противъ арианъ, евноміанъ, Іудеевъ, Язычниковъ, персидскихъ шаховъ, о провидѣніи, о богословіи и божественномъ воплощеніи. Имъ написаны, при помощи благо-

дати Божіей, толкованія на предсказанія пророческія и апостольскія. Изъ всѣхъ этихъ сочиненій легко можно узнать, остался ли онъ твердъ въ вѣрѣ. Будучи епископомъ впродолженіи очень многихъ лѣтъ онъ не приобрѣлъ ни дома, ни поля, ни овола, ни усыпальницы; онъ добровольно остался бѣднымъ, раздавъ доставшееся ему наслѣдство бѣднымъ, какъ это извѣстно всѣмъ на востокѣ. И вотъ за всѣ эти труды и лишения онъ осужденъ безъ суда (*μη δίκασάμενος κατηχρίθην*). Вслѣдствіе такой несправедливости бл. Θεодоритъ обращается къ правому суду св. Льва и умоляетъ его не отринуть его моленій, не презрѣть его сѣдины, понесшей столько трудовъ. Онъ проситъ научить его, должно-ли остаться (*τέρψαι*) при этомъ несправедливомъ низложеніи или нѣтъ и общаетъ послѣдовать рѣшенію св. Льва.

Не извѣстно, что именно отвѣтилъ св. Левъ бл. Θεодориту на это посланіе. До насъ дошло только одно посланіе св. Льва, написанное уже послѣ Халкидонскаго собора 11 іюня 453 года (Ер. СХХ). На основаніи указаній этого письма можно заключать, что св. Левъ отвѣтилъ ему на это письмо и призналъ его „согласно суду апостольскаго престола чистымъ отъ всякаго пятна ереси“.

Не признавая Ефесскаго собора 449 г. правильнымъ, считая его, напротивъ, „разбойничьимъ“ сборищемъ (*latrocinium*), св. Левъ, конечно, не могъ признать правильнымъ и законнымъ низложеніе бл. Θεодорита. Впослѣдствіи на Халкидонскомъ соборѣ бл. Θεодоритъ былъ торжественно принятъ въ общеніе; при чемъ было здѣсь заявлено, что онъ уже былъ принятъ въ общеніе св. Львомъ (Дѣян. IV, 180—1).

Таковы были частныя сношенія св. Льва съ востокомъ.

Письмо бл. Θεодорита ясно показываетъ, чѣмъ былъ св. Левъ въ это смутное время для восточной церкви. При официальномъ господствѣ въ восточной римской имперіи еutihianства, взоры всѣхъ православныхъ невольно обратились на западъ, гдѣ въ это время самымъ лучшимъ и виднымъ представителемъ православія былъ св. Левъ.

Но дѣятельность св. Льва на востокѣ ограничивалась только поддержкой православія. Онъ ничего не могъ сдѣлать противъ все болѣе и болѣе распространяющагося еutihianства.

Дѣятельность его на западѣ носила нѣсколько другой характеръ. Здѣсь онъ не только поддерживалъ православіе,—это разумѣется само собой,—здѣсь онъ употреблялъ и всѣ средства къ прегражденію доступа этой „нечестивой заразы“ въ западную церковь. Весьма много, конечно, помогало ему въ данномъ случаѣ его хорошія и близкія отношенія къ императорскому двору, проживавшему въ это время въ Равеннѣ. Императорское семейство держалось, какъ мы знаемъ, православія. Все это дало возможность св. Льву распространить свое знаменитое догматическое посланіе по всему западу. Это письмо, заключающее въ себѣ ясное и точное изложеніе догмата о воплощеніи, было прочитано, одобрено и подписано всѣмъ Западомъ, начиная съ епископовъ, къ которымъ оно было послано, и кончая мірянами (Ер. LXVII; LXVIII и XCIX). Какое значеніе имѣла мѣра—это лучше всего видно изъ того, что на Западѣ еutihianство не пользовалось ни какимъ успѣхомъ. Но и въ Восточной церкви еutihianство совсѣмъ не было господствующимъ. Если оно одержало на нѣкоторое время верхъ надъ православіемъ, то это только потому, что на его сторонѣ было правительство. Но вотъ на престолѣ вступили св. Пульхерія ¹⁾ и Маркіанъ, оно потеряло опору въ правительствѣ и тогда число его приверженцевъ быстро сократилось. Многіе, принявшіе опредѣленія Ефесскаго собора изъ боязни низложенія и ссылки, теперь принесли свое полное раскаяніе. Для еutihianства теперь наступили другія, тяжелыя времена. Вышелъ императорскій Эдиктъ, по которому тѣ монахи и клирики, которые слѣдуютъ ученію Аполлинарія и Евтихія, подпадаютъ подъ законы, изданные противъ еретиковъ вообще и должны быть изгнаны изъ предѣловъ Римскаго государства (Perth. 67).

¹⁾ Св. Пульхерія дано уже, какъ мы знаемъ, была въ близкихъ отношеніяхъ со св. Львомъ. Вступивъ на престолъ, она вмѣстѣ съ избраннымъ ею мужемъ сенаторомъ Маркіаномъ, ставшимъ теперь императоромъ, рѣшилась употребить всѣ усилія для торжества православія. Вступивъ на престолъ, Маркіанъ вмѣстѣ съ Валентиніаномъ III, издалъ на имя св. Льва Эдиктъ (Ер. LXXIII), въ которомъ извѣщала св. Льва о своемъ вступленіи на престолъ, испрашиваетъ его молитвъ и выражаетъ еще при этомъ желаніе, при помощи святаго Льва (*σὸβαδδεντοῦτος*), водворить миръ въ церкви созваніемъ новаго собора. Послѣ этого еutihianству нечего было ждать отъ правительства.

Торжественно перенесены были въ Константинополь мощи св. Флавіана и погребены съ великою торжественностью и почетомъ въ базиликѣ св. Апостоловъ рядомъ съ своими предшественниками (Ер. LXXVII). Тотчасъ-же были завязаны сношенія съ Римомъ. Маркіанъ извѣстилъ св. Льва о своемъ восшествіи на престолъ и просилъ его молитвъ о твердости и непоколебимости имперіи. Въ заключеніе Маркіанъ выразилъ желаніе созвать вселенскій соборъ, о чемъ старался св. Левъ— (Ер. LXXIII написано въ концѣ августа или въ началѣ сентября 450 года). Нѣсколько позднѣе (22 ноября 450 года) Маркіанъ послалъ св. Льву посланіе (Ер. LXXVI), гдѣ выражаетъ увѣренность, что „безопасность его могущества поддерживается правою вѣрою и благоволеніемъ нашего Спасителя“, извѣщаетъ, что онъ охотно и, какъ слѣдовало, съ благосклонностію принялъ тѣхъ достойнѣйшихъ мужей, которыхъ отправилъ къ нему св. Левъ. (Рѣчь о посольствѣ къ Θεодосію, котораго оно не застало въ живыхъ). Въ заключеніи Маркіанъ проситъ св. Льва прибыть на востокъ и составить соборъ; если это ему покажется затруднительнымъ, то пусть онъ извѣститъ объ этомъ собственнымъ посланіемъ, чтобы онъ, Маркіанъ, могъ „разослать высочайшія посланія по всему востоку и самой Фракіи и Иллирику и назначить мѣсто, гдѣ-бы собрались все святѣйшіе епископы и опредѣлили, что полезно благочестію христіанъ и вѣрѣ католической“. Около этого времени (съ точностію неизвѣстно) св. Левъ получилъ посланіе и отъ св. Пульхеріи (Ер. LXXVII) съ весьма важными извѣстіями, именно: святѣйшій Анатолій, епископъ славнаго Константинополя, содержитъ православную вѣру и благочестіе и принимаетъ апостольское исповѣданіе его (св. Льва) посланій, отвергнувъ то заблужденіе, которое измышлено въ нынѣшнее время нѣкоторыми“, о чемъ яснѣе можно узнать изъ собственнаго его Анатолія посланія (до насъ не дошло). Онъ (Анатолій) безъ всякаго замедленія подписалъ также посланіе католической вѣры, которое онъ, св. Левъ, послалъ къ священной памяти епископу Флавіану“. Далѣе св. Пульхерія проситъ св. Льва исполнить ¹⁾

1) Tua reverentia, quocumque modo perspexerit, significare dignetur.

желаніе ея супруга императора Маркіана относительно созванія вселенскаго собора; извѣщаетъ о перенесеніи мощей св. Флавіана въ Константинополь и погребеніи ихъ. Наконецъ св. Пульхерія сообщаетъ, что императоръ повелѣлъ особымъ указомъ возвратитъ изъ ссылки всехъ епископовъ, единомышленныхъ съ св. Флавіаномъ, съ тѣмъ, чтобы „они по утвержденію собора и одобренію всехъ сошедшихся епископовъ, снова получили епископство и свои собственные церкви“.

Почти одновременно съ письмами св. Пульхеріи и Маркіана св. Левъ получилъ письмо отъ св. Анатолія (не дошедшее до насъ), посланное съ пресвитеромъ Кастеріемъ и діаконами Патрикіемъ и Аспленіадомъ. Судя по упоминаніямъ о немъ Пульхеріи (Ер. LXXVII), самаго св. Льва (Ер. Ер. LXXX, I) и указанія 4 засѣданія Халкидонскаго собора (Дѣян, 1, 4, 85), можно съ нѣкоторою вѣроятностію предположить, что въ посланіи св. Анатолія говорится о соборѣ, бывшемъ въ Константинополѣ (вѣроятно въ ноябрѣ 450 года. Hefele II 379) и о послѣдовавшей на немъ подписи св. Анатоліемъ догматическаго посланія св. Льва, о епископахъ бывшихъ на разбойничьемъ соборѣ и теперь приносящихъ покаяніе. Съ этимъ письмомъ были отправлены и самые акты (LXXX, I) ¹⁾. Св. Левъ прислалъ свое отвѣтное посланіе къ св. Анатолію съ послами отъ него—(посланіе это отъ 13 апрѣля 451 г. Ер. LXXX), „Мы радуемся о Господѣ“, писалъ св. Левъ, „и гордимся даромъ благодати Того, Который сдѣлалъ тебя послѣдователемъ евангельскаго ученія“. Св. Левъ говоритъ, что онъ съ радостію принимаетъ его въ свое общеніе и одобряетъ соборныя дѣянія, присланныя съ письмомъ св. Флавіана. Относительно епископовъ бывшихъ на разбойничьемъ соборѣ и подписавшихъ его акты, но теперь приносящихъ покаяніе, св. Левъ одобряетъ рѣшеніе, постановленное сообща съ его

1) Ceillier (XIV, 649), Walch, Ketzhrhist (VI, 306) полагаютъ, что до Халкидонскаго собора св. Анатолій собиралъ только *одинъ* помѣстный соборъ въ Константинополѣ. Hefele (II, 379) съ большею основательностію думаетъ, что св. Анатолій собиралъ *два* собора: одинъ еще при жизни Θεодосіа II, другой при Маркіанѣ, въ ноябрѣ 450 г., на которомъ имъ было подписано догматическое посланіе св. Льва.

легатами (вѣроятно на Константинопольскомъ соборѣ). Означенные епископы должны пока довольствоваться принятиемъ въ общеніе своими церквами (*suarum interim ecclesiarum communionem contenti*)¹⁾. Впрочемъ св. Левъ выражаетъ желаніе, чтобы онъ вмѣстѣ съ его легатами условился относительно принятія въ полное общеніе наиболѣе достойныхъ епископовъ. Само собой разумѣется, что эти епископы прежде всего должны проклясть то, что „они прежде содержали противнаго православной вѣрѣ“. Что касается Диоскора (Александрійскаго), св. Ювеналія (Іерусалимскаго) и Евстафія (Бейрутскаго) (все они какъ намъ извѣстно, были заправилami разбойничьяго собора), то имена ихъ не должно произносить предъ святымъ алтаремъ“. Наконецъ св. Левъ поручаетъ вниманію св. Анатолія Юліана епископа Косскаго, Евсевія Дорилейскаго (проживавшаго тогда въ Римѣ) и клириковъ, оставшихся вѣрными памяти св. Флавіана и проситъ св. Анатолія опубликовать настоящее посланіе.

Съ послами св. Анатолія св. Левъ послалъ еще письма къ императору Маркіану (LXXVIII), св. Пульхеріи (LXXIX) и Юліану Косскому (LXXXI). Все эти письма имѣютъ ту же дату что и предъидущее къ св. Анатолію (отъ 13 апрѣля 451 года).

Въ письмѣ къ Маркіану св. Левъ выражаетъ радость по поводу полученія его посланія и хвалитъ за усердіе его въ защищеніи святой вселенской истины отъ вражескихъ козней. Въ письмѣ къ Пульхеріи св. Левъ указываетъ на заслуги ея въ дѣлѣ искорененія ересей. Такъ, отъ нея, какъ служительницы и ученицы истины, не укрылась изукрашенная ложь болтуна (*loquacis hominis*)—Несторія; онъ нея не скрылось и то, что діаволь замышлялъ противъ церкви чрезъ Евтихіа. Затѣмъ св. Левъ благодаритъ св. Пульхерію отъ лица всей римской церкви за благодѣянія оказанныя вѣрѣ: за милостивый пріемъ римскихъ легатовъ, за возвращеніе къ своимъ церквамъ тѣхъ епископовъ, которые несправедливо были осуждены на разбойничьемъ соборѣ и за перенесеніе въ Констан-

¹⁾ Это значитъ, что епископы эти не имѣли права входить въ сношеніе съ епископами другихъ епархій и участвовать на соборахъ. Они имѣли только права управлять своей епархіей (Migne LIV, 1396).

тинополь мощей св. Флавіана. Далѣе св. Левъ говоритъ о сообщеніи епископа Анатолія и своихъ легатовъ относительно епископовъ, подписавшихъ акты разбойничьяго собора и желающихъ вступить въ общеніе съ православными. Если они осудятъ свои прежнія заблужденія, то ихъ можно принять. Объ этомъ сообща разсудятъ его легаты и св. Анатолій. Въ заключеніи св. Левъ поручаетъ вниманію св. Пульхеріи Евсевія Дорилейскаго, Юліана Косскаго и Константинопольскихъ клириковъ, оставшихся вѣрными св. Флавиану.

Наковецъ въ письмѣ къ Юліану Косскому св. Левъ выражаетъ сочувствіе по поводу тѣхъ опасностей, которымъ подвергался Юліанъ на востокѣ за свое православіе. Св. Левъ выражаетъ желаніе видѣть его въ Римѣ и поговорить съ нимъ лично о коварствѣ еретиковъ. Впрочемъ, благодареніе Богу, дѣла для церкви устраиваются къ лучшему; это даетъ возможность Юліану опять дѣйствовать съ постояннымъ прилежаніемъ въ пользу православія. Далѣе св. Левъ говоритъ (тоже что св. Пульхеріи и св. Анатолію) о епископахъ бывшихъ на разбойничьемъ соборѣ. Подробныя инструкціи къ этому дѣлу св. Левъ общается сообщить съ посольствомъ, которое онъ намѣренъ отправить вскорѣ послѣ Пасхи. Посольство это не было отправлено согласно предположенію св. Льва; оно отправилось только въ іюнѣ 451 года.

Св. Левъ такъ былъ обрадованъ поворотомъ дѣла на востокѣ въ пользу православія, что совершенно перемѣнилъ свои мысли относительно необходимости созванія вселенскаго собора. Онъ по горькому опыту звалъ, какія потрясенія часто производятъ вселенскіе соборы; какъ они волнуютъ разныя партіи, какъ все это не выгодно отражается на благосостояніи и даже (особенно въ тогдашнее время) на безопасности государства. Св. Льву казалось наиболѣе выгоднымъ для общей пользы государства и церкви рѣшить дѣло объ евтихіанствѣ безъ созванія вселенскаго собора чисто административными мѣрами. Къ этому не мало побуждало то обстоятельство, что многіе изъ участвовавшихъ на разбойничьемъ соборѣ принесли полное раскаяніе. Св. Льву показалось поэтому, что мѣрами кротости, благоразумія и снисхожденія къ обращающимся и спра-

ведливой строгости къ упорнымъ въ своемъ заблужденіи можно уничтожить возникшее волненіе и безъ созванія вселенскаго собора. Въ этомъ смыслѣ св. Левъ писалъ Маркіану (Ер. LXXXII отъ 23 апрѣля 451 г.) въ отвѣтъ на его посланіе (не дошедшее до насъ), отправленное съ городскимъ префектомъ Таціаномъ. Выразивъ свою радость по поводу ревности императора къ вѣрѣ, которая была возмущаема разными невѣжественными и нечестивыми вопросами, св. Левъ продолжаетъ: „въ высшей степени несправедливо по неразумѣнію нѣкоторыхъ возбуждать войну разсужденій относительно того, не нечестиво-ли мыслилъ Евтихій, не развращенно-ли судилъ Діоскоръ, который рѣшился осудить святой памяти Флавіана и заставилъ впасть въ ту же пропасть нѣкоторыхъ простаковъ“. Въ доказательство своего мнѣнія св. Левъ ссылается на то, что многіе изъ епископовъ бывшихъ на разбойничьемъ соборѣ принесли полное покаяніе. При такомъ оборотѣ дѣла, по мнѣнію св. Льва, „нужно только принимать моленія кающихся, а не спорить о томъ, какой держаться вѣры“. Св. Левъ общается подробнѣе сообщить о своемъ мнѣніи касательно созванія вселенскаго собора, чрезъ особое посольство.

Это новое посольство было отправлено по возвращеніи прежняго, отправленнаго еще къ Θεодосію II, но не заставшаго его въ живыхъ. Съ этимъ возвращающимся посольствомъ Маркіанъ отправилъ къ св. Льву, не дошедшее до насъ, посланіе (Ер. LXXXIII, 1). На основаніи отвѣтнаго посланія св. Льва (Ер. LXXXIII отъ 9 іюля 451 г.), отправленнаго съ новымъ посольствомъ, можно предположить, что въ немъ была рѣчь о созваніи вселенскаго собора. Св. Левъ выражаетъ въ этомъ своемъ письмѣ радость по поводу ревности императора къ вѣрѣ, выразившейся въ возвращеніи изъ ссылки православныхъ епископовъ, перенесеніи мощей Флавіана въ Константинополь и преслѣдованіи дѣвольскаго ученія—евтихіанства. Не желая допустить зараженія этой язвой и пренебрегать средствами къ ея излеченію, онъ посылаетъ легатовъ, чтобы они вмѣстѣ съ св. Анатоліемъ разсудили относительно средствъ къ обращенію и принятію обращающихся отъ ереси. „Что касается созванія собора“, продолжаетъ св. Левъ, „то мы требовали этого сами. Но въ настоящее время нужда никакъ не позволяетъ собрать-

ся епископамъ (sacerdotes) всѣхъ провинцій, такъ какъ епископамъ тѣхъ провинцій, изъ которыхъ главнымъ образомъ должно отправиться на соборъ, нельзя оставить своихъ церквей по причинѣ безпокойства военнаго времени. Поэтому пусть прикажетъ ваша милость отложить (созваніе собора) до болѣе удобнаго времени, когда, по милости Божіей, наступитъ долгое, прочное спокойствіе. Полнѣе объ этомъ могутъ сказать вашему благочестію тѣ, которыхъ я послалъ“.

Кромѣ посланія къ императору, св. Левъ отправилъ съ этимъ же посольствомъ еще письма: къ св. Пульхеріи (LXXXIV), св. Анатолію (LXXXV) и Юліану Косскому (LXXXVI). Всѣ эти письма, какъ первое къ Маркіану, имѣютъ дату 9 іюля 451 года.

Въ письмѣ къ св. Пульхеріи св. Левъ ничего не говоритъ о желаніи Маркіана созвать соборъ. Онъ просто только извѣщаетъ ее о своемъ посольствѣ съ цѣлію изыскать средство къ обращенію и принятію въ лоно церкви кающихся еретиковъ. Затѣмъ, послѣ краткаго изложенія двухъ естествъ въ Исусѣ Христѣ, св. Левъ обращается къ св. Пульхеріи съ просьбою удалить куда нибудь изъ Константинополя Евтихію, этого виновника всякаго соблазна и нечестія. Онъ не долженъ пользоваться частными утѣшеніями тѣхъ, которыхъ онъ увлекъ въ свое нечестіе. Въ монастырѣ Евтихіа должно поставить православнаго настоятеля.

Въ письмѣ къ св. Анатолію св. Левъ выставляетъ ту же причину своего посольства, что въ письмахъ къ Маркіану и св. Пульхеріи,—изысканіе средствъ къ обращенію и принятію обращающихся отъ ереси. Средства эти должны быть проникнуты умѣренностію; въ нихъ должны соединиться снисхожденіе и справедливость. Правилами, выработанными вмѣстѣ съ легатами, должно пользоваться въ принятіи вообще всѣхъ обращающихся изъ евтихіанской ереси. Исключеніе изъ этого должны составлять только тѣ, которые занимали высшее мѣсто на несчастномъ (Ефесскомъ) соборѣ. Если они вздумаютъ присоединиться къ православію, то объ этомъ должно довести до свѣдѣнія апостольской каеэдры. Она все взвѣсивъ и обдумавъ, постановитъ объ ихъ дѣяніяхъ приговоръ. Въ настоящее же время

имена ихъ не нужно поминать при богослуженіи. Въ заключеніе св. Левъ побуждаетъ св. Анатолія къ борьбѣ съ ересью и проситъ сообщать ему о всемъ болѣе или менѣе важномъ.

Наконецъ въ письмѣ къ Юліану Косскому св. Левъ проситъ его помогать своими совѣтами легатамъ: и уничтожить остатки соблазновъ, существующихъ еще (въ восточной церкви).

Но прежде чѣмъ прибыло это посольство въ Константинополь, Маркіанъ уже обнародовалъ (17 мая 451 года) едиктъ, по которому вселенскій соборъ долженъ былъ собраться въ Никее къ 1 сентября. Императоръ обѣщалъ самъ присутствовать на соборѣ, если не помѣшаетъ война.

Получивъ приглашеніе на соборъ (Ер. СХІ), св. Левъ тотчасъ-же написалъ Маркіану почти одновременно два письма (LXXXIX отъ 24 іюня и ХС отъ 26 іюня), въ которыхъ весьма ясно проглядывало недовольство по поводу случившагося. „Мы вѣрили“, писалъ св. Левъ, „что Ваша милость можетъ уважить наше желаніе въ виду настоящей нужды и прикажетъ отсрочить соборъ епископовъ до болѣе благопріятнаго времени, когда будетъ возможность созвать епископовъ (sacerdotes) изъ всѣхъ провинцій и составить дѣйствительно вселенскій соборъ. Но такъ какъ вы, по любви къ вселенской вѣрѣ, пожелали, чтобы соборъ былъ въ настоящее время, то я, чтобы не показаться противникомъ Вашему благочестивому желанію, назначилъ вмѣсто себя Пасхазина, епископа наиболѣе спокойной (отъ враговъ) провинціи (Лилибеи въ Сициліи), къ нему присоединяю еще пресвитера Бонифація, прежде посланныхъ: епископа Люценція, пресвитера Василия и Юліана, епископа (Косского). Предсѣдательствовать на соборѣ (synodo convenit praesidere) долженъ епископъ Пасхазинъ“. Во второмъ письмѣ (ХС) св. Левъ проситъ Маркіана не допускать разсужденій о вѣрѣ, какъ о чемъ-то сомнительномъ, требующемъ разсужденія. Нужно держаться Никейскаго Символа, удаляя всякія еретическія толкованія его.

24 іюня (одновременно съ LXXXIX письмомъ къ Маркіану) св. Левъ написалъ письмо (LXXVIII) къ Пасхазину. Къ этому письму приложилъ свое „догматическое посланіе“ къ св. Флавіану (Ер. XXVIII), подтвержденное свидѣтельствами святыхъ от-

цовъ церкви. Послѣ краткаго указанія въ чемъ состоитъ заблужденіе Евтихія, св. Левъ говоритъ, что его посланіе къ св. Флавіану подписано Константинопольскою и Антіохійскою церквами. Далѣе св. Левъ поручаетъ Пасхазину заняться вопросомъ о времени празднованія Пасхи на 455 годъ, въ виду разногласія въ этомъ Римской и Александрійской церквей.

26 іюня помѣнены, кромѣ письма ХС къ Маркіану, письма къ св. Анатолію (ХСІ), Юліану Косскому (ХСІІ) и посланіе собору (ХСІІІ). Въ письмѣ къ св. Анатолію св. Левъ выражаетъ удивленіе (mirati sumus) по поводу созванія собора въ такое тяжелое и при томъ въ столь короткое время. Св. Левъ жалуется, что такого короткаго времени не достанетъ даже для своевременной разсылки приглашеній къ епископамъ явиться въ назначенное мѣсто и „составить по истинѣ вселенскій соборъ“. Но не желая казаться противникомъ желанію императора, уступая желанію самаго Анатолія, онъ посылаетъ съ своей стороны легатовъ, которые замѣнятъ его на соборѣ.

Въ письмѣ къ Юліану св. Левъ уполномочиваетъ его быть легатомъ вмѣстѣ съ Пасхазиномъ, Люценціемъ и другими. Св. Левъ проситъ его помогать легатамъ своимъ совѣтомъ и знаніемъ всего, что происходитъ на востокѣ. Въ посланіи къ собору св. Левъ проситъ собравшихся отцевъ „отложить дерзость спорить противъ вѣры, отъ Бога намъ внушенной. Не слѣдуетъ защищать того, чему не должно вѣровать. (Что касается того, чему должно вѣровать), то это ясно и полно изложено въ посланіи, которое было послано къ блаженной памяти Флавіану. (Отсюда каждый можетъ узнать), каково должно быть благочестивое и искреннее исповѣданіе, относительно таинства воплощенія Господа нашего Иисуса Христа“. Далѣе св. Левъ проситъ „приложить врачевство справедливости“ къ тѣмъ ранамъ, которыя причинилъ церкви разбойничій соборъ. Въ заключеніи настаиваетъ на томъ, чтобы „постановленія перваго Ефесскаго собора... положенныя собственно противъ Несторія, должны оставаться, дабы осужденное въ ту пору нечестіе не льстило себя надеждою въ чемъ-либо, потому что Евтихій поражается справедливымъ отлученіемъ“.

Св. Левъ имѣлъ возможность до собора еще написать императору письмо (XCIV отъ 20 іюля 451 года), въ которомъ извѣщалъ его объ отплытіи своихъ легатовъ и еще разъ увѣщевалъ его не поднимать на соборѣ споровъ о вѣрѣ. „Вселенская вѣра“, писалъ св. Левъ, „имѣющая краугольнымъ камнемъ самого Господа Христа, долженствующая пребыть до скончанія вѣка, не должна казаться не твердой или сомнительной по милости пустаго и обманчиваго лукавства“.

Одну и ту же дату съ письмомъ къ Маркіану имѣетъ и письмо къ Пульхеріи XCV отъ 20 іюля 451 года. Въ этомъ письмѣ св. Левъ увѣдомляетъ ее объ отбытіи своихъ легатовъ на предназначенный въ Никеѣ соборъ; проситъ ее, чтобы на будущемъ соборѣ была полная справедливость и безпристрастіе, чего не было на соборѣ Ефесскомъ, гдѣ былъ „не судъ, а скорѣе разбой“ (non iudicio, sed latrocinio) ¹⁾. Св. Левъ убѣждаетъ ее не отказывать въ снисхожденіи къ обращающимся отъ ереси, если таковыми будутъ даже „виновники жесточайшихъ возмущеній“.

И. Дроздовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Лапсень (стр. 49) думаетъ, что эта фраза св. Льва, давшая названіе собору 449 года, была взята у Цицерона pro Rosc. Amer. c. 22 confitere huc ea spe venisse, quod putares hic latrocinium, non iudicium futurum.

СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЕНІЯ.

(Продолженіе *).

Халкидонскій соборъ.

Къ 1-му сентября 451 г., согласно императорскому указу, всѣ епископы собрались въ Никеѣ. Но императоръ не могъ явиться на соборъ: онъ былъ занятъ приготовленіями къ войнѣ съ Атилой, предводителемъ Гунновъ. Разбитый Аэціемъ на равнинахъ Шалона, Атила сталъ угрожать Риму и Константинополю. Нѣкоторые предлагали просить императора открыть соборъ безъ его присутствія, но этому воспротивились римскіе легаты. Они, согласно инструкціи св. Льва (до насъ не дошедшей), ставили присутствіе императора на соборѣ непременнымъ условіемъ и отказывались, въ противномъ случаѣ, принимать участіе въ засѣданіяхъ собора (Дѣян. III, 118). Тогда императоръ рѣшилъ перенести соборъ въ Халкидонъ, котораго отдѣляетъ отъ Константинополя только незначительный проливъ Босфоръ. Теперь императору удобно было слѣдить и за политическими и общественными дѣлами, не оставляя безъ вниманія и соборныхъ засѣданій. Соборъ открытъ былъ 8 октября 451 года.

Дѣятельность Халкидонскаго собора состояла: а) въ судѣ надъ Разбойничьимъ соборомъ и Діоскоромъ; б) въ составленіи вѣроопредѣленія; в) въ составленіи нѣсколькихъ дисциплинарныхъ правилъ.

* См. журн. „Вѣра и Разумъ“ № 16, за 1897 г.

Суду надъ Діоскоромъ и разбойничьимъ соборомъ было посвящено первое засѣданіе. При чтеніи актовъ разбойничьяго собора были вполне обнаружены тѣ насилія, какими было вынуждено Діоскоромъ у собравшихся епископовъ согласіе на подпись соборныхъ актовъ. „Намъ угрожала, говорили епископы, бывшіе въ этомъ соборѣ, ссылка; войны стояли съ палками и мечами и мы боялись палокъ и мечей. Гдѣ палки и мечи, какой тутъ соборъ? Воины низложили Флавіана и Евсеія болѣе, чѣмъ мы; что мы сдѣлали, то сдѣлали изъ за страха“ (Дѣян. III, 160).

Разбойничій соборъ былъ осужденъ, но епископы составлявшіе его не были лишены сана (Дѣян. III, 492 ср. 659). Всѣ низложенные на немъ были возстановлены въ санъ. Низложенію подпалъ только одинъ Діоскоръ. Кромѣ насилій, совершенныхъ надъ отцами собора, на него поданы были жалобы діаконами Александрійской церкви Θεодоромъ и Исхиріономъ и пресвитеромъ Аванасіемъ (племянникомъ св. Кирилла). Въ этихъ жалобахъ была обрисована личность Діоскора въ томъ видѣ, какъ представили мы выше.

Окончательное опредѣленіе о Діоскорѣ состоялось на 3-мъ засѣданіи. Его три раза приглашали для оправданія. Онъ отказался подъ разными ничтожными предлогами. Соборъ призналъ его „достойнымъ осужденія, положеннаго канонами противъ непокорливыхъ“. Діоскоръ былъ низложенъ и впоследствии сосланъ въ Пафлагонскій городъ Гангры (Евагр. 2, 5).

Соборъ былъ на столько занятъ личностью Діоскора и дѣяніями разбойничьяго собора, что оставилъ безъ вниманія Евтихію. О немъ почти не упоминается въ соборныхъ актахъ. Забыть его было не трудно. Послѣ Константинопольскаго собора онъ игралъ второстепенную роль даже на разбойничьемъ соборѣ.

Въ основу догматическаго опредѣленія было положено „догматическое посланіе“ св. Льва къ св. Флавіану. Впрочемъ не всѣ сразу согласились съ этимъ. Произошли довольно значительныя разногласія. Слѣдствіемъ ихъ было назначеніе 5-ти дневнаго срока, въ продолженіи котораго должно произойти убѣжденіе и вразумленіе сомнѣвающихся. Сомнѣвающіеся бы-

ли главнымъ образомъ епископы Илирійскіе, Палестинокіе и Египетскіе. Результатомъ 5-ти дневнаго срока было всеобщее согласіе съ посланіемъ св. Льва и единодушная подпись епископовъ. Исключеніе составили только египетскіе епископы, которые отказались подписать на томъ основаніи, что еще не избранъ преемникъ Діоскору. Они говорили, что безъ согласія архіепископа Александрійскаго обычай ихъ церкви не позволяетъ имъ нечего предпринимать; сами-же они согласны подписать посланіе. Просьба ихъ была уважена. Такимъ образомъ посланіе св. Льва было признано за норму, образецъ православнаго ученія о воплощеніи Сына Божія и соединеній въ Немъ двухъ естествъ: Божескаго и человѣческаго. По этой нормѣ нужно было составить формулу вѣроученія. Такая формула была составлена особой комиссіей. Содержаніе ея не извѣстно. Она не была внесена въ соборные акты, вѣроятно, вслѣдствіе возбужденныхъ ею разногласій и споровъ. Можно впрочемъ догадываться, на основаніи нѣкоторыхъ соображеній, что въ формулѣ говорилось о Христѣ, что Онъ состоитъ изъ *двухъ* естествъ, а не въ двухъ естествахъ. Выраженіе въ двухъ естествахъ многимъ казалось уступкой еutihianству. Выраженіе въ двухъ естествахъ было болѣе подходящимъ для выраженія православнаго ученія. Разногласія и споры были довольно значительны. Легаты хотѣли оставить соборъ, если епископы не согласятся съ посланіемъ св. Льва. Императоръ грозилъ распустить соборъ и назначить новый въ другомъ мѣстѣ. Чтобы примирить разногласія была назначена комиссія для исправленія формулы вѣроопредѣленія. Исправленная формула была слѣдующая: „послѣдую святымъ отцамъ, всѣ согласно поучаемъ исповѣдывать одного и того-же Сына, Господа Нашего Иисуса Христа, совершеннаго въ божествѣ и совершеннаго въ человѣчествѣ, истиннаго Бога и истиннаго человѣка, Того же изъ души разумной и тѣла, единосущнаго Отцу по божеству и Того-же единосущнаго намъ по человѣчеству, во всемъ подобнаго намъ, кромѣ грѣха, рожденнаго прежде вѣковъ отъ Отца по Божеству, а въ послѣдніе дни ради насъ и ради нашего спасенія отъ Маріи Дѣвы—Богородицы—по человѣчеству, одного и того-же Христа, Сына Божія въ двухъ есте-

ствахъ (ἐν δύο φύσεσι, по другимъ ἐκ δύο φύσεων во всѣхъ латинскихъ en duabus naturis) не слитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно познаваемаго,—такъ что соединеніемъ нисколько не нарушается различіе двухъ естествъ, но тѣмъ болѣе сохраняется свойство каждаго естества и соединяется въ одно Лицо и одну Упостась,—не на два разсѣкаемаго, или раздѣляемаго, но одного и того-же Сына, единороднаго Бога Слова, Господа Иисуса Христа, какъ въ древности пророки учили о Немъ и (какъ) Самъ Господь научилъ насъ и (какъ) предалъ намъ символъ отцовъ“. По прочтеніи этой формулы отцы собора воскликнули: „это вѣра отцевъ. Митрополиты пусть подпишутъ тотчасъ, пусть немедленно подпишутъ въ присутствіи самихъ сановниковъ; хорошо опредѣленное пусть не подвергается отсрочкѣ. Это вѣра апостоловъ, съ нею всѣ мы согласны; всѣ такъ мудствуемъ“. (Дѣян. IV, 108—110). О составившемся опредѣленіи было доложено императору.

На 4 Вселенскимъ соборѣ было составлено нѣсколько каноническихъ правилъ, между которыми самое замѣчательное 28 правило, утвержденное на 16 засѣданіи. Оно было направлено противъ все болѣе и болѣе возвышающагося вліянія римскаго епископа, и отчасти противъ каѳедры александрійской. Правило это слѣдующее: „слѣдую во всемъ опредѣленіямъ святыхъ отцовъ и признавая недавно прочитанный канонъ отъ пятидесяти боголюбивѣйшихъ епископовъ, собиравшихся при благочестивой памяти Θεодосіи Великомъ, бывшемъ императорѣ, въ царствующемъ (городѣ) Константинополѣ, Новомъ Римѣ, и мы опредѣляемъ и постановляемъ то же самое о преимуществахъ святѣйшей церкви сего Константинополя, Нового Рима, ибо и престолу древняго Рима отцы прилично дали преимущество, потому что онъ былъ царствующій городъ. Слѣдую тому же побужденію и сто пятьдесятъ благочестивѣйшихъ епископовъ представили равныя преимущества святѣйшему престолу Нового Рима, справедливо разсудивъ, чтобы городъ почтенный царскимъ правительствомъ, синклитомъ и имѣющій равныя преимущества съ древнимъ царственнымъ Римомъ, былъ возвеличенъ подобно ему, и въ церковныхъ дѣлахъ будучи вторымъ по немъ“. (Дѣян. IV, 358).

Римскіе легаты сильно протестовали противъ этого правила. Они говорили, что не уполномочены св. Львомъ принимать участіе въ чемъ-либо, кромѣ вѣры; указывали на то, что правило это было составлено въ ихъ отсутствіи; заподозрѣвали искренность и непринужденность подписей подъ этимъ правиломъ. Но, не смотря на всѣ протесты, правило это единодушно было утверждено всѣмъ соборомъ. „Это справедливое рѣшеніе“, говорили епископы, „всѣ мы говорили это; это всѣмъ угодно; мы всѣ такого мнѣнія“. Правило это легатами, все-таки, подписано не было.

Усилія св. Льва уничтожить силу 28 канона IV Вселенскаго собора.

Св. Левъ, такой строгій блюститель преимуществъ своей кафедры, не могъ, конечно, равнодушно отнестись къ 28-му канону. Практика римской церкви давно уже работала въ томъ направленіи, чтобы постепенно стать главой всей вселенской церкви. 28-й канонъ ставилъ сильное препятствіе этому стремленію римской церкви.

Отцы собора, конечно, очень хорошо знали, какъ отнесется св. Левъ къ этому канону; это для нихъ ясно было изъ сильныхъ протестовъ римскихъ легатовъ. Поэтому въ своемъ соборномъ посланіи (Ер. ХСVIII) къ св. Льву они всѣми силами старались смягчить св. Льва, сгладить то впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести на него 28-й канонъ. Въ этомъ посланіи отцы собора выражаютъ свою радость по поводу того, что они чрезъ св. Льва, какъ „началовождя въ добрѣ для (общей) пользы, показали чадамъ церкви наслѣдіе истинны“. Далѣе отцы говорятъ о дѣяніяхъ Діоскора, „который мыслящихъ до пастырски прогнать, а отъявленныхъ волковъ надъ овцами поставилъ, который простеръ свою ярость еще и на того, кому предоставлено отъ Спасителя храненіе вертограда и замышлялъ объ отлученіи того, кто старался объединить тѣло церкви“ (рѣчь о св. Львѣ). Діоскоръ отвергъ три законныхъ, сдѣланныхъ ему вызова на судъ собора. Вслѣдствіе этого отцы собора рѣшили снять съ этого дикаго звѣря (Пс. 79, 14) и волка пастырскую одежду, въ которую онъ былъ облеченъ, какъ

оказалось, только по внѣшнему виду“. „Вырвавши одинъ плевель“, продолжаютъ отцы собора, „мы наполнили всю вселенную чистою пшеницею“. Послѣ такого вступленія отцы собора увѣдомляютъ, что они, „для благочинія въ дѣлахъ и упроченія церковныхъ постановленій, опредѣлили и нѣчто другое, „будучи увѣрены“, что и св. Левъ, „узнавши, приметъ это и утвердитъ“. „Это нѣчто другое“ состоитъ въ томъ, что издавна имѣвшій силу обычай, котораго держалась святая Божія церковь Константинопольская, рукополагать митрополитовъ областей: Азіійской, Понтійской и Фракійской, отцы собора нынѣ утвердили соборнымъ опредѣленіемъ, не столько предоставляя что-либо константинопольскому престолу, сколько упрочивая благочиніе въ митрополіяхъ; такъ какъ часто по смерти епископовъ возникаетъ много волненій, когда клирики этихъ областей и міряне остаются безъ правителя и возмущаютъ церковный порядокъ... Занимавшіе мѣсто вашей святости, святѣйшіе епископы Пасхазинъ и Луценцій и съ ними боголюбивѣйшій пресвитерь Бонифацій, постарались было сильно противорѣчить такимъ опредѣленіямъ, конечно, желая, чтобы и это добро начиналось отъ вашей попечительности и чтобы исправленіе какъ вѣры, такъ и благочинія было приписано вамъ. Но мы, повинувся благочестивѣйшимъ и христолюбивѣйшимъ императорамъ, которымъ то пріятно, знаменитому сенату и всему, такъ сказать, царствующему (городу), признали благовременнымъ утвержденіе занимъ чести вселенскимъ соборомъ... А дабы вы знали, мы ничего не сдѣлали по угожденію или по враждѣ, но были направляемы божественнымъ внушеніемъ, мы сущность всего сдѣланнаго сообщили вамъ для нашего успокоенія и для утвержденія и согласія на сдѣланное“. Баллерини дѣлають догадку, что посланіе это составлено было св. Анатолиемъ (Migne LIV, 975). Если и не самъ св. Анатолій составлялъ его, то, какъ лицо болѣе всѣхъ заинтересованное въ этомъ, онъ, безъ сомнѣнія, употребилъ всѣ средства, чтобы письмо было составлено именно такъ, какъ было ему нужно. Его слишкомъ интересовало то, какъ отнесется св. Левъ къ этому канону. Были важныя причины, заставлявшія св. Анатолія такъ сильно стараться получить утвержденіе этого канона со стороны свят.

Льва. Западная церковь составляла почти цѣлую половину вселенской церкви. Несогласіе св. Льва вело за собой несогласіе всей западной церкви. Признание 28-го канона восточной церковью и отверженіе западной повело бы за собой раздвоеніе ихъ, которое могло неблагопріятно отразиться и на политическихъ отношеніяхъ восточной и западной имперій. Кромѣ того, этимъ обстоятельствомъ могли воспользоваться для своихъ цѣлей еретики, какъ это впоследствии и было. Такіе, приблизительно, причины заставляли св. Анатолія заискивать у св. Льва признанія 28 канона. Св. Анатолій не могъ поэтому удовольствоваться однимъ соборнымъ посланіемъ. Около мѣсяца спустя послѣ соборнаго посланія, онъ пишетъ св. Льву и лично отъ себя (Ер. СІ). Въ своемъ посланіи онъ удивляется ревности св. Льва къ благочестію, его заботѣ объ истинной вѣрѣ. Извѣщаетъ о низложеніи нечестиваго Діоскора, наполнившаго весь міръ бѣдами и несчастіемъ; о всеобщей подписи его догматическаго посланія къ св. Флавіану и составленіи на основаніи его соборнаго вѣроопредѣленія. Но такой соборъ, продолжаетъ св. Анатолій, долженъ былъ заняться безъ всякаго опущенія всѣмъ, что требовало исправленія. Съ этою цѣлью, по желанію императора, императрицы, судей, сената, константинопольскаго клира и народа, съ согласія всего собравшагося собора, рѣшено было сдѣлать „нѣкоторое прибавленіе къ чести“ каедръ константинопольской. Св. Анатолій ссылается, при этомъ, на „правило 150 отцевъ, собравшихся при Θεодосіи Великомъ“. (3 пр. 2 Всел. соб.). Подъ „прибавленіемъ къ чести“ константинопольской каедръ разумѣется 28-й канонъ, (причемъ передается и самое содержаніе его). Св. Анатолій выражаетъ надежду, что св. Левъ ничего не имѣетъ противъ этого канона; что его легаты протестовали противъ этого канона по невѣдѣнію его намѣреній“.

Въ этомъ же родѣ писалъ св. Льву и императоръ Маркіанъ (Ер. С отъ 18 дек. 451 г.). Извѣщая о результатахъ соборныхъ засѣданій, онъ говоритъ о 28-мъ канонѣ и проситъ св. Льва „удостоить его своимъ согласіемъ“.

Но эти письма не имѣли ни какого успѣха. Въ своихъ письмахъ: отъ 22 мая 451 года къ императору Маркіану (СІV),

св. Пульхеріи (CV), св. Анатолію (CVI), Юліану Косскому (CVII) онъ рѣшительно возстаетъ противъ 28-го канона. Въ письмѣ къ Маркіану св. Левъ горько жалуется на то, что счастливое окончаніе собора, водворившее миръ во всей церкви, было омрачено „духомъ честолюбія“. Св. Левъ прямо заявляетъ, что стремленіе св. Анатолія „не позволительно“. Поставленный еретиками и признанный епископомъ со стороны св. Льва болѣе по снисхожденію, чѣмъ по справедливости, св. Анатолій долженъ-бы былъ стараться болѣе о скромности, чѣмъ о неумѣренности своихъ притязаній. Онъ долженъ бы, продолжаетъ св. Левъ, довольствоваться тѣмъ, что „при помощи Божіей и вашего благочестія и моего согласія, получилъ епископство въ такомъ городѣ. Итакъ пусть онъ не унижаетъ (своимъ поведеніемъ) царскаго города, котораго нельзя сдѣлать апостольскимъ престоломъ, пусть не надѣется какимъ нибудь образомъ увеличиться (augeri) чрезъ нарушеніе привилегій другихъ. Установленные канонами св. отцовъ, утвержденныя опредѣленіями почтеннаго Никейскаго собора, привилегіи церковей не могутъ быть ниспровергнуты ни какимъ нечестіемъ, ихъ не можетъ измѣнить никакая новизна; такъ какъ мнѣ вѣрено соблюденіе (за канонами), то я буду виновенъ, если съ моего согласія (чего да не будетъ) будутъ нарушаться правила отцовъ, которыя были установлены для управленія всей церковью на Никейскомъ соборѣ, руководимомъ Духомъ Божіимъ и если у меня желанія одного брата будутъ имѣть большее значеніе, чѣмъ общая польза всей церкви. Дѣло (наблюденія за канонами) при помощи Христа мнѣ необходимо стараться непрестанно исполнять со всею справедливостью. Такъ какъ мнѣ извѣстно, что ваша славная милость заботится о церковномъ согласіи и изъясляетъ благочестивѣйшее согласіе на все, что касается мирнаго единства, то я всѣми силами прошу и умоляю отказать въ согласіи вашего благочестія на нечестивыя притязанія (ausus improbos), противныя христіанскому миру и единству и благоразумно воспрепятствовать (comprimatis) страсти (cupiditem) моего брата Анатолія, которая повредитъ ему, если будетъ упорствовать... Дѣйствуйте соотвѣтственно христіанской и царской чести такъ, чтобы означен-

ный епископъ повиновался отцамъ, заботился о мирѣ и не думалъ, что ему позволительно, вопреки постановленіямъ каноновъ, не имѣя ни какого предшествующаго примѣра, ставить епископа Антіохійской церкви. Мы допустили это изъ любви къ восстановленію вѣры и желанія мира. Итакъ, если онъ не желаетъ быть отсѣченнымъ отъ вселенской церкви, вслѣдствіе своихъ враждебныхъ миру стремленій, то пусть воздержится отъ нарушенія церковныхъ правилъ и избѣгаетъ непозволительныхъ выходокъ“.

Почти одно и то же писалъ св. Левъ и св. Пульхерій. Здѣсь мы находимъ одни и тѣ-же упреки въ отношеніи къ св. Анатолію, какіе мы уже узнали изъ письма къ Маркіану. Какъ и въ предъидущемъ письмѣ онъ жалуется на честолюбіе св. Анатолія, на нарушеніе имъ постановленій Никейскаго собора и правъ митрополитовъ тѣхъ провинцій, которыя со времени бывшаго собора (VI вселен.) подчинены его власти. „Чтобы нарушить“, продолжаетъ св. Левъ, „постановленія почтенныхъ отцовъ (Никейскаго собора), онъ выставляетъ согласіе (consensus) нѣкоторыхъ епископовъ, (разумѣется II Вселен. соборъ), которому такой (значительный) рядъ лѣтъ отказалъ въ дѣйствиіи. Теперь уже почти 60 (70!) лѣтъ со времени того согласія (епископовъ), въ которомъ ищеть себѣ помощи выше-упомянутый епископъ. Онъ желаетъ, чтобы ему принесло пользу то, чего не можетъ никто употребить для достиженія своихъ цѣлей, если-бы и осмѣлился пожелать этого“. Св. Левъ выражаетъ желаніе, чтобы св. Анатолій „оставилъ всякій духъ высокомерія и подражалъ вѣрѣ, умѣренности и смиренію своего предшественника Флавіана“. „Что касается согласія епископовъ на 28-й канонъ, то мы“, говоритъ св. Левъ, „объявляемъ его недѣйствительнымъ и уничтожаемъ властію блаженнаго апостола Петра“.

Но всего любопытнѣе его письмо къ самому св. Анатолію. Въ этомъ письмѣ св. Левъ выразилъ всѣ свои мысли и чувства по поводу „притязаній Анатолія“. Св. Левъ выражаетъ свою радость по поводу того, что св. Анатолій не раздѣляетъ заблужденій тѣхъ, которые его поставили Константинопольскимъ архіепископомъ, и обратился къ православному ученію. Но

надъ православнымъ человѣкомъ и, при томъ, епископомъ не должно имѣть силы ни заблужденіе, ни страсть. Особенно такой человѣкъ долженъ избѣгать высокомерія, въ которомъ начало всякаго преступленія, корень всякаго грѣха. Тотъ, къ кому овладѣваетъ страсть властительства, не умѣетъ воздержаться отъ запрещеннаго, и не довольствуется дозволеннымъ. Но, къ сожалѣнію, св. Анатолій не чуждъ этой страсти. Не говоря уже о не вполне законномъ своемъ посвященіи и вполне противозаконномъ поставленіи Антіохійскаго епископа, достаточно указать на его попытку разрушить постановленія Никейскихъ каноновъ. Св. Анатолій несправедливо думаетъ, будто теперь пришло удобное время для того, чтобы лишить Александрійскую кафедру привилегій второй по достоинству, Антіохійскую третью, а всѣхъ митрополитовъ константинопольскихъ провинцій ихъ правъ, преимуществъ и подчинить его суду. Это неслыханныя и небывалыя притязанія. Они довели св. Анатолія до того, что онъ для своихъ честолюбивыхъ цѣлей употребилъ св. соборъ, единственной цѣлю котораго было уничтоженіе ереси и утверженіе вселенской вѣры. Св. Анатолій, кажется, думаетъ, что для него служить оправданіемъ большое число бывшихъ на соборѣ епископовъ, согласившихся подписать 28-й канонъ. Но соборъ не долженъ льстить себя мыслью, что его составляло такое большое число членовъ, поэтому, не долженъ смѣть сравняться или поставить себя выше собора 318 епископовъ. Такое чрезмѣрное превозношеніе, которое употребляетъ для своихъ цѣлей соборъ, созванный по другимъ побужденіямъ и для другихъ цѣлей, грозитъ возмущеніемъ всей церкви. Справедливо, поэтому, протестовали его легаты. Тотъ упрекъ, который дѣлаетъ имъ св. Анатолій въ письмѣ къ нему, возвышаетъ ихъ въ его глазахъ и уничтожаетъ самаго Анатолія, не желавшаго имъ повиноваться. Съ своей стороны онъ никогда не одобритъ постыдной страсти, и всегда станетъ на сторону тѣхъ, которые не знаютъ высокомерія, а любятъ смиреніе. Святые и почтенные отцы, собравшіеся въ Никее для обсужденія нечестія Арія, постановили правила, которыя имѣютъ силу какъ въ Римѣ, такъ и во всемъ мірѣ и пребудутъ до скончанія его. Все противное этимъ правиламъ должно немедленно отвер-

гнуть. Не должно измѣнять ради частной выгоды того, что постановлено для всеобщаго блага. Итакъ, пусть Анатолий не гордится, но боится (Рим. XI, 20), пусть онъ перестанетъ беспокоить благочестивѣйшіе умы христіанскихъ властителей своими неприличными просьбами. Очень много помогаетъ св. Анатолю его ссылка на опредѣленіе собора (*conscriptio*) въ которыхъ епископовъ, бывшаго 60 (70?) лѣтъ тому назадъ. Это опредѣленіе не было сообщено предшественниками Анатолия апостольскому престолу и съ самаго начала до сихъ поръ не имѣло ни какого значенія, пока онъ не вздумалъ воспользоваться имъ. Итакъ не должно нарушать правъ провинціальнаго приматства (*non convellantur provincialium iura primatum*—т. е. ексархаты: Понтъ и др. не должны быть подчинены Константинополю). Митрополитовъ не должно лишать правъ, утвержденныхъ за ними древними постановленіями (здѣсь разумѣется постановленіе, чтобы епископы были посвящаемы не митрополитами, а константинопольскимъ архіепископомъ). Александрійскую кафедру не слѣдуетъ лишать той чести, которой она заслужила, благодаря евангелисту Марку, ученику блаженнаго Петра. Нечестіе Диоскура ни сколько не умаляетъ достоинства занимаемой имъ кафедры. Пусть сохранитъ свое прежнее третье мѣсто и Антиохійская церковь, въ которой проповѣдывалъ блаженный апостолъ Петръ, гдѣ въ первый разъ возникло самое имя: христіане“.

„Я написалъ все это“, заключаетъ св. Левъ свое посланіе, „съ цѣлію убѣдить тебя, чтобы ты оставилъ честолюбивое желаніе, и болѣе возгрѣвалъ духъ любви и украшалъ себя, согласно апостольскому ученію, ея добродѣтелями. Она, какъ извѣстно, долготерпитъ, милосердствуетъ... не превозносится, не гордится... не ищетъ своего (1 Коринѣ. XIII, 4). Если любовь не ищетъ своего, то какъ грѣшитъ тотъ, кто желаетъ чужаго! Я желаю, чтобы ты впередъ воздерживался отъ этого и помнилъ изреченіе: держи, что имѣешь, дабы кто другой не восхитилъ твоего вѣнца (Апок. III, 11). Если все—таки ты будешь добиваться не дозволеннаго, то ты своимъ дѣломъ произносишь надъ собой приговоръ и лишаешь себя мира вселенской церкви“.

Не мало опечалило св. Льва письмо (не дошедшее до насъ) Юліана Коссаго, въ которомъ онъ сталъ на сторону св. Анатолия. Въ отвѣтномъ своемъ письмѣ (CVII см. выше) св. Левъ упрекаетъ Юліана за его сочувствіе къ св. Анатолю и проситъ его болѣе не ходатайствовать предъ нимъ въ пользу частнаго лица, и въ ущербъ вселенской церкви.

Возникшими непріятностями между Константинополемъ и Римомъ воспользовались евтихіане. Распространился слухъ, что римскій папа не соглашается съ тѣмъ, что постановлено на Халкидонскомъ соборѣ. Этотъ слухъ производилъ между евтихіанами волненіе. Онъ давалъ имъ надежду возвратитъ утраченное господство надъ православіемъ. Это побудило Маркіана написать св. Льву письмо (CX отъ 15 февраля 453 года) съ просьбою извѣстить о своемъ согласіи съ постановленіями Халкидонскаго собора. Маркіанъ высказываетъ чрезвычайное удивленіе (*Θαυμάζομεν τὰ μάλιστα*) по поводу молчанія св. Льва и говоритъ, что этимъ молчаніемъ пользуются еретики, которые думаютъ, что св. Левъ думаетъ иначе, чѣмъ постановлено соборомъ.

О возникшихъ евтихіанскихъ волненіяхъ св. Левъ уже имѣлъ свѣдѣнія изъ сообщенія Юліана Коссаго (письмо это не дошло до насъ). Но онъ не зналъ, что одна изъ причинъ способствующихъ волненію еретиковъ, состоитъ въ его продолжительномъ молчаніи относительно только что бывшаго Халкидонскаго собора (Ер. CXIII, 3). Это и было причиной почему св. Левъ ни чего не предпринялъ тотчасъ по полученіи письма отъ Юліана. Между тѣмъ неудовольствіе между св. Львомъ и св. Анатолиемъ увеличилось еще болѣе. Св. Анатолий, вѣроятно вслѣдствіе какихъ—нибудь непріятностей, удаленъ отъ должности архидіакона Аэція, назначивъ его, подъ предлогомъ повышенія, пресвитеромъ въ одинъ изъ отдаленныхъ отъ города приходоу. На мѣсто его назначенъ былъ діаконъ Андрей. Аэцій обратился съ жалобой къ св. Льву. Св. Льва очень опечалило это обстоятельство. Аэцій былъ извѣстенъ какъ защитникъ православія; Андрей, напротивъ, прежде былъ лишенъ сана за приверженность къ Евтихію и Диоскору. Поступокъ св. Анатолия съ Аэціемъ возбудилъ во

св. Левъ подозрѣніе въ неискренности его православія. Все это побудило св. Льва написать къ Маркіану и св. Пульхеріи (СХ и СХІ отъ 10 марта 453 года). Изложивъ ходъ дѣла Авція, онъ проситъ ихъ сдѣлать внушеніе (insurgere) неблагоприятному Константинопольскому епископу, чтобы „онъ пересталъ преслѣдовать православныхъ, пересталъ затирать (conterere) угодныхъ блаженной памяти Флавіану и предпочитать общество имъ осужденныхъ“. Св. Левъ проситъ при этомъ „благоволенія“ царской четы къ Юліану Косскому, котораго „онъ сдѣлалъ своимъ викаріемъ противъ еретиковъ“ того времени.

Вмѣстѣ съ письмами къ Маркіану и Пульхеріи св. Левъ послалъ письмо и къ Юліану Косскому (Ер. СХІІ отъ 11 марта 453 года). Письмо къ нему любопытно въ томъ отношеніи, что въ немъ св. Левъ вполне откровенно выражаетъ свой взглядъ на св. Анатолія. Св. Левъ выражаетъ полное убѣжденіе въ томъ, что „въ константинопольскомъ епископѣ нѣтъ православнаго духа (catholicus vigor non est), что онъ болѣе заботится о почтеніи къ себѣ, чѣмъ о тайнствѣ „человѣческаго спасенія“. Въ виду этого, св. Левъ поручаетъ Юліану „неустанно смотрѣть за всѣмъ, что происходитъ въ Константинополь, особенно за тѣмъ, чтобы на православные догматы не возставала нечестивая толпа несторіанъ или евтихіанъ“. О всемъ этомъ онъ долженъ сообщать немедленно въ Римъ. Въ случаѣ надобности онъ можетъ обратиться за помощью къ императору. Въ заключеніе св. Левъ поручаетъ Юліану перевести акты Халкидонскаго собора и подробнѣе написать о волненіяхъ, производимыхъ монахами въ Палестинѣ и Египтѣ.

Въ это время св. Левъ получилъ извѣстное намъ письмо отъ императора Маркіана (Ер. С) съ просьбой объ утвержденіи актовъ Халкидонскаго собора. Тотчасъ послѣ полученія этого письма (21 марта 453 года) св. Левъ обнародовалъ свое „посланіе къ епископамъ, которые собрались на святомъ Халкидонскомъ соборѣ“. „Не сомнѣваюсь“, говорилось здѣсь, „что все ваше братство знаетъ, что опредѣленія святаго собора, который собирался для утвержденія вѣры въ Халкидонѣ, я принялъ всѣмъ сердцемъ; потому что не было ни какого осно-

ванія, чтобы я, который скорбѣлъ о томъ, что единство католической вѣры нарушено еретиками, восторженно не обрадовался, что она снова возвращена къ неповрежденности... Итакъ, если кто осмѣлится держаться зловѣрія Несторія или защищать нечестивое ученіе Евтихія или Діоскора, то пусть отсѣчется отъ общенія православныхъ и не приобщается того тѣла, истинность котораго онъ отрицаетъ. Я напоминаю также вашей святости и относительно сохраненія постановленій святыхъ отцовъ, которыя на Никейскомъ соборѣ утверждены непреложными опредѣленіями, чтобы права церкви пребывали такъ, какъ они опредѣлены тѣми богодухновенными 318 отцами. Пусть безчестное домогательство не желаетъ ни чего чужого и пусть ни кто не ищетъ себѣ прибытка чрезъ лишеніе другого.... Ваша святость изъ чтенія моихъ посланій можетъ узнать, что апостольскій престоль благоговѣнно пользуется ихъ правилами и что я, при помощи Господа нашего, пребываю стражемъ какъ католической вѣры, такъ и отеческихъ преданій“¹⁾.

Вмѣстѣ съ этимъ окружнымъ посланіемъ св. Левъ написалъ Маркіану (Ер. СХV—отъ 21 марта 453 г.), св. Пульхеріи (Ер. ХVІ дата таже) и Юліану Косскому (Ер. СХVІІ—дата таже).

Св. Левъ проситъ Маркіана и св. Пульхерію обнародовать посылаемое вмѣстѣ съ этими письмами посланіе объ утвержденіи соборныхъ актовъ. При этомъ св. Левъ прибавляетъ, что онъ давно уже послалъ по этому поводу письмо къ св. Анатолію (СVІ), изъ котораго было ясно, что онъ вполне одобряетъ то, что было постановлено о вѣрѣ на Халкидонскомъ соборѣ. „Но такъ какъ“, говоритъ св. Левъ, „я порицалъ въ томъ письмѣ худыя дѣла, которыя были предприняты при помощи собора, то упомянутый предстоятель предпочтетъ умолчать о моемъ привѣтствіи (вѣроопредѣленія), чтобы не обнаружить своихъ присковъ“.

¹⁾ Это посланіе подписывается: „къ епископамъ, которые собирались на святомъ Халкидонскомъ соборѣ“. На этомъ основаніи Schöckh, (XVIII, 36 и 37) полагаетъ, что оно было прочитано на Халкидонскомъ соборѣ съ опущеніемъ относящагося къ св. Анатолію. Но на основаніи текста самаго письма Hefele (II, 450) и Валеріни (Migne LIV, 1027) съ большою основательностію полагаютъ, что оно было написано послѣ Халкидонскаго собора.

Юліана св. Левъ также увѣдомляетъ о своемъ согласіи съ опредѣленіями собора противъ тѣхъ, „которые считали ихъ не твердыми или сомнительными вслѣдствіе того, что онъ не давалъ на нихъ ни какого согласія“. Кроме этого, св. Левъ проситъ пока ничего не предпринимать относительно Аэція, „чтобы не выходить изъ предѣловъ умѣренности“; сообщаетъ объ извѣстіи Фессалоникійскаго митрополита, что Анатолій „дошелъ въ своихъ притязаніяхъ до такого безразсудства, что склонялся къ подписи (28 канона) Илирійскихъ епископовъ“.

Св. Левъ не ограничился перепиской съ однимъ Константинополемъ. О „притязаніяхъ св. Анатолія“ онъ писалъ и другимъ восточнымъ епископамъ: Максиму Ангіохійскому (СХІХ отъ 11 іюня 453 года) и св. Протерію Александрійскому (Ер. СХХІХ отъ 10 марта 454 г.). Въ своихъ письмахъ къ нимъ св. Левъ убѣждаетъ ихъ заботиться о сохраненіи привилегій и правъ своихъ кафедръ „противъ безчестнаго честолюбія нѣкоторыхъ“ (*improbi quorundam ambitioni*).

Между тѣмъ посланіе св. Льва „къ епископамъ бывшимъ на Халкидонскомъ соборѣ“ было прочтано на помѣстномъ Константинопольскомъ соборѣ, но не все, а только первая половина. Вторая половина, въ которой отвергается 28-й канонъ, не была прочтана вовсе“. Св. Левъ былъ крайне удивленъ этимъ обстоятельствомъ (Ер. СХХVII, 3). Все это показывало, что св. Анатолій мало обращалъ вниманія на требованія св. Льва. Вслѣдствіе этого св. Левъ рѣшилъ прекратить съ нимъ переписку и вообще всякія сношенія до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ его требованій. Въ этомъ смыслѣ писалъ св. Левъ императору Маркіану (Ер. СХХVIII отъ 9 марта 454 года); въ отвѣтъ на его письмо, — въ которомъ тотъ просилъ „возвратить (св. Анатолію) съ братскою любовію (прежнее) благорасположеніе своей души“. Св. Левъ писалъ, что онъ тогда только возобновитъ сношенія съ св. Анатоліемъ, когда тотъ подчинится канонамъ, будетъ жить въ любви и смиреніи со всѣми священниками и оставитъ постыдное честолюбіе“.

Прекращеніе всякихъ сношеній, полный разрывъ св. Льва съ св. Анатоліемъ не могъ не беспокоить какъ этого послѣд-

няго, такъ и императора Маркіана. Въ это время волненія, производимыя монахами, принимали грозныя размѣры. Единеніе было необходимо. Все это побудило Анатолія (конечно не безъ сильнаго давленія со стороны императора) по крайней мѣрѣ формально, на бумагѣ, сдѣлать уступку св. Льву. Онъ написалъ св. Льву письмо (СХХХII около апрѣля 454 г.). Въ немъ св. Анатолій жаловался „на произшедшій перерывъ въ перепискѣ, причинившій ему не малую скорбь. Между тѣмъ онъ всегда желалъ какъ можно чаще бесѣдовать со св. Львомъ и послушно исполнять то, что нравится его совершеннѣйшимъ чувствамъ“.

Вслѣдъ за тѣмъ Анатолій сообщаетъ, что Аэцій возстановленъ въ прежней должности, а Андрей отлученъ отъ церкви. „Что касается до того“, продолжаетъ св. Анатолій, „что постановлено относительно Константинопольской кафедрѣ на недавно бывшемъ въ Халкидонѣ вселенскомъ соборѣ, то да будетъ извѣстно вашему блаженству, что моею вины тутъ нѣтъ никакой. Я человѣкъ — живущій въ смиреніи и отъ юности возлюбившій миръ и покой. Въ этомъ виноватъ почтеннѣйшій клиръ Константинопольской церкви, взявшій на себя заботу объ этомъ, и тѣ изъ благочестивѣйшихъ епископовъ, которые были согласны на это и помогли имъ въ этомъ дѣлѣ. Утвержденіе и приведеніе въ силу соборныхъ постановленій принадлежитъ власти вашего блаженства (*cum et sic gestorum vis omnis et confirmatio auctoritati vestrae beneditudinis fuerit reservata*)“.

Св. Левъ не замедлилъ отвѣтомъ на это письмо св. Анатолія (Ер. СХХХV отъ 29 мая 454 года). Онъ выражаетъ свое удовольствіе по поводу возвращенія на прежнее мѣсто Аэція и отлученія отъ церкви Андрея. Впрочемъ, если Андрей и еще Ефратъ, который, какъ это узналъ недавно св. Левъ, былъ нечестивымъ обвинителемъ св. Флавіана, покаются и осудятъ свои заблужденія, то имъ нужно оказать снисхожденіе. Ихъ можно поставить пресвитерами, чтобы „они чувствовали пользу отъ лекарства вселенской вѣры“. Далѣе св. Левъ говоритъ, что Анатолій поступилъ-бы гораздо лучше, если-бы не слагалъ на одинъ клиръ того, чего не могло сдѣлаться безъ его участія. Наконецъ св. Левъ увѣщаетъ Анатолія быть въ

мирѣ съ его викаріемъ Юліаномъ Косскимъ и соблюдать каноны Никейскаго собора.

Одновременно св. Левъ написалъ и Маркіану (Ер. СXXXVI отъ 29 мая 454 года). Онъ выражаетъ ему благодарность за его содѣйствіе къ восстановленію мирныхъ отношеній между нимъ и св. Анатолиемъ; извѣщаетъ, что онъ получилъ отъ св. Анатолія письмо, въ которомъ этотъ послѣдній старается оправдать себя отъ обвиненія въ честолюбіи и слагаетъ вину на другихъ; что онъ вступилъ въ общеніе съ нимъ, конечно, подѣтѣмъ условіемъ, если онъ не будетъ переступать границъ церковныхъ канонѣвъ, а постоянно станетъ заботиться о своей паствѣ и мирѣ вселенской церкви.

Этимъ кончаются препирательства Рима съ Константинополемъ по поводу 28 канона.

Не смотря на протесты какъ св. Льва, такъ и послѣдующихъ папъ, 28-й канонъ былъ утвержденъ на Трулльскомъ соборѣ (пр. 36). Римъ этому не противорѣчилъ (Hefele II, 544).

И. Дроздовъ.

(Продолженіе будетъ).

СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЕНІЯ.

(Продолженіе *).

Реакція противъ Халкидонскаго собора.

а) Волненіе въ Палестинѣ.

Халкидонскій соборъ восторжествовалъ надъ монофизитствомъ. Его вѣроопредѣленіе показало, въ чемъ заключается отличие православія отъ этой ереси. Но монофизитство было еще сильно. Свою силу оно вполне показало въ волненіяхъ, направленныхъ противъ православія, особенно сильныхъ въ Палестинѣ и Египтѣ.

Еще до окончанія 4-го Вселенскаго собора многіе изъ монаховъ, бывшихъ на соборѣ, ушли въ Палестину и начали проповѣдывать здѣсь о погибели истины и торжествѣ нечестиваго несторіанства. Ихъ проповѣдь нашла себѣ вполне благопріятную почву. Палестинскіе монахи были склонны къ монофизитству; они охотно приняли вѣроопредѣленіе разбойничьяго собора¹⁾. Діоскора они считали поборникомъ православія противъ несторіанства. И вотъ разносится слухъ, что эти поборники православія объявлены еретиками. Очевидно, думали монахи, что императоръ и руководители собора заражены нечестіемъ Несторія, почему нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что ересь взяла перевѣсъ надъ православіемъ. Между монахами, распространявшими такіе слухи, особенно выдавался Θεодосій.

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“ № 15, за 1897 г.

1) Замѣчательно, при этомъ, то, что они анафематствовали Евтихія (Д. IV, 419).

Это былъ фанатикъ, человекъ крайне безпокойный, неуживчивый. Онъ былъ выгнанъ изъ Палестины за диффамацию своего епископа. Онъ удалился въ Египетъ и здѣсь вздумалъ было напасть на Діоскора. Но тотъ, по свидѣтельству Евагрія (11, 5), приказалъ „его высѣчь, какъ мятежника, и возить по городу на верблюдѣ, какъ злодѣя“. Главными приверженцами Θεодосія сдѣлались монахи. Съ этими монахами Θεодосій напалъ на Иерусалимъ „производя пожары домовъ, убійства почтенныхъ мужей, освобожденіе уличенныхъ въ крайнихъ преступленіяхъ“. „Вопреки всѣмъ канонамъ онъ присвоилъ себѣ утверженіе въ епископствѣ—тогда какъ святѣйшій Ювеналій оставался и жилъ въ городѣ—нарушая и возмущая вмѣстѣ божескія и человѣческія права. Идя по пути къ худшему... онъ приказывалъ въ однихъ церквахъ умерщвлять епископовъ, а въ другихъ рукополагать кого захотѣлъ. Епископы, поставленные по канонамъ, были лишены священства и стоняемы съ престоловъ. Св. Ювеналія онъ старался убить чрезъ подосланную чернь. Вмѣсто него былъ нечестиво умерщвленъ Северіанъ еп. Скиеопольскій... Θεодосій осмѣливался и на гнуснѣйшія этихъ дѣла“. (Д. IV, 411—12). Успѣху этихъ дѣяній Θεодосія не мало способствовало то обстоятельство, что его сторону приняла вдовствующая императрица Евдоксія, которая по смерти своего супруга Θεодосія II, поселилась въ Иерусалимѣ. Этому способствовало и то, что въ Иерусалимѣ не было въ то время гарнизона. Управитель провинці Дороеей въ это время былъ въ походѣ противъ варваровъ. Когда онъ возвратился, ворота предъ нимъ были заперты. Онъ былъ впущенъ въ городъ подъ условіемъ сохраненія того, что постановлено „соборомъ монаховъ и народомъ іерусалимскимъ“ (Niseph. 15, 9). Дороеей, не желая кровопролитія, согласился. Занявъ мятежный городъ, онъ тотчасъ извѣстилъ обо всемъ Маркіана. Почти одновременно съ Дороеемъ послалъ свое донесеніе св. Ювеналій. Монахи съ своей стороны послали просьбу къ св. Пульхеріи, въ которой жаловались на дурное обращеніе съ ними Дороеея, на превращеніе монастырей въ казармы, святыхъ мѣсть въ конюшни и заявляли, что они не могутъ признать собора, который заставляетъ вѣрить, что есть два Христа, два сына, два

лица въ божественномъ Словѣ. (Thierry 420—1). Въ отвѣтъ на это монахи получили грамоту отъ императора. Въ ней говорилось: „Наше величество, прочитавъ прошенія, которыя вы прислали къ благочестивѣйшей и священнѣйшей государынѣ, супругѣ нашего смиренія, самымъ дѣломъ убѣдилось, что вы не моленіе о помилованіи прислали, а подъ видомъ просьбы обнаружили ваше нечестивое намѣреніе, противное и божескимъ законамъ, и римскому государству“. Далѣе говорится о томъ, что изложено нами выше. Въ заключеніи императоръ излагаетъ православное ученіе о соединеніи двухъ естествъ, заявляетъ, что Онъ „негодуетъ“ на Дороеея за причиненныя монахамъ безпокойства и приказываетъ ему оставить ихъ (Д. VI, 417). Слухи о возмущеніяхъ монаховъ дошли и до св. Льва; но они были чрезвычайно неопредѣленны, не ясны. „Я не знаю, писалъ онъ Юліану Косскому (Ер. СХІІІ, 3), по какой причинѣ (quo animo) волнуются палестинскіе монахи. Не знаю, служатъ-ли они развращенію Евтихія или скорбятъ о томъ, что ихъ епископъ могъ прежде впасть въ нечестіе. Я желаю объ этомъ знать полнѣе, чтобы позаботиться о соотвѣтствующемъ исправленіи такихъ (безпорядковъ): не одно и то же нечестиво, вооружаться противъ вѣры и слишкомъ неумѣренно волноваться за нее“. Вскорѣ св. Левъ получилъ извѣстіе о томъ, что императоромъ приняты всѣ мѣры къ подавленію возстанія монаховъ. Св. Левъ по этому поводу благодаритъ Маркіана (Ер. СХV) и св. Пульхерію (Ер. СХVІ) за ихъ ревность къ вѣрѣ. Въ письмѣ къ Юліану Косскому (СХVІІ), написанномъ одновременно съ письмомъ къ Маркіану и Пульхеріи (21 марта 453), св. Левъ говоритъ о своемъ посланіи съ монахомъ и между прочимъ о томъ, что онъ исполнилъ секретное (secretius) повелѣніе императора „относительно увѣщанія всемилостивѣйшей Августы Евдоксіи“. До насъ не дошло это посланіе св. Льва. Но содержаніе его извѣстно изъ словъ самого св. Льва (СХVІІ, 3). „Я сдѣлалъ, говоритъ онъ, согласно желанію (императора), все, чтобы она (Евдоксія) изъ моего письма узнала то, какъ плодотворно будетъ для нея, если она будетъ благоволить вселенской вѣрѣ; я употребилъ все, чтобы она приняла во вниманіе письмо объ этомъ нашего сына, милостивѣйшаго императора. Я не сомнѣваюсь, что она употребитъ свое благочестивое усердіе

на то, чтобы виновники возстаній узнали ея исповѣданіе и убоились, по крайней мѣрѣ, власти наказывающихъ, если не понимаютъ проповѣди учащихъ". Но это письмо не произвело никакого дѣйствія на Евдоксію. По крайней мѣрѣ, св. Левъ принужденъ былъ еще написать Евдоксію по этому поводу (Ер. СХХІІІ отъ 15 іюня 453). Онъ вторично просилъ ее отнять у еретическаго развращенія всякую самоувѣренность, это принесетъ пользу и церкви, и человѣческому роду. Если монахи пожелаютъ опять возвратиться въ лоно церкви, то они должны подчиниться опредѣленіямъ Халкидонскаго собора, отвергнуть развращенныя заблужденія, безразсудно принятыя ими, покаяться въ нечестивыхъ хулахъ и кровавыхъ преступленіяхъ. Въ заключеніи св. Левъ проситъ Евдоксію извѣстить о результатахъ, какія произведетъ ея увѣщаніе на монаховъ. Св. Левъ писалъ письмо и мятежнымъ монахамъ. (Ер. СХХІV въ іюнѣ 453 г.). Въ виду того, что между ними ходило испорченное въ несторіанскомъ духѣ письмо къ св. Флавіану, св. Левъ счелъ нужнымъ снова изложить въ письмѣ къ монахамъ православное ученіе о соединеніи естествъ въ Іисусѣ Христѣ противъ Несторія и Евтихія. Въ заключеніи письма св. Левъ увѣщаетъ монаховъ оставить безпорядки, не забывать апостоловъ и пророковъ, не забывать символа спасенія и исповѣданія, даннаго при крещеніи въ присутствіи многихъ свидѣтелей и не подпадать діавольскимъ насмѣшкамъ и внушеніямъ.

Это посланіе св. Льва имѣло то значеніе, что оно отняло у мятежниковъ право обвинять въ несторіанствѣ ученіе св. Льва и Халкидонскій соборъ, утвердившій его. Но на уменьшеніе волненія оно произвело вліянія очень мало. Потребовались сильныя мѣры свѣтской власти, чтобы утишить его. Императоръ приказалъ схватить Θεодосіа, на какомъ-бы мѣстѣ его ни застали. Θεодосій во время узналъ объ этомъ и скрылся на Синаѣ, причемъ старался и не безъ успѣха возмутить здѣшнихъ монаховъ (Д. IV, 413). Возмущеніе въ Палестинѣ вскорѣ утихло. Св. Ювеналій (къ концу 453 г.) возвратился на свою катедру. Св. Левъ послалъ по этому поводу письмо къ императору, въ которомъ благодаритъ его за оказанную церкви услугу (Ер. СХХVІ отъ 9 января 454 г.). При этомъ св. Левъ проситъ его непрестанно заботиться объ исправленіи всякаго

безпорядка, и о водвореніи мира и согласія. Св. Левъ написалъ также письмо къ св. Ювеналію Іерусалимскому (Ер. СХХХІХ отъ 4 сент. 454 г.), гдѣ выражаетъ свою радость по поводу возвращенія св. Ювеналія на Іерусалимскую катедру и упрекаетъ его въ томъ, что онъ, благодаря прежней своей приверженности къ еutihianству, не могъ въ силу этого содѣйствовать усмиренію возмущившихся монаховъ. Приверженность его къ еutihianству для него, Льва, тѣмъ болѣе удивительна, что св. Ювеналій живетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ „христіанинъ научается познанію христіанской добродѣтели не только страницами изреченій, но и свидѣтельствомъ самыхъ мѣстъ“. Въ заключеніе св. Левъ излагаетъ на основаніи Ветхаго и Новаго завѣта ученіе о соединеніи естествъ въ Іисусѣ Христѣ.

б) Волненія въ Египтѣ.

Въ Египтѣ еutihianскія волненія приняли большіе размѣры, чѣмъ въ Палестинѣ и результаты ихъ были плачевныя. Кончились они основаніемъ особой, монофизитской церкви.

Волненія начались здѣсь, какъ и въ Палестинѣ, тотчасъ послѣ Халкидонскаго собора. Какъ и въ Палестинѣ, здѣсь распространился слухъ, будто на Халкидонскомъ соборѣ введено новое ученіе. Слухъ этотъ быстро разнесся между египетскими монахами и нашелъ для себя въ нихъ благопріятную почву. Но особенно ярыхъ приверженцевъ нашелъ онъ въ монахахъ и черни Александріи. „Чернь эта, по свидѣтельству Евагрія (II, 5), была многочисленна, состояла изъ людей грубыхъ и разноплеменныхъ, дерзкихъ и склонныхъ къ порывамъ. Всякій желающій, ухватившись за малѣйшій случай, могъ возбудить этотъ городъ къ народному возстанію, вести его и двинуть куда угодно“. Этой черни принадлежитъ выдающееся мѣсто въ монофизитскихъ волненіяхъ Египта. Въ вожакахъ этихъ волненій, какъ мы увидимъ впоследствии, не было недостатка.

Въ первый разъ волненія обнаружилась по случаю поставленія православнаго Патріарха св. Протерія на мѣсто низложеннаго Діоскора. Многіе не хотѣли признать св. Протерія законнымъ патріархомъ, и считали таковымъ Діоскора. Началось волненіе. Для усмиренія его былъ посланъ отрядъ солдатъ. Толпа оказалась сильнѣе; солдаты принуждены были спастись отъ нея въ бывшемъ храмѣ Сераписа. Храмъ этотъ былъ

подожжены и солдаты всё сгорѣли живыми. Для усмиренія Александріи былъ посланъ императоромъ отрядъ войка, состоящій изъ 2000 человекъ. Но этотъ отрядъ своими насиліями надъ жителями Александріи еще болѣе увеличилъ волненіе. Только мѣрами кротости на время удалось утишить возстаніе. Но не смотря на то, что возстаніе прекратилось, Протерій не чувствовалъ себя вполне безопаснымъ. Его жизни постоянно угрожала опасность со стороны еutihianъ. „Префектъ далъ ему стражу и второй патріархъ Востока совершалъ священнодѣйствія подъ охраною солдатъ, очень часто среди арианъ или язычниковъ“ (Ев. II, 5, Liber. XV Thierry 409).

Услыхавъ о волненіяхъ въ Палестинѣ, св. Левъ предчувствовалъ, что подобное будетъ и въ Египтѣ. Еще прежде чѣмъ дошло какое либо извѣстіе о волненіяхъ въ Египтѣ, онъ спрашивалъ Юліана Коссаго: „Я желаю знать, насколько спокойны египетскіе монахи, какой они вѣры, а также о томъ, что доносится до васъ изъ вѣрныхъ источниковъ о мирѣ Александрійской церкви“ (Ер. СХІІІ, 3). Узнавши о всѣхъ вышеизложенныхъ событіяхъ Александріи, св. Левъ побуждаетъ Юліана (Ер. СХVІІ) ходатайствовать предъ императоромъ о томъ, чтобы „онъ ихъ усмирилъ надлежащимъ образомъ, чтобы не остались безъ наказанія ни тѣ, чья рука совершила преступленія, ни тѣ, которые пользуются ихъ неистовствомъ“. Св. Левъ просилъ объ этомъ и самого Маркіана. Онъ писалъ ему (Ер. СХХVІ 9 янв. 454 г.): „въ Египтѣ еще не разсѣялся прежній мракъ и еще не возблисталъ свѣтъ истины. И такъ пусть Египетъ не отягощается заразой нечестиваго Діоскора; пусть Господній овцы не любятъ неблагоразумной страстью какъ пастыря того, кто былъ для нихъ, какъ это они испытали, жесточайшимъ опустошителемъ вѣры и нравовъ“.

Но между печальными извѣстіями изъ Египта были и радостныя. Св. Левъ получилъ отъ Александрійскаго епископа св. Протерія общительное посланіе, въ которомъ онъ показалъ себя вполне православнымъ (Ер. СХХVІІ). Въ отвѣтъ на посланіе св. Протерія, св. Левъ писалъ ему (Ер. СХХІХ отъ 10 марта 454 г.): „Меня обрадовало посланіе твоей любви“.... Предстоятелю Александрійской церкви слѣдовало, по нему, послать къ апостольской кафедрѣ такое посланіе для доказательства

того, что Египтяне подъ руководствомъ блаженнѣйшаго апостола Петра научены его ученикомъ блаженнымъ Маркомъ тому, чему, какъ извѣстно, вѣруютъ Римляне. Но такъ какъ эта вѣра не есть вѣра всеобщая и коварный искуситель старается вселить въ неопытные умы заблужденія, противныя евангельской истинѣ, то представителямъ церкви нужно всѣми силами стараться объ отвращеніи этой опасности, объ отвращеніи отъ простыхъ народныхъ душъ всякой лжи, прикрашенной нѣкоторымъ подобіемъ истины.

Для успѣшнаго противодѣйствія врагамъ православной вѣры нужно держаться того, что намъ предано апостолами и святыми мужами. Онъ, Левъ, въ своемъ посланіи къ блаженной памяти Флавіану противъ Евтихія о воплощеніи Господа нашего Иисуса Христа нисколько не уклонился отъ той нормы вѣры, которую защищали предки. Враги Креста Христова, дѣлающіе козни словамъ и слогамъ этого посланія, обвиняютъ его въ несторіанствѣ, тогда какъ въ немъ сдѣлано все, чтобы не дать къ этому повода. Чтобы показать, что не введено ничего новаго, нужно напередъ всенародно читать творенія Аванасія, Теофила, Кирилла и тогда, наконецъ, его посланіе къ Флавіану. Въ заключеніи св. Левъ проситъ св. Протерія соблюдать привилегію своей кафедры противъ „безчестнаго домогательства нѣкоторыхъ“ (improbae quorundam ambitioni,—разумѣется св. Анатолій).

Въ одно время съ письмомъ къ св. Протерію св. Левъ послалъ письмо къ Маркіану (Ер. СХХХ) и Юліану Косскому (СХХХІ). Въ этихъ письмахъ св. Левъ выражаетъ свою радость по поводу посланія къ нему Протерія, изъ котораго онъ узналъ, что тотъ чистосердечно исповѣдуетъ православную вѣру. Въ виду порчи со стороны еретиковъ его посланія къ св. Флавіану, св. Левъ проситъ Юліана—вновь перевести его, а императора—послать переводъ Юліана въ Александрію за своей печатью (sub vestri signaculi impressione).

Такова была дѣятельность св. Льва, направленная къ подавленію беспорядковъ въ Александріи. Эти беспорядки, на время затихшіе, возобновились опять съ большею силою, лишь только въ Александріи узнали о смерти импер. Маркіана. Предводителемъ мятежниковъ явился пресвитеръ александрійской церкви Тимофей Елуръ. Это былъ человекъ „лишенный всякаго

добра и способнѣйшее орудіе діаволскаго ума“ (Д. IV, 469). Онъ былъ послѣ Халкидонскаго собора сосланъ въ ссылку за приверженность къ ученію Аполлинарія. Лишь только распространилась вѣсть о смерти Маркіана, какъ онъ явился въ Александрію, „собралъ мятежную и подлую чернь и вооружилъ ее противъ святыхъ правилъ церковнаго благочинія, цѣлаго государства и законовъ; онъ напалъ на святую церковь Божию... Онъ счелъ себя получившимъ первосвященнической престолъ при помощи двухъ, бывшихъ, какъ и онъ въ ссылкѣ, епископовъ“ (Д. IV, 470). Въ это время въ Александріи не было военачальника. Онъ былъ въ верхнемъ Египтѣ (Perth. III). Возвратившись отсюда, онъ изгналъ Тимофея, но спустя нѣсколько дней начались волненія, жертвою которыхъ сдѣлался св. Протерій. Онъ былъ убитъ въ крещальнѣ, гдѣ было онъ хотѣлъ скрыться отъ преслѣдованія своихъ враговъ. Его трупъ „звѣрски влачили по городу, безъ милосердія поражали ударами, разсѣкли на части и не удержались, на подобіе собакъ, кусать внутренности этого мужа. Наконецъ предали останки тѣла его огню и разсѣяли пепель его по вѣтру, превосходя въ свирѣпости дикихъ звѣрей (Д. IV, 172). Тимофей сталъ поубіеніи св. Протерія преслѣдовать православныхъ епископовъ и пресвитеровъ и на мѣсто ихъ свавить еретиковъ. Положеніе изгнанныхъ было очень тяжелое; они должны были „проводить жизнь боязливѣ зайцевъ и лягушекъ“. (Д. IV, 475). „Монастыри, издавна прославившіеся православною вѣрой, мужскіе и женскіе были разрушены“ (Д. IV, 781). Не удовольствовавшись этимъ, онъ анаематствовалъ Халкидонскій соборъ, св. Протерія, св. Кирилла и вообще всѣхъ, кто держался Халкидонскаго собора. Многіе изъ лишенныхъ своихъ мѣстъ епископовъ и клириковъ прибыли въ Константинополь и подали здѣсь жалобы императору Льву и архіепископу Анатолію. (Д. IV, 466—490). Они просили удалить Тимофея и позволить православнымъ епископамъ поставить себѣ новаго архіепископа. Просили сообщить о случившемся архіепископамъ: римскому, антїохійскому, іерусалимскому, ессалоникійскому, ефесскому и другимъ, кому императоръ сочтетъ нужнымъ, чтобы они дали знать, „что опредѣлено правилами святыхъ отцевъ на случай такихъ злодѣяній“. Они просили, если будетъ на то

согласіе императора созвать вселенскій соборъ „для спасенія вѣрующихъ народовъ и для благосостоянія святыхъ церквей, чтобы положить конецъ тѣмъ незаконнымъ дѣламъ, которыя совершены Тимофеемъ, дабы и другимъ людямъ не представился случай дѣлать подобное“. Между тѣмъ Тимофей и его единомышленники послали отъ себя посольства съ письмами къ императору. Въ этихъ письмахъ говорилось о томъ, что Тимофей избранъ епископомъ единогласно клиромъ и народомъ, что въ Александріи все спокойно, что касается ихъ „упованія и вѣры“, то они принимаютъ Никейскій символъ, „имѣютъ общеніе съ соборами, бывшими въ Ефесѣ: собора же 150 отцевъ не знаютъ; но знаютъ, чтоблаженные отцы архіепископы послѣ собора (?) собирались также въ константинопольской церкви“. Относительно Халкидонскаго собора прямо заявлено, что „церковь великаго города Александріи его не принимаетъ“. (Д. IV, 490—2).

Св. Левъ узналъ объ этихъ событіяхъ въ Александріи по слухамъ. Онъ обратился къ Юліану Косскому (CXLIV отъ 1-го іюня 457 г.) и просилъ его извѣстить точнѣе объ Александрійскихъ событіяхъ, о которыхъ онъ ничего не узналъ „изъ вѣрнаго источника“. Вѣрныя извѣстія св. Левъ впервые получилъ отъ св. Анатолія. Извѣщая его о томъ, что произошло въ Александріи, св. Анатолій, кромѣ этого, сообщилъ ему и то, что императоръ намѣренъ для умиротворенія церкви созвать вселенскій соборъ. Узнавъ точно объ александрійскихъ событіяхъ и намѣреніи императора, св. Левъ написалъ императору письмо (CXLV 11 іюня 457), въ которомъ просилъ его „не дозволить спорить относительно того, что постановлено о воплощеніи Господа Христа на святомъ Халкидонскомъ соборѣ“, поставить въ Александріи новаго епископа и позаботиться о прекращеніи возникшихъ здѣсь волненій еретиковъ. Одновременно (т. е. 11 іюня) св. Левъ писалъ св. Анатолію (CXLVI) и Юліану Косскому (CXLVII). Онъ проситъ ихъ ходатайствовать предъ императоромъ о сохраненіи постановленій Халкидонскаго собора, о недопущеніи споровъ относительно вѣроопредѣленій. Юліана онъ, кромѣ того, упрекаетъ въ слишкомъ продолжительномъ молчаніи, тогда какъ время требуетъ насколько возможно частаго сношенія, и проситъ ходатайствовать предъ императоромъ о избраніи въ Александріи православнаго патріарха.

Св. Левъ не безъ цѣли такъ сильно возставалъ противъ всякихъ споровъ о вѣроопредѣленіи Халкидонскаго собора, другими словами, противъ созванія новаго вселенскаго собора. Ему казалось, что созваніемъ новаго собора набрасывается тѣнь сомнѣнія на Халкидонскій соборъ, дѣлается уступка еретикамъ. Въ требованіи еретиковъ созванія новаго собора, св. Левъ видѣлъ „усилія ихъ ниспровергнуть авторитетъ Халкидонскаго собора“ (СXLV, 2). Понятна послѣ этого его радость, когда онъ узналъ, что императоръ держится постановленій Халкидонскаго собора. Онъ написалъ ему письмо (СXLIII отъ 1 сен. 457 г.) съ выраженіемъ самой живой радости по поводу того, что онъ является стражемъ Халкидонскаго собора для мира всего міра, что еретическое нечестіе не можетъ восторжествовать никакимъ своимъ замысломъ“.

Но еретическая партія была сильна. Она имѣла значительное число послѣдователей въ самомъ Константинополѣ, изъ которыхъ многіе пользовались вліяніемъ при дворѣ. Св. Левъ боялся, какъ бы эта партія не склонила императора на свою сторону. Чтобы, при случаѣ, дать отпоръ еретической партіи св. Левъ заботится о возможно болѣе тѣсномъ общеніи и единеніи между собою православныхъ. Онъ пишетъ съ этою цѣлю посланія къ Василию Антиохійскому¹⁾, къ Евксинію Фессалоникійскому, св. Ювеналію Иерусалимскому, Петру Коринѣскому и Лукѣ Дирахійскому. (Ер. СXLIX и сл. отъ 1 сент. 457). Всѣхъ ихъ св. Левъ убѣждалъ стоять за опредѣленія Халкидонскаго собора. Это необходимо въ виду того, что ему, Льву, извѣстно, что всемилостивѣйшій императоръ и великолѣпный мужъ Патрикій со всѣмъ синклитомъ славныхъ властей ничего не допустятъ сдѣлать еретикамъ для возмущенія церкви, если они увидятъ, что пастырскія души ни въ чемъ не сомнѣваются“. Въмѣстѣ съ тѣмъ св. Левъ старается ободрить и утѣшить несчастныхъ, египетскихъ епископовъ, которые „предпочли претерпѣть всѣ лишеныя переселенія, чѣмъ оскверниться заразой нечестія“. Св. Левъ написалъ имъ утѣшительное посланіе (Ер.

¹⁾ Василий Антиохійскій былъ только недавно поставленъ въ епископа Антиохіи. Св. Левъ еще не получалъ отъ него общительнаго письма. Но онъ извѣстенъ былъ св. Льву, какъ человекъ вполне православный и онъ рѣшилъ вступить въ общеніе съ нимъ, не дожидаясь отъ него общительнаго посланія (Ер. СXLIX).

СLIV отъ 11 окт. 457 г.), въ которомъ выражаетъ надежду на лучшее будущее—на изгнаніе изъ Александріи еретиковъ. Эта надежда имѣетъ основаніемъ то, что самъ императоръ твердо держится опредѣленій Халкидонскаго собора. Правда имъ пришлось много перенести, много перестрадать; но они должны знать, что они ничего не потеряли изъ своего, но заслужили очень многое. Ихъ короткое страданіе приближаетъ ихъ къ вѣнцу исповѣдниковъ. Что-бы убѣдить императора въ бесполезности собранія вселенскаго собора, св. Левъ отправилъ къ нему свое посланіе съ подписями итальянскихъ и галльскихъ епископовъ (Ер. СLIII къ Аэцію, 1 сент. 457).

Императоръ Левъ не имѣлъ серьезнаго намѣренія созвать вселенскій соборъ. Ему ясно представлялись всѣ трудности, сопряженныя съ такимъ сложнымъ и хлопотливымъ дѣломъ. Убѣдившись въ чрезвычайной трудности созванія вселенскаго собора, Левъ рѣшился на слѣдующую остроумную мѣру. Онъ разослалъ ко всѣмъ провинціальнымъ епископамъ описаніе Александрійскихъ событій (*scripsit singularum civitatum de utroque negotio*) и просилъ ихъ мнѣнія относительно правильности поставленія Тимофея Елура, а также относительно опредѣленія Халкидонскаго собора. Въмѣстѣ съ тѣмъ и св. Анатолій послалъ извѣщеніе о тѣхъ же событіяхъ ко всѣмъ епископамъ, бывшимъ на Халкидонскомъ соборѣ (*Liberat. brev. XV. Migne LVIII, 1018*).

Присланные на эти посланія отвѣты были противъ Тимофея, единогласно признаннаго достойнымъ изложенія. Всѣ также единогласно высказались за неизмѣнное слѣдованіе опредѣленіямъ Халкидонскаго собора¹⁾. Св. Левъ также получилъ посланіе отъ императора съ просьбой высказать свой взглядъ на событія въ Александріи. Св. Левъ написалъ по этому поводу довольно обширное посланіе (Ер. СLVI отъ 1-го дек. 457 г.). Онъ убѣждалъ императора держаться опредѣленій Халкидонскаго собора, противъ котораго такъ сильно ратуетъ неудер-

¹⁾ Впрочемъ въ посланіи епископовъ Памфиліи, отрицается символическое значеніе вѣроопредѣленія Халкидонскаго собора. „То, что сказано было на святомъ соборѣ, говорится здѣсь, (Д. IV, 577) не есть символъ или формула, а скорѣе опроверженіе еретическаго заблужденія“. Соборъ въ Сидѣ совершенно отвергалъ Халкидонскій соборъ; но Тимофей, все таки, считалъ достойнымъ изложенія (Arendt 389).

жимая ярость и слѣпое нечестіе еретиковъ. Эти люди предначертали себѣ дѣло, достойное всякаго презрѣнія и отвращенія. Еретики, притворно принимающіе видъ будто они содержатъ вѣру Никейскаго собора, говорятъ, что на Халкидонскомъ соборѣ постановлено противное Никейскому собору. Но это совершенно ложно; этого никакъ не могло случиться. И такъ, нужно всѣми силами стараться обуздать незаконныя дерзости. Нужно прогнать похитителя чужаго права и преобразовать престолъ Александрійской церкви по древней вѣрѣ. Всѣ другіе еретики не только не могутъ быть допущены къ достоинству священства, но заслуживаютъ быть лишенными самаго имени христіанскаго. И такъ, нисколько не нужно колебаться относительно того, какъ поступить съ еретиками, совершившими столько беззаконныхъ святотатствъ, пролившихъ кровь примѣрнѣйшаго первосвященника. Для императора великое дѣло—присоединить къ діадемѣ изъ десницы Господа вѣнецъ вѣры и восторжествовать надъ врагами церкви. Чтобы не слишкомъ длинно растянуть страницы настоящаго посланія, св. Левъ говоритъ, что онъ изложилъ въ другомъ посланіи (посланіе это Ер. CLXV) то, „что согласно съ каѳолической вѣрой“. Это письмо послано было съ особымъ посольствомъ 17-го августа 457 года. Оно представляло изъ себя ни что иное, какъ письмо къ палестинскимъ монахамъ, дополненное нѣкоторыми вставками. Къ нему приложены свидѣтельства оо. церкви о таинствахъ воплощенія, которыя, по мнѣнію Баллерини, суть тѣ же, что были приложены къ 28 посланію при отправленіи его на 4-й Вселенскій соборъ.

Въ одно время (10-го дек. 457 г.) съ посланіемъ къ императору св. Левъ написалъ къ Юліану Косскому (Ер. CLVII). Св. Левъ проситъ его ходатайствовать предъ императоромъ объ освобожденіи Александрійской церкви отъ преступниковъ. „Какое, говоритъ онъ, можетъ быть мѣсто въ церкви совершившимъ такое неслыханное преступленіе, даже если бы они приняли вселенскую истину?“ Но не щадя еретиковъ, св. Левъ утѣшалъ и ободрялъ православныхъ египетскихъ епископовъ, живущихъ въ Константинополѣ. Онъ послалъ имъ вторично утѣшительное посланіе (Ер. CXVIII отъ 1-го дек. 457 г.), въ которомъ выражаетъ надежду, что императоръ по своему благочестію по-

старается освободить Египетъ отъ всего, что сдѣлано здѣсь неистовствомъ еретиковъ, и возвратитъ церквамъ ихъ пастырей.

Но еретическая партія также не бездѣйствовала. Она добилась отъ императора назначенія публичнаго разсужденія между православными и еutihіанами. Св. Леву было послано приглашеніе послать съ своей стороны легатовъ. Извѣстіе о назначеніи этой комиссіи было крайне непріятно для св. Льва. Онъ былъ убѣжденъ, что это уступка еретикамъ, что назначать публично разсужденіе о разностяхъ между православіемъ и еutihіанствомъ значить считать православное ученіе „сомнительнымъ или нетвердымъ“.

Въ этомъ смыслѣ св. Левъ отвѣтилъ императору (Ер. CLXII отъ 21 март. 457 г.). Онъ писалъ, что исполнить требованіе императора относительно отправленія пословъ въ Константинополь. Но эти послы имъ назначаются совсѣмъ не для разсужденій о вѣрѣ; онъ, Левъ, не осмѣливается входить въ какія-либо разсужденія относительно опредѣленій Никейскаго и Халкидонскаго соборовъ. Послы отправляются только для того, чтобы показать, какъ вѣруетъ апостольскій престолъ. Вообще св. Левъ совѣтуетъ тщательно „избѣгать того, чего стремится достигнуть еретическій обманъ“.

Обѣщанное св. Львомъ посольство было отправлено около 17-го числа августа 457 г. какъ это видно изъ даты писемъ (CLXIV и CLXV), отправленныхъ къ императору. Одно изъ этихъ двухъ писемъ (CLXIV) содежитъ въ себѣ развитіе (болѣе полное) извѣстныхъ уже взглядовъ св. Льва на бесполезность споровъ съ еретиками относительно разности православія отъ еutihіанства. Другое (CLXV) посланіе есть обѣщанное прежде (въ письмѣ CLVI) изложеніе того, „что согласно съ каѳолической вѣрой“.

Неизвѣстно, происходилъ ли споръ православныхъ съ еретиками или нѣтъ; ничего также неизвѣстно о дѣятельности въ Константинополѣ папскихъ легатовъ. Вѣроятно императоръ, подъ вліяніемъ получаемыхъ отовсюду посланій митрополитовъ, содержащихъ осужденіе дѣйствій Тимофея Елура, рѣшилъ не церемониться съ еретиками. Тимофеей Елуръ былъ удаленъ изъ Александріи и сосланъ въ Гангры, а впослѣдствіи въ Херсонесъ. Но его друзья выхлопотали ему возможность прежде отправленія въ ссылку лично явиться къ императору. По этому

поводу св. Левъ написалъ письма къ императору (CLXIX 17 июня 460 г.) и св. Геннадію, (CLXX дата та же) преемнику, умершаго св. Анатолія (458).

Въ письмѣ къ императору св. Левъ выражаетъ живую радость по поводу того, что изъ Александріи изгнанъ (jugo depulsus) безчестный убійца; и народъ Божій, надъ которымъ настоятельствоваля этотъ нечестивый разбойникъ, возвратился къ прежней свободѣ вѣры. Теперь, видя изгнаніе разсадника ядовъ въ лицѣ самого виновника всего этого, народъ александрійскій можетъ быть обращенъ проповѣдью, вѣрныхъ священниковъ на путь спасенія. Нечестиваго Тимофея, виновника всѣхъ беспорядковъ въ Александрійской церкви, нужно удалить изъ Александріи, даже еслибы онъ принесъ полное раскаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и преступленіяхъ.

Въ письмѣ къ св. Геннадію (Ер. CLXX) св. Левъ жалуется на то, что Тимофею, изгнанному изъ Александріи, „по ходатайству нѣкоторыхъ противниковъ вѣры, дозволено придти въ Константинополь“. Св. Левъ настаиваетъ на томъ, чтобы не возвращать его на Александрійскую кафедру и не вступать, если бы онъ даже оказался православнымъ, съ такимъ нечестивцемъ ни въ частныя, ни въ публичныя бесѣды. Тимофей Елуръ александрійской кафедры не получилъ. На мѣсто его былъ поставленъ Тимофей Салафаліонъ. Это былъ кроткій и добрый человекъ, сумѣвшій снискать себѣ любовь и уваженіе даже еретиковъ. Св. Левъ въ отвѣтъ на его общительное посланіе (не дошедшее до насъ) послалъ письмо (CLXXI отъ 18 августа 460 г.), въ которомъ выражаетъ радость по поводу его избранія и посвященія на александрійскую кафедру и обращается съ просьбой дѣйствовать въ томъ духѣ, чтобы „въ народѣ Божіемъ не могло остаться никакого слѣда заблужденія несторіанскаго или евтихіанскаго“. Одновременно св. Левъ послалъ письма къ нѣкоторымъ египетскимъ епископамъ, а также къ александрійскому клиру (CLXXII) въ отвѣтъ на ихъ, не дошедшія до насъ, посланія. Въ этихъ письмахъ св. Левъ радуется о низверженіи того, кто былъ „подражателемъ діавола“ и о возведеніи на александрійскій престолъ новаго пастыря, любящаго свое стадо и любимаго имъ. Въ заключеніи совѣтуетъ соблюдать миръ между собою и заботиться объ исправленіи удалившихся отъ пути истины еретиковъ.

Дѣятельность св. Льва противъ евтихіанства въ Константинополь.

Не мало беспокоило св. Льва распространеніе евтихіанства въ самомъ Константинополь. Намъ уже извѣстно, что св. Левъ не мало заботился объ удаленіи изъ предѣловъ Константинополя Евтихія. Письмо объ Евтихіи было послано въ 454 году (Ер. СXXIV. 2). Въ этомъ же году св. Левъ просилъ императора удалить распространившаго ядъ евтихіанства и развратившаго многія сердца въ высшей степени невѣжественнаго и развращеннаго монаха Кароза ¹⁾ (Ер. СXXXIV). Императоръ уважилъ просьбу св. Льва. Карозъ, вмѣстѣ съ другимъ монахомъ Дорофеемъ, были удалены (Ер. СXLII, 2). Св. Левъ, все таки, сильно беспокоился относительно состоянія Константинопольской церкви. Онъ былъ убѣжденъ, что въ Константинополь, гдѣ получило начало евтихіанство, существуетъ не мало приверженцевъ его. По крайней мѣрѣ, св. Левъ просилъ Анатолія бодрствовать и заботиться о подавленіи и искорененіи остатковъ нечестивыхъ людей. Дѣйствительно, въ 457 году, подъ влияніемъ смерти Маркіана евтихіанство не замедлило обнаружиться.

Съ проповѣдью въ пользу евтихіанства выступилъ нѣкій пресвитеръ, Атикъ. Узнавъ объ этомъ, св. Левъ написалъ къ Анатолію письмо (CL I отъ 1 сент. 457 г.) съ просьбою: если Атикъ окажется съ сердцемъ, содержащимъ еретическій ядъ, то или исправить его или изгнать изъ церкви съ надлежащей строгостью.

Въ октябрѣ (11 числа) этого же года св. Левъ опять написалъ св. Анатолію (Ер. CLV), прося его пребывать въ святой бодрости, пока десница Господня творитъ силу (пс. 17, 16). При этомъ св. Левъ выражалъ, что ему „чрезвычайно не нравится“ (illud sane plurimum mihi displicere significo) то, что въ Константинополь нѣкоторые клирики сочувствуютъ развращенію противниковъ вѣры. Таковыхъ должно наставлять и поощрять къ вѣрѣ съ надлежащей строгостью. Для церкви лучше лишиться нѣкоторыхъ святыхъ членовъ, чѣмъ подпасть подъ вѣчное наказаніе. Св. Левъ обращается съ просьбами не только къ самому Анатолію, но и къ императору. Онъ проситъ его лишать еретиковъ не только степеней клира, но даже

¹⁾ Валлерини (Migne, LIV, 1111) на основаніи замѣчанія Cod. Ratisp. полагають, что этотъ Карозъ не имѣетъ ничего общаго съ Карозомъ, выступавшимъ на 4 Вс. соб.

прогнать изъ города (Ер. CLVI, 6). Но св. Анатолий по какимъ то причинамъ медлилъ исполненіемъ желанія св. Льва. Св. Левъ обратился къ нему съ вторичною просьбою отлучить отъ общенія этого человѣка, зараженнаго язвой (евтихіанства). Если онъ пожелаетъ остаться въ общеніи съ православіемъ, то пусть онъ отречется отъ евтихіанскаго ученія съ того самаго мѣста, съ котораго онъ проповѣдывалъ противъ православія Св. Левъ убѣждаетъ также прекратить общеніе съ Аттікомъ даже Константинопольскій клиръ (Ер. CLXI отъ 21 марта 458).

Между тѣмъ св. Анатолий извѣстилъ св. Льва, что Аттікъ, отвергнувъ свои заблужденія и представилъ православное исповѣданіе вѣры. Это исповѣданіе было приложено къ письму св. Анатолія (не дошло до насъ). Св. Левъ отнесся очень недоувѣрчиво къ обращенію Аттіка къ православію и къ его исповѣданію. Ему казалось это исповѣданіе недостаточнымъ, такъ какъ тутъ говорилось только о томъ, что „ему ненавистенъ Евтихій“, и ничего относительно того, что онъ осуждаетъ его заблужденіе Св. Левъ требовалъ, чтобы Аттікъ подписалъ вѣроисповѣданіе Халкидонскаго собора и эту подпись прочиталъ предъ всѣмъ народомъ.

Чѣмъ дѣло это кончилось—неизвѣстно, такъ какъ св. Анатолий въ 458 году умеръ.

Кончина св. Льва.

Мы кончили свой рассказъ о жизни и дѣятельности св. Льва. Остается сказать нѣсколько словъ о времени его кончины. Это опредѣляютъ различно. Одни днемъ его кончины считаютъ 11 апрѣля, другіе 28 іюня; Кенель 30 октября, Антонъ и Францискъ Паги 4 ноября 461 года. Баллерини считаютъ болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что кончина св. Льва послѣдовала 10 ноября 461 года. Основаніемъ для нихъ служить *Martyrologium Hieronymianum*, какъ самый древній изъ такого рода памятниковъ. Всѣ (*omnia*) дошедшіе до насъ экземпляры этого *martyrologium*'а свидѣтельствуютъ, что кончина св. Льва послѣдовала IV idus Novembris=10 ноября (Migne, LV, 319—20). Къ этому мнѣнію присоединяются и позднѣйшіе изслѣдователи: Langen (102) и отчасти Arendt (403).

И. Дроздовъ.

(Продолженіе будетъ).

СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЕНІЯ.

(Продолженіе *).

III.

Творенія св. Льва.

Изъ твореній св. Льва дошли до насъ:

Sermones (Проповѣди).

Въ настоящее время признаются несомнѣнно принадлежащими св. Льву 96 проповѣдей. Первоначально проповѣди св. Льва были разбросаны въ разныхъ лекціонаріяхъ, или гомиляріяхъ. Подъ этимъ именемъ разумѣлись сборники проповѣдей разныхъ оо. церкви. Назначеніи этихъ сборниковъ было практическое. Проповѣди, въ нихъ находящіяся, предназначены были для произнесенія въ церкви. Отсюда большая распространенность такого рода сборниковъ. Такъ называемые *collectiones*, т. е. сборники проповѣдей какого-нибудь одного автора, въ древнее время были очень рѣдки. Для практическихъ цѣлей, конечно, гораздо было лучше имѣть лучшія проповѣди нѣсколькихъ отцевъ, чѣмъ какого-либо одного. *Collectiones* стали являться только впоследствии, когда, по выраженію проф. Пѣвницкаго, „началъ проявляться историко-литературный интересъ и мысль, стремящаяся къ болѣе точному пред-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1897 г., № 19.

ставленію прошедшаго, старались выдѣлять изъ груды скученаго матеріала и собирать въ одно цѣлое слова, означенныя однимъ именемъ и отмѣченныя печатью одного духа и таланта“ (I, 73). Первый такой сборникъ проповѣдей св. Льва относится къ XI вѣку и принадлежитъ бібліотекѣ Монтекассинскаго монастыря, куда онъ пожертвованъ аббатомъ Дезидеріемъ, впоследствии папой Викторомъ III. Этотъ сборникъ, насколько это извѣстно до сихъ поръ, составлялъ первую попытку соединить проповѣди св. Льва, разбросанныя въ лекціонаріяхъ, въ одно цѣлое. Кромѣ этой попытки были и другія. Баллерини насчитываетъ въ продолженіи XII—XV в. до пяти разныхъ редакцій, а если такъ называемая Оксоніенская редакція относится къ XII в., то до шести. Всѣ эти редакціи составляютъ самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга попытки собрать проповѣди св. Льва въ одинъ сборникъ. Это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ они имѣютъ различное количество проповѣдей и различную группировку ихъ. (Migne LIV, 118—138). Когда составлялись эти сборники, точное число словъ св. Льва было неизвѣстно. „Объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ анонимный церковно-литературный историкъ, изданный Фабриціемъ въ его *Biblioteca ecclesiastica* (*De Script eccl.* VII p. 143),—первый изъ литературныхъ историковъ, упомянувшій о проповѣдяхъ св. Льва. Онъ говоритъ, что вообще неизвѣстно число проповѣдей св. Льва, но много ихъ есть на постъ предъ Рождествомъ Христовымъ, на Рождество Христово, на Богоявленіе, на Четырдесятницу, на страсти Господни, на Пятидесятницу и нѣсколько словъ на дни святыхъ“ (Пѣвн. I, 74). Послѣ сравненія всѣхъ этихъ редакцій между собою и съ дошедшими до нашего времени гомиляріями, ученые издатели, главнымъ образомъ Кенель, Капціари и др. Баллерини признали несомнѣнно принадлежащими св. Льву 96 проповѣдей.

Кромѣ доказательства подлинности проповѣдей св. Льва на основаніи манускриптовъ, можно привести еще другое, внутреннее. Разсматривая проповѣди св. Льва, мы не можемъ не замѣтить, что внутренній духъ этихъ проповѣдей какъ нельзя

болѣе гармонируетъ съ личностію св. Льва. а) Проповѣдникъ предоставляетъ себя преемникомъ св. Петра, перваго изъ апостоловъ (*princeps apostolici ordinis*) и поэтому считаетъ свою епископскую кафедру выше другихъ кафедръ. Какъ преемникъ св. апостола Петра, онъ всегда говоритъ со властію. Намъ извѣстно уже какого мнѣнія былъ св. Левъ о своей епископской кафедрѣ и правахъ ея; мы должны согласиться, что такой тонъ проповѣдей вполне гармонируетъ съ личностію св. Льва. б) Проповѣди эти произнесены въ Римѣ. Проповѣди въ день посвященія и въ дни ап. Петра и Павла не могли быть сказаны нигдѣ, кромѣ Рима и никѣмъ, кромѣ Римскаго епископа. Проповѣди *de collectis*, т. е., на сборъ пожертвованій для благотворительныхъ цѣлей, также были произнесены въ Римѣ, такъ какъ *collectae*, чисто римское учрежденіе. в) Проповѣдникъ съ особенною любовію останавливается на догматѣ воплощенія Сына Божія. Это его любимая тема. Намъ извѣстно, что св. Левъ большую часть своего епископскаго служенія провелъ въ борьбѣ съ ересями, извращавшими этотъ догматъ и былъ однимъ изъ лучшихъ толкователей этого догмата. Итакъ, принимая во вниманіе съ одной стороны то, что всѣ эти проповѣди въ манускриптахъ приписываются св. Льву, съ другой—то, что со стороны своего духа, характера и содержания, онѣ вполне соответствуютъ личности св. Льва—должно признать его авторомъ этихъ проповѣдей.

Но здѣсь мы встрѣчаемся съ мнѣніемъ аббата Антельми, изложенномъ имъ въ своемъ сочиненіи: *De veris operibus ss. Patrum Leonis Magne et Prosperi Aquitani dissertationes criticae*¹⁾. Антельми полагаетъ, что эти проповѣди принадлежатъ не св. Льву, а Просперу Аквитанскому, которію св. Левъ.

Справедливо, что во время св. Льва на Западѣ многіе епископы не писали сами проповѣдей, но это обстоятельство не имѣетъ никакого приложенія къ св. Льву. Странно предпола-

¹⁾ Къ сожалѣнію, авторъ не имѣлъ въ рукахъ этого сочиненія и принужденъ былъ довольствоваться тѣмъ, что есть у Du Pin, IV, 190—204 120—3; 156—9 и Ballerini (*Migne LV, 371—388* и дал.).

гать, что-бы св. Левъ, такъ серьезно относящійся къ дѣлу проповѣди, считающій ее непремѣннымъ и самымъ священнымъ своимъ долгомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, судя по оставшимся отъ него проповѣдямъ, такъ рѣдко говорилъ проповѣди и при томъ не свои, а чужія. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что св. Левъ очень часто говорилъ экспромптомъ, а многія рѣчи писалъ самъ, или какъ предполагаетъ Du-Pin (IV, 158) диктовалъ писцу. Но сомнительно, какъ тоже предполагаетъ Du-Pin (*ibidem*), чтобы писцы записывали слова св. Льва во время самаго произнесенія проповѣди. О томъ, насколько достоверно свидѣтельство Адона, будто Просперъ былъ ноторіемъ св. Льва и долженъ-ли былъ Просперъ при предположеніи, что онъ дѣйствительно былъ ноторіемъ—писать проповѣди для св. Льва—мы подробно скажемъ въ трактатѣ о письмахъ св. Льва. Тамъ мы постараемся доказать, что это свидѣтельство нисколько не доказываетъ предположенія Антельми. Такимъ образомъ на сторонѣ Антельми существуютъ только соображенія, мнѣнія, предположенія, и двусмысленныя свидѣтельства. На сторонѣ же его противниковъ положительное свидѣтельство всѣхъ манускриптовъ, полное единство духа и языка во всѣхъ проповѣдяхъ, вполне соотвѣтствующее положенію и характеру св. Льва. Въ виду этого всѣ ученые признаютъ 96 проповѣдей несомнѣнно принадлежащими св. Льву.

Epistolae. (Письма).

Кромѣ проповѣдей, отъ св. Льва осталось значительное количество писемъ. Подлинными считаются 143 письма. Источники, изъ которыхъ они заимствованы новѣйшими издателями, суть разнаго рода сборники. Сборники эти тройкаго рода. Во 1) общіе сборники правилъ и постановленій римскихъ епископовъ, въ числѣ которыхъ находятся и письма св. Льва, заключающія въ себѣ разныя дисциплинарныя правила и предписанія.

Во 2) частные сборники, принадлежащіе разнымъ церквамъ, содержащіе на ряду съ правилами общеобязательными свои,

мѣстных. Между сборниками частныхъ церквей попадаются сборники писемъ одного св. Льва, составленные на основаніи самыхъ древнихъ сборниковъ. Въ 3) частные сборники писемъ св. Льва, но позднѣйшаго происхожденія.

Сборника писемъ, равно какъ и проповѣдей, современнаго св. Льву нѣтъ. Есть правда одинъ, такъ называемый Халкидонскій, греческій сборникъ, составленный по мнѣнію Баллерини около 453—455 г. ¹⁾, но онъ смѣшанный. Писемъ св. Льва въ немъ находится всего 17. Первоначально письма св. Льва хранились въ „архивѣ Римской церкви“. Хранились они довольно продолжительное время. По крайней мѣрѣ въ приписываемомъ Анастасію Библиотекарю сочиненіи *Historiae de vitis romanorum pontificum*, гдѣ есть краткая біографія св. Льва (написанная по предположенію Боллерини въ VIII вѣкѣ, Migne LIV, 554), говорится: „Св. Левъ написалъ сочиненіе о вселенской вѣрѣ (tomum fidei catholicae), осуждая (въ немъ) всѣ ереси. Блаженнѣйшій Левъ послалъ также къ архіепископамъ много писемъ, касающихся вѣры, которыя теперь хранятся въ архивѣ Римской церкви (quae hodie in archivo Romanae ecclesiae reconditas tenentur). Онъ часто подкрѣплялъ своими посланіями Халкидонскій соборъ; онъ послалъ къ Маркіану Августу 12 писемъ, къ Льву Августу 13, къ епископу Флавіану 8, къ восточнымъ епископамъ 18 писемъ, которыми онъ утвердилъ вѣру собора (Migne CXXVIII, 302). Анастасій такимъ образомъ не упоминаетъ только о 51 письмѣ. Но не трудно замѣтить почему Анастасій упоминаетъ только объ этихъ письмахъ и умолчалъ о другихъ, въ томъ числѣ и о проповѣдяхъ св. Льва. Онъ имѣлъ

¹⁾ Основанія, по которымъ Баллерини относитъ этотъ сборникъ къ 454—455 г. состоятъ въ слѣдующемъ. Собиратель въ надписаніи къ письмамъ 55, 56, 57 (по Баллерини) говоритъ: Θεῖον γράμμα καταπεμφθέν, τοῦτο μὲν τοῦ δεσποτοῦ ἡμῶν. Οὐαλεντιανοῦ, τοῦτο δὲ τῆς θείας μνήμης Πλακίδιας (Migne, LIV, 858). Изъ этого видно, что собиратель считаетъ Валентиніана III, умершаго въ 455 г. еще живымъ. Въ заглавіи къ LXXVII (по Баллер.) онъ говоритъ: θεῖα συλλαβαὶ ἀπεστάλησαν γὰρ παρὰ τῆς θείας μνήμης Πουλκερίας. (Migne). Т. об. собиратель считаетъ Пульхерію умершей. Умерла же она въ 453 г. Слѣдовательно сборникъ составленъ около 453—455.

въ виду только тѣ письма, которыя были написаны по поводу волновавшаго тогда весь христіанскій міръ догмата о воплощеніи Сына Божія. Анастасій упоминаетъ только о дѣятельности св. Льва, какъ учителя церкви, дѣятельности наиболѣе важной. Но онъ не упоминаетъ о дѣятельности св. Льва, какъ администратора церковнаго, дѣятельности менѣе важной, принесшей пользу не всей вселенской церкви, а только одной римской. Умолчавъ объ этой послѣдней дѣятельности, Анастасій умолчалъ и о письмахъ, относящихся къ ней. Онъ умолчалъ даже о проповѣдяхъ, изъ которыхъ большинство касаются этого догмата, такъ какъ эти проповѣди имѣли во время св. Льва только мѣстное значеніе для одной римской церкви.

Свидѣтельству Анастасія нисколько не противорѣчитъ то предположеніе, что, во время написанія біографіи св. Льва, въ архивѣ римской церкви хранились, кромѣ упомянутыхъ Анастасіемъ, другія письма св. Льва, а также проповѣди его. Но въ виду большой распространенности разнаго рода сборниковъ, содержащихъ творенія св. Льва, подлинныя манускрипты „стали мало по малу забываться“ и наконецъ совсѣмъ исчезли. Такимъ образомъ задача новѣйшихъ ученыхъ осложнилась. Нужно было сличать разные сборники, исправить текстъ, отдѣлить подлинныя письма отъ неподлинныхъ; лучшія работы по этому предмету принадлежатъ извѣстнымъ уже намъ Кенелю, бр. Баллерини. По тщательномъ сличеніи, подлинными признаны лишь 143 письма. Какъ относительно подлинности проповѣдей св. Льва, такъ и относительно писемъ существуютъ возраженія, выразителемъ которыхъ былъ уже извѣстный намъ Антелими, приписывающій письма св. Льва, какъ и проповѣди его Просперу Аквитанскому.

Одно изъ главныхъ основаній, которымъ пользуется Антелими, есть слѣдующее свидѣтельство Геннадія въ его „*Liber de scriptoribus ecclesiasticis*“: „говорятъ, что также письма св. Льва противъ Евтихіа объ истинномъ воплощеніи Христа, писанныя къ различнымъ лицамъ, даны и диктованы имъ, т. е. Просперомъ (Migne LIII, 1008). Мѣсто это буквально повторяетъ Марцелинъ (Migne LI, 930), изъ Марцелина его заимствованъ Adon

Viensis. Но Адонъ не удовольствовался простымъ списываніемъ; онъ прибавилъ (отъ себя или изъ какихъ-либо ему одному извѣстныхъ источниковъ) одно важное сообщеніе, что Просперъ Аквитанскій былъ нотаріемъ св. Льва. Вотъ его слова: „Левъ, блаженнѣйшій епископъ города Рима, считается славнымъ въ ученіи вѣры. Но (также славенъ) и Просперъ Аквитанскій, нотарій блаженнаго Льва, который, какъ думаютъ, диктовалъ письма противъ Евтихія о истинномъ воплощеніи“... (Migne, CXXIII, 104). На этомъ свидѣтельствѣ Адона Антелими строить предположеніе, что Просперъ въ качествѣ секретаря долженъ былъ писать для св. Льва его письма, а равно и проповѣди. Это свое предположеніе Антелими старался подкрѣпить сравненіемъ языка посланій св. Льва съ сочиненіями Проспера. Результатомъ этого сравненія оказывается, по мнѣнію Антелими, полное сходство языка какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Но доказательства, приводимыя Антелими настолько шатки, что критикамъ не стоило большого труда опровергнуть ихъ а) Прежде всего нужно замѣтить, что самъ Геннадій совсѣмъ не такого мнѣнія о ему извѣстныхъ письмахъ св. Льва. Въ словахъ, на которыя ссылается Антелими, передается только мнѣніе, слухъ, (creduntur), котораго самъ Геннадій не раздѣляетъ. Такъ онъ въ ясныхъ и выразительныхъ словахъ признаетъ подлиннымъ 28-е письмо св. Льва къ св. Флавіану по поводу ереси Евтихія (гл. 70). Геннадій слѣдовательно не всѣ письма, написанныя св. Львомъ противъ Евтихія, считаетъ написанными Просперомъ; по крайней мѣрѣ, главное—28-е письмо онъ считаетъ подлиннымъ твореніемъ св. Льва.

б) Du-Pin (IV, 120—2) заподозрѣваетъ самую принадлежность этого свидѣтельства Геннадію. Намъ уже извѣстно, что это свидѣтельство Геннадія буквально повторяется у Марцелина. Du-Pin полагаетъ, что авторъ этого свидѣтельства не Геннадій, а Марцелинъ. Въ хронику Геннадія оно занесено позднѣйшею рукою. Это видно изъ того, что у Геннадія это свидѣтельство не вяжется съ предыдущимъ, а у Марцелина оно напротивъ тѣсно связано съ нимъ. Если предположить, что

Просперъ дѣйствительно былъ секретаремъ св. Льва, то изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что-бы онъ сочинялъ для св. Льва письма и проповѣди. Обязанность нотарія во время св. Льва состояла въ храненіи, публикаціи епископскихъ декретовъ, они же завѣдывали канцеляріей епископа, а иногда просто исполняли разныя порученія его. Такъ изъ XXXIII, 2, письма мы видимъ, что св. Левъ посылаетъ нотарія Дулицію для записыванія во время соборныхъ дѣяній того, что будутъ говорить легаты. Изъ LIX, 1 письма къ клиру и народу Константинопольскому мы видимъ, что оно было послано съ нотаріемъ Діонисіемъ.

Что касается сходства языка посланій св. Льва съ языкомъ сочиненій Проспера, то это доказательство очень шаткое. Это видно уже изъ того, что многимъ ученымъ, вопреки увѣреніямъ Антелими, это сходство вовсе не кажется настолько большимъ, что-бы можно было авторомъ писемъ признать Проспера. Du-Pin (IV, 122), напр. говоритъ, что, при чтеніи сочиненій Проспера и писемъ св. Льва, нельзя не замѣтить значительной разницы (une difference considerable), состоящей въ „благородствѣ“ выраженія своихъ мыслей, котораго Просперъ не „могъ достигнуть“. Тѣ фразы, изреченія и проч., которыя приводитъ Антелими въ свою пользу (какія именно у Du-Pin нѣтъ), встрѣчаются одинаково и у другихъ писателей, напр., у Августина и, слѣдовательно, онѣ не доказываютъ сходства языка писемъ св. Льва съ сочиненіями Проспера.

Вообще возраженія Антелими по своей малой доказательности не имѣли значительнаго вліянія на мнѣнія ученыхъ. Насколько намъ извѣстно, ни одинъ изъ послѣдующихъ ученыхъ не послѣдовалъ его мнѣнію.

Но допуская, чтобы авторомъ всѣхъ писемъ, носящихъ имя св. Льва, былъ Просперъ, позднѣйшіе ученые далеки такъ-же отъ той мысли, чтобы всѣ письма были написаны самимъ св. Львомъ. „Если, говоритъ Арентъ (421—422), должно утверждать принадлежность св. Льву писемъ, имѣющихъ догматическую, или какую-либо другую важность, то тѣмъ болѣе можно

сомнѣваться относительно нѣкоторыхъ неважныхъ писемъ. Вполнѣ естественно, что многіе изъ нихъ были составлены по порученію, или по приказанію св. Льва. Въ доказательство этого можно сослаться на то обстоятельство, что это былъ всеобщій обычай у епископовъ и патріарховъ. Кромѣ того, встрѣчаются письма (иногда въ большомъ количествѣ), написанныя къ многимъ лицамъ по одному и тому-же поводу, въ одинъ и тотъ же день, такъ что, судя по самому количеству ихъ, невозможно предполагать, чтобы св. Левъ могъ ихъ написать самъ, хотя конечно нельзя отвергать, что въ важныхъ случаяхъ это не могло имѣть мѣста“. Взглядъ Арендта кажется очень правдоподобенъ.

Сомнительныя творенія:

De vocatione omnium gentium. (О призваніи всѣхъ народовъ).

De vocatione omnium gentium приписано св. Льву въ первый разъ Кенелемъ (Migne LV, 339—372). Между тѣмъ какъ прежде сочиненіе это приписывали: Амвросію Медиоланскому, Евхерію Лионскому, Иларію Арелатскому, Иларію Сиракузскому, Иларію спутнику Проспера Аквитанскаго (если онъ не одно лице съ Иларіемъ Сиракузскимъ), Просперу Аврелианскому (Aurelianensis), Просперу, подписавшемуся подъ актами Карпенторатенскаго (Carpentoratensis 527 г.) и Вазенскаго (Vasensis 529 г.) соборовъ и, наконецъ, Просперу Аквитанскому.

Болѣе вѣроятно, по мнѣнію Кенеля, что это сочиненіе принадлежитъ св. Льву. Вотъ его доказательство: а) Время, описываемое въ сочиненіи, вполнѣ соотвѣтствуетъ времени св. Льва. Въ сочиненіи говорится о полупелагианскихъ спорахъ, возникшихъ еще при жизни блаж. Августина. Къ этому времени св. Левъ могъ познакомиться съ опроверженіями со стороны Проспера возраженій, представленныхъ ученію Августина Іоанномъ Кассіаномъ. Отсюда и нѣкоторое сходство съ Просперомъ въ языкѣ, мысляхъ и ученіи. б) Изъ современниковъ св.

Льва въ Италіи кромѣ него не было сколько-нибудь выдающагося писателя, которому бы можно было съ большею достовѣрностію, чѣмъ ему, приписать это сочиненіе. Слѣдовательно, доказать, что авторъ этого сочиненія былъ итальянецъ это значитъ то же, что признать его св. Львомъ. Что авторъ былъ итальянецъ, это видно изъ слѣдующихъ соображеній. 1) Если бы онъ былъ африканецъ, то онъ непременно долженъ былъ бы упомянуть объ Августинѣ, этомъ великомъ свѣтилѣ Африканской церкви. Между тѣмъ въ сочиненіи о немъ ни слова, хотя предметъ рѣчи (полупелагианство) требовалъ упоминанія объ Августинѣ. Далѣе языкъ сочиненія не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ языкомъ, какимъ тогда писали въ Африкѣ. Вслѣдствіе вторженія вандаловъ въ Африку, языкъ здѣсь принялъ много барбаризмовъ; въ сочиненіи же *De vocatione* языкъ чистый, правильный, безъ всякихъ слѣдовъ барбаризмовъ. 2) Если бы авторъ былъ Галль, то о немъ упомянулъ бы Геннадій, „такой аккуратный рецензентъ (recensitor) писателей Галліи“.

Остается признать автора *De vocatione* итальянцемъ, за его итальянское происхождение говоритъ чистый, правильный языкъ. Кромѣ этого, въ самой книгѣ есть указаніе на мѣсто его родины. Во II книгѣ 33 л. говорится: „варвары, помогая римлянамъ, научились въ *нашихъ* (nostris) странахъ тому, чего не могли узнать въ своихъ мѣстахъ“. Вѣроятность еще болѣе увеличится, если мы прибавимъ, что это сочиненіе не цитовалось ни однимъ африканскимъ писателемъ; въ Галліи оно стало извѣстно только въ IX вѣкѣ (post annum octingentesimum); напротивъ, въ римской церкви оно цитовалось еще папой Геласіемъ, умершимъ въ 496 году, какъ сочиненіе „одного учителя церкви“, т. е. какъ сочиненіе всѣмъ извѣстное.

с) Какъ св. Левъ, такъ и авторъ *De vocatione* цитуютъ св. Писаніе по новому тогда переводу блаж. Иеронима. Это обстоятельство важно потому, что до половины 5 вѣка только очень не многіе кромѣ св. Льва пользовались этимъ переводомъ.

d) Св. Левъ и авторъ *De vocatione* одинаково учатъ о бла-

годати, при чемъ они пользуются одинаковыми терминами Кенель приводитъ цѣлыхъ два столбца цитатъ (см. Migne LV, 351—2).

е) Тотъ и другой имѣютъ одинаковыя мысли объ основаніи церкви римской и ея значеніи. Они оба считаютъ римскую церковь первой въ мірѣ. Оба согласны также, что существованіе всемірной римской имперіи имѣло только ту цѣль, чтобы христіанство могло безпрепятственно распространиться по всему міру. (Цитаты у Migne LV, 353—4).

ф) Самое главное или лучше (по выраженію Du-Pin IV 195) „единственное доказательство“ принадлежности De vocatione св. Льву составляетъ сходство языка. „Чрезвычайно удивляюсь, замѣчаетъ Кенель, что этого до сихъ поръ никто не замѣтилъ“. Онъ приводитъ 4 слишкомъ столбца (Migne LV, 355—9) разныхъ словъ и характерныхъ выраженій, одинаковыхъ у св. Льва и автора De vocatione.

Одно только препятствуетъ признать св. Льва авторомъ De vocatione, именно ни въ одномъ манускриптѣ оно не надписывается именемъ св. Льва. Но это не смущаетъ Кенеля. Онъ объясняетъ это обстоятельство такъ. Сочиненіе De vocatione анонимное. Имя автора, можетъ быть, извѣстное при его появленіи во 2-й четверти 5 вѣка, къ концу этого вѣка „совсѣмъ исчезло изъ памяти людей“.

„Сходство въ ученіи, одинъ и тотъ же предметъ рѣчи, одинъ и тѣ же ереси“, которыя преслѣдуетъ Просперъ и авторъ De vocatione—все это было причиною того, что въ нѣкоторыхъ кодексахъ оно приписано Просперу. Такимъ образомъ сочиненіе De vocatione omnium gentium есть произведеніе св. Льва.

Что касается времени написанія его, то Кенель полагаетъ, что оно написано еще когда св. Левъ былъ діакономъ. Въ самомъ сочиненіи нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы онъ былъ уже епископомъ вѣчнаго города. Напротивъ, то смиреніе, какимъ проникнуть авторъ сочиненія, говоритъ скорѣе за то, что онъ во время его написанія былъ діакономъ. Если это такъ, то самымъ лучшимъ предположеніемъ будетъ то, что

св. Левъ написалъ его во время своей борьбы съ Палагіанствомъ и Полупелагіанствомъ при Сикстѣ III.

Цѣль, какую имѣлъ св. Левъ при написаніи это сочиненія состояла въ томъ, чтобы отвратить отъ Полупелагіанства своего друга Іоанна Кассіана, этого ревностнаго борца съ Несторіанствомъ, написавшаго противъ него, по побужденію св. Льва, свое извѣстное сочиненіе De Incarnatione.

Написавъ свое сочиненіе, св. Левъ, вѣроятно, отослалъ его Кассіану, по смерти послѣдняго оно было найдено между его бумагами, и какъ анонимное имѣющее большое сходство съ сочиненіями его знаменитаго антагониста, Проспера Аквитанскаго, оно и было приписано ему. Поэтому въ манускриптахъ оно болѣе всего подписывается именемъ Проспера.

Вотъ въ краткихъ чертахъ все, что сказалъ Кенель для доказательства принадлежности De vocatione omnium gentium св. Льву.

Но не замедлилъ явиться и противникъ Кенеля, аббатъ Антельми, который въ своемъ извѣстномъ сочиненіи De veris operibus ss. patrum Leonis Magni et Prosperi Aquitani dissertationes criticae доказывалъ, что сочиненіе De vocatione omnium gentium принадлежитъ не св. Льву, а Просперу Аквитанскому. Въ пользу своего мнѣнія Антельми приводитъ положительныя доказательства, опровергая, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказательства Кенеля.

а) Большинство манускриптовъ приписываютъ это сочиненіе Просперу, напротивъ нѣтъ ни одного, который бы приписывалъ его св. Льву.

б) Весьма важное значеніе Антельми придаетъ свидѣтельству Гинкмара, который приписываетъ это сочиненіе Просперу.

с) Не малое также значеніе онъ придаетъ слѣдующему мѣсту изъ Библіотеки Фотія (I, 54): „нѣкоторые свободно разсуждали о ереси въ самомъ Римѣ, когда еще на Римскомъ престолѣ былъ св. Левъ. Но они исчезли, когда нѣкто Просперъ, по истинѣ Божій человекъ, издалъ противъ нихъ сочиненіе“. Антельми полагаетъ, что „нѣкто Просперъ“ есть именно Просперъ

Аквитанскій и сочиненіе написанное Просперомъ противъ Пелагіанъ есть именно то, которое извѣстно намъ подъ названіемъ *De vocatione omnium gentium*.

d) Подобно тому, какъ Кенель старается доказать принадлежность *De vocatione* св. Лву на основаніи сходства въ ученіи, это же самое дѣлаетъ Антельми въ отношеніи къ Просперу.

e) Кенель старается доказать сходство языка между сочиненіями св. Льва и *De vocatione*; Антельми старается установить такое же сходство между сочиненіями Проспера и *De vocatione*.

f) Кенель говоритъ, что переводъ Библии блаж. Иеронима во время св. Льва, т. е., въ первой половинѣ 5 вѣка былъ еще мало распространенъ. Это по мнѣнію Антельми только предположеніе, которое нисколько не доказываетъ того, чего хочетъ Кенель. Какъ онъ ни мало былъ распространенъ, но имъ могъ пользоваться не только св. Левъ, но и Просперъ. Для доказательства того, что Просперъ дѣйствительно пользовался переводами Иеронима, Антельми приводитъ много сходныхъ текстовъ изъ его сочиненій и изъ *De vocatione*. (Много сходныхъ текстовъ приведено у Баллерини Migne LV, 377—378; къ сожалѣнію они не говорятъ самостоятельно-ли они приводятъ эти тексты, или пользуются Антельми).

g) Кенель утверждаетъ, что св. Левъ написалъ *De vocatione* съ тою цѣлію, чтобы отвратить отъ полупелагіанства своего друга Кассіана. Антельми считаетъ это предположеніе Кенеля натянутымъ. Если Іоаннъ Кассіанъ былъ приверженецъ полупелагіанства, то, по мнѣнію Антельми, св. Левъ, чловѣкъ православнаго образа мыслей, не могъ быть съ нимъ въ дружбѣ. Никакъ такъ же не могъ св. Левъ поручить лицу не православнаго образа мыслей такое важное дѣло, какъ опроверженіе несторіанства. Это порученіе св. Льва, по Кенелю, относится къ 432—3, т. е., около того-же времени, когда онъ, по его-же мнѣнію, написалъ противъ Кассіана свое *De vocatione*. Такимъ образомъ выходитъ, съ одной стороны св. Левъ поручаетъ Кассіану, какъ чловѣку вполне благонадежному,

опроверженіе несторіанства, съ другой, противъ этого-же благонадежнаго лица пишетъ сочиненіе, въ которомъ уличаетъ его въ неправославномъ образѣ мыслей.

h) Но если, предположимъ, что *De vocatione* написалъ Просперъ, то какаѣ цѣли были у него скрывать свое имя? Манускрипты показываютъ, что это сочиненіе было анонимное. Антельми на это отвѣчаетъ слѣдующимъ предположеніемъ. Въ 22 гл. *Liber contra Collatorem* (Migne, LI, 274) Просперъ писалъ, что онъ будетъ „избѣгать споровъ съ ложью“, т. е., по мнѣнію Антельми не будетъ болѣе писать противъ полупелагіанства. Это обѣщаніе и было причиной того, что Просперъ мало того, что скрылъ свое имя, но отчасти даже измѣнилъ самый языкъ и манеру изложенія.

Въ 1753—1757 г. вышло изданіе твореній св. Льва подъ редакціей братьевъ Баллерини.

Въ своемъ изданіи братья Баллерини отвергли мнѣнія Кенеля и Антельми. Въ критикѣ этихъ мнѣній Баллерини пользуются аргументами Кенеля противъ Антельми и наоборотъ. Сопоставивъ эти два противоположныя мнѣнія, Баллерини пришли къ тому выводу, что сочиненіе *De vocatione* не можетъ принадлежать ни Просперу Аквитанскому, ни св. Лву. Мы не будемъ излагать самаго трактата Баллерини, такъ какъ это было-бы повтореніемъ почти всего, что сказано нами до сихъ поръ. Мы представимъ только общій выводъ, къ которому пришли Баллерини; его можно выразить слѣдующими положеніями Du-Pin IV, 199: 1) Сочиненіе *De vocatione omnium gentium* явилось сначала безъ имени автора; 2) Время его появленія должно отнести къ періоду отъ 430—496 г. (т. е. отъ времени возникновенія полупелагіонскихъ споровъ до первой цитаціи его Геласіемъ); 3) Во время Геласія сочиненіе это было извѣстно, но авторъ его вѣроятно не былъ извѣстенъ; 4) съ этихъ поръ въ манускриптахъ оно приписывается то Амвросію Медиолонскому, то Просперу; 5) достовѣрно, что Амвросію это сочиненіе не принадлежитъ; 6) нѣтъ достаточныхъ основаній приписывать его Просперу Аквитанскому; 7)

нѣтъ также достаточныхъ основаній приписывать это сочиненіе св. Льву; 8) авторъ этого сочиненія никогда не былъ извѣстенъ и теперь трудно рѣшить, кто могъ написать его.

Баллерини сказали послѣднее слово относительно автора этого сочиненія. Послѣ нихъ никто не сказалъ чего нибудь новаго, оригинальнаго. Ученымъ оставалось только стать или на ихъ сторону, или на сторону Кенеля или Антельми, что они и дѣлаютъ.

Это разногласіе мнѣній показываетъ, что вопросъ о принадлежности или непринадлежности De vocatione св. Льву при существующихъ данныхъ не можетъ быть рѣшенъ окончательно въ томъ или другомъ смыслѣ.

И. Дроздовъ.

(Окончаніе будетъ).

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ ВОЛОСОВСКО-ФЛОССОФСКІЙ

Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 Ноября 1897 года.

Цензоръ Протоіерей Павелъ Солтисъ.

СВ. ЛЕВЪ ВЕЛИКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЕНІЯ.

(Окончаніе *).

Epistola ad Demetriadem. (Письмо къ Деметриадѣ).

Epistola ad Demetriadem въ первый разъ напечатано 1492 г. въ изданіи твореній св. Амвросія Медиоланскаго. Здѣсь оно помѣщено между подлинными письмами этого о. церкви. Впослѣдствіи въ изданіи 1581 г. оно было опущено, какъ не подлинное. Причиной этого было то, что въ немъ идетъ рѣчь о Пелагіанахъ, появившихся послѣ смерти св. Амвросія.

Іоаннъ Сотелль (Sotellis) въ своемъ изданіи 1665 г. приписалъ это сочиненіе Просперу Аквитанскому, хотя у него и не было ни одного манускрипта, который-бы усвоилъ ему это сочиненіе. Сотелль руководился „главнымъ образомъ сходствомъ языка“. Не было и впослѣдствіи найдено, чтобы лучшіе и древнѣйшіе манускрипты приписывали его Просперу (Migne X, 123—5).

Мнѣніе Сотелла было господствующимъ до Кенеля, который первый возсталъ противъ него и приписалъ Epistola ad Demetriadem св. Льву (LV т. Migne). Кенель проводитъ слѣдующія основанія для своего мнѣнія: а) Св. Писаніе цитируется по переводу бл. Іеронима (примѣры у Migne LV, 413). Этотъ аргументъ Кенель считаетъ „сильнымъ“. Вслѣдствіе своей рѣдкости, этотъ переводъ едва ли былъ употребляемъ какимъ-либо другимъ авторомъ, кромѣ св. Льва.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1897 г., № 21.

b) Языкъ письма къ Деметриадѣ очень близокъ къ языку подлинныхъ сочиненій св. Льва. Для доказательства Кенель приводитъ много словъ и фразъ, общихъ св. Льву и письму къ Деметриадѣ (примѣры у Migne LV, 418).

c) Встрѣчается много мыслей общихъ св. Льву и письму къ Деметриадѣ, напр. о козняхъ діавола противъ принявшихъ крещеніе, о Мелхиседекѣ, о законахъ и благодати и проч. (Цитаты у Migne LV, 414—8).

d) Авторъ этого письма Италианецъ, какимъ былъ св. Левъ. Африканцемъ авторъ быть не могъ; онъ не упоминаетъ объ Августинѣ, хотя и есть къ этому поводъ. Такъ говоря о храненіи дѣвства, онъ не говоритъ ни слова объ увѣщаніяхъ Августина, относительно того же предмета. И такъ авторомъ этого письма былъ „Италианецъ, жившій далеко отъ Африки“. На основаніи же нѣкоторыхъ мѣстъ письма можно заключить, что авторъ его былъ „питомцемъ Римской церкви“. Такъ, „сравнивая о славѣ апостольскаго престола, онъ утверждаетъ, что апостольскій престолъ былъ примѣромъ для всѣхъ, какъ для священниковъ, такъ и народа въ отвращеніи отъ нечестія Пелагианскаго ученія“. Между тѣмъ это письмо (первенство) должно бы принадлежать африканскимъ епископамъ, которые первые подняли знамя противъ Пелагія“.

e) Не мало располагаетъ къ признанію авторомъ этого письма св. Льва и то обстоятельство, что св. Левъ былъ съ Деметриадой съ дружественныхъ отношеній. Phatina и Breviarium Romanum свидѣтельствуютъ, что Деметриада построила въ Римѣ церковь въ честь св. Стефана. Въ Италію Деметриада переселилась изъ Африки. Время переселенія Кенель относитъ къ 427 г., когда часть Африки была завоевана Вандалами. Въ Римѣ Деметриада познакомилась съ св. Львомъ, который былъ тогда еще архидіакономъ. А на архидіаконахъ лежала тогда между прочимъ обязанность „наблюдать за монахинями и руководить ихъ въ достиженіи совершенства“. Въ числѣ порученныхъ наблюденію св. Льву была между прочимъ и Деметриада. „Св. Левъ не отказался отъ возложеннаго на него бремени, и написалъ это превосходное письмо“, цѣль котораго научить Деметрияду смиренію и предупредить ее относительно

Пелагианства, съ которымъ она могла познакомиться отъ Юліана Екланскаго.

f) Письмо это не принадлежитъ Просперу, какъ думали до сихъ поръ т. е. до Кенеля. Заглавіе письма: Prosper episcopus sacrae virginis Demetriadi—позднѣйшая прибавка.

a) Если-бы это письмо было написано Просперомъ, то онъ упомянулъ бы объ Августинѣ.

Въ своихъ сочиненіяхъ Просперъ постоянно упоминаетъ имя бл. Августина, предъ которымъ онъ благоговѣлъ. Между тѣмъ въ письмѣ къ Деметриадѣ, какъ намъ уже извѣстно, нѣтъ никакого упоминанія о немъ, хотя и есть къ этому поводъ.

f) Что письмо не принадлежитъ Просперу—это показываетъ и отличіе языка письма отъ сочиненій, несомнѣнно принадлежащихъ Просперу.

g) Намъ извѣстно, что авторъ письма приписываетъ честь пораженія Пелагианства Римской церкви. Просперъ, напротивъ, приписываетъ эту честь африканской церкви.

Противникъ Кенеля Антельми въ извѣстномъ уже намъ сочиненіи De veris operibus SS. patrum Leoni Magni et Prosperi Aquitani приписалъ это письмо Просперу Аквитанскому и такимъ образомъ опять возстановилъ мнѣніе Сотелла. Судя по изложенію его доказательства у Du-Pin, (IV, 202—3), ¹⁾ Антельми ничего не сказалъ новаго въ сравненіи съ Сотелломъ. Главный его аргументъ, какъ и у того, состоитъ въ сходствѣ языка, котораго очень многіе ученые совсѣмъ не находятъ. Во всякомъ случаѣ Кенель, нашедшій сходство языка этого письма съ языкомъ сочиненій св. Льва, былъ не менѣ правъ, чѣмъ онъ. Вообще доказательства, основанныя на сходствѣ языка всегда болѣе или менѣ шатки, особенно если эти доказательства приводятся по методу Кенеля, чему подражаетъ и Антельми. Методъ этотъ состоитъ въ томъ, что подмѣчаются и вписываются сходныя слова, фразы, тексты св. Писанія, изреченія и проч. Чѣмъ больше сходныхъ словъ между двумя сочиненіями, тѣмъ болѣе вѣроятности, что они написаны однимъ авторомъ. Въ этомъ методѣ есть, конечно, нѣчто правдо-

¹⁾ Въ трактатѣ Баллерини о epistola ad Demetriadem (помѣщ. въ LV т. Migne) почти ничего не говорится о мнѣніи Антельми.

подобное. Но ему нельзя придавать столько значенія, сколько придалъ Антельми при доказательствѣ принадлежности письма къ Деметриадѣ Просперу Аквитанскому. Сходныя слова и фразы всегда найдутся въ двухъ сочиненіяхъ, совершенно различныхъ авторовъ, а потому и пользоваться этимъ сходствомъ при доказательствахъ принадлежности или непринадлежности какого-либо сочиненія нужно съ крайней осторожностію. Въ данномъ же случаѣ самое сходство подвержено большимъ сомнѣніямъ.

Понятно отсюда, на сколько незначителенъ этотъ аргументъ Антельми. Но Антельми нужно было не только доказать свое мнѣніе; ему нужно было еще опровергнуть своего противника Кенеля. Всѣ опроверженія Антельми, направленные имъ противъ Кенеля, Du Pin IV, 202—3 считаетъ настолько мало-важными, что на нихъ совсѣмъ не стоитъ останавливаться ¹⁾.

Такимъ образомъ Антельми въ сущности не опровергъ Кенеля и не привелъ какихъ нибудь важныхъ и новыхъ доказательствъ въ свою пользу. Перевѣсь безъ сомнѣнія оставался на сторонѣ Кенеля. Ученые раздѣлились. Одни (Du-Pin IV, 202—3) болѣе склонялись на сторону Кенеля, другіе (Cellier XIII, 465) на сторону Антельми.

Въ такомъ положеніи дѣло было до появленія изданій твореній св. Льва братьями Баллерини. Баллерини не стали ни на ту, ни на другую сторону. По ихъ мнѣнію Epistola ad Demetriadem не можетъ принадлежать ни св. Льву, ни Просперу. Авторъ его неизвѣстенъ.

Что Epistola ad Demetriadem не принадлежитъ Просперу,—это, по мнѣнію Баллерини, вполне удовлетворительно доказалъ Кенель.

По этому они посылаютъ интересующагося этими вопросами къ трактату Кенеля ²⁾. Согласившись съ Кенелемъ въ томъ,

¹⁾ Мы не приводимъ эти опроверженія, такъ какъ они (по крайнѣй мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ излагается у Du Pin IV, 202—3) дѣйствительно очень мало разъясняютъ дѣло.

²⁾ Поэтому-же, вѣроятно, они не сочли нужнымъ распространяться о доказательствахъ Антельми въ пользу принадлежности этого письма Просперу Аквитанскому. Они рѣшили сказать о нихъ только „нѣчто“ (nonnulla). Это „нѣчто“ заключаетъ въ себѣ ровно 17½ строкъ (Migne LV, 430), гдѣ о доказательствахъ Антельми сказано дѣйствительно только „нѣчто“, ничего особеннаго въ себѣ не заключающее.

что это письмо не принадлежитъ Просперу, Баллерини, какъ мы уже сказали, не согласны приписать его и св. Льву. Доказательства Кенеля имъ кажутся мало убѣдительными. Вотъ ихъ соображенія: а) Кенель предполагаетъ, что въ первой половинѣ V вѣка изъ извѣстныхъ писателей только св. Левъ употреблялъ переводъ Иеронима. Баллерини указываетъ, что этимъ же переводомъ пользовался и другой современникъ св. Льва.

б) Встрѣчающіяся у св. Льва и въ письмѣ къ Деметриадѣ одинаковыя мысли „ничего не доказываютъ“. Одинаковыя мысли всегда могутъ встрѣтиться у двухъ совершенно разныхъ писателей.

в) Сходство языка письма съ подлинными сочиненіями св. Льва Баллерини кажется не настолько близкимъ какъ это думаетъ Кенель.

г) Кенель доказываетъ, что писатель былъ „питомцемъ Римской церкви“, такъ какъ онъ ставитъ ее выше всѣхъ церквей и говоритъ, что она первая поразила ересь Пелагианскую. Но Баллерини замѣчаютъ, что это могъ сказать и Просперъ и приводятъ цитаты (у Migne LV, 426).

е) Кенель полагаетъ, что письмо написано св. Львомъ еще тогда, когда онъ былъ діакономъ. Отсюда проистекаетъ то смиреніе автора, которое мы видимъ въ письмѣ. Баллерини стараются доказать, что это письмо къмъ либо написано въ то время, когда св. Левъ былъ уже епископомъ.

Это, по ихъ мнѣнію, видно изъ того, что въ письмѣ говорится о Пелагианѣхъ, которые стараются между православными скрыть свое заблужденіе. Такихъ Пелагианъ особенно было много въ правленіе римскою церковію св. Льва, какъ это видно изъ его писемъ (I. II. XVIII). Этотъ аргументъ, впрочемъ, нельзя признать особенно важнымъ.

Пелагианъ, скрывающихъ свое заблужденіе, было довольно и до правленія св. Льва. Стоитъ только припомнить, что при Сикстѣ, Юліанъ Екланскій, тогдашній глава Пелагианъ, едва не былъ принятъ въ церковное общеніе. Если это не случилось, то только благодаря ходатайству св. Льва предъ Сикстомъ.

Баллерини обращаютъ вниманіе на чрезвычайное смиреніе.

автора, на то, что онъ считаетъ нужнымъ говорить о своемъ почтеніи къ ней. По ихъ мнѣнію, это могло быть прилично развѣ въ устахъ какого-нибудь монаха, или простого мірянина, а никакъ не св. Льва. Что св. Левъ не могъ говорить такъ, будучи епископомъ, въ этомъ всякій убѣдится по прочтеніи хотя нѣсколькихъ его писемъ, которыя всѣ проникнуты сознаніемъ достоинства и власти, данной Богомъ епископу вѣчнаго города. Не могъ такъ писать св. Левъ и будучи архидиакономъ Римской церкви. Наблюденіе надъ монахинями было его обязанностію (думаетъ Кенель) и потому и смиряться такъ ему не было особеннаго повода. „Такимъ образомъ, заключаетъ Баллерини, нѣтъ ничего, что бы заставило приписать это письмо св. Льву; напротивъ есть нѣчто такое, на основаніи чего можно думать, что оно ему не принадлежитъ... Поэтому мы рѣшили отнять его у св. Льва и Проспера, и приписать неизвѣстному автору“.

Послѣдующіе ученые мало обращаютъ вниманія на письмо къ Деметриадѣ. Обыкновенно они стоятъ на сторону Баллерини. И дѣйствительно съ заключительными словами Баллерини нельзя не согласиться.

Praeteritorum sedis apostolicae episcoporum auctoritates.
(Опредѣленія прежнихъ епископовъ апостольскаго престола).

Это сочиненіе носитъ не одно только выписанное нами заглавіе. Оно цитировалось еще подъ названіемъ: *Regulae apostolicae sedis; compendiosus indiculus, decreta, vel epistolae Coelestini papae ad Gallos*, иногда просто *Capitula*.

Начиная съ VI вѣка *Capitula* (мы будемъ такъ называть это сочиненіе) обыкновенно приписывалось папѣ Целестину на томъ основаніи, что въ сборникѣ Діонисія Малаго оно присоединено было къ письму папы Целестина къ Галльскимъ епископамъ (*Epistola ad Gallos*). Дѣло въ томъ, что въ письмѣ Целестина говорится о томъ же предметѣ, что и въ *Capitula*, именно о Полупелагианахъ. Письмо Целестина было послано въ Галлію съ цѣлью убѣдить сомнѣвающихся въ согласіи римской церкви съ ученіемъ Августина. Содержаніе *Capitula* очень

подходило къ этому: здѣсь на основаніи декретовъ предыдущихъ папъ доказывалось, что римская Церковь была всегда согласна съ блаженнымъ Августиномъ. *Capitula* были какъ бы доказательствомъ того, что было написано въ письмѣ Целестина. Руководясь этимъ сходствомъ содержанія, Діонисій въ своемъ сборникѣ поставилъ ихъ рядомъ. Впрочемъ кромѣ сходства въ содержаніи, Діонисій могъ еще руководиться другимъ обстоятельствомъ. *Capitula* хранились въ римскомъ архивѣ. Объ этомъ свидѣлствуетъ папа Гармизда ¹⁾.

Можетъ быть даже, какъ предполагаетъ Баллерини (*Migne LV, 410*), что *Capitula* и письмо Целестина къ Галльскимъ епископамъ были въ архивѣ соединены вмѣстѣ. Но не смотря на это, прежніе писатели напрасно думали, будто Діонисій Малый приписывалъ *Capitula* Целестину. Это ясно видно изъ того, что въ надписи надъ этимъ сочиненіемъ онъ не упоминаетъ имени Целестина, какъ это дѣлаетъ при всякомъ другомъ случаѣ въ своемъ сборникѣ, указывая имя того или другого писателя. Наконецъ, намъ извѣстно, что въ одномъ древнемъ римскомъ сборникѣ, содержащемъ въ себѣ догматическія опредѣленія римскихъ епископовъ, письмо папы Целестина приводится одно, безъ *Capitula*, чего не могло быть, если-бы они принадлежали Целестину и составляли часть его письма къ Галльскимъ епископамъ.

Гораздо вѣроятнѣе, повидимому, предположеніе Кенеля, что авторомъ *Capitula* былъ св. Левъ: „Меня, можетъ быть, упрекнуть, говоритъ онъ, въ излишней смѣлости, за мое рѣшеніе (приписать *Capitula* св. Льву). Я осмѣлился (приписать ему это сочиненіе) не имѣя на своей сторонѣ ни авторитета манускриптовъ, ни примѣра прежнихъ изданій, ни предположеній писателей древнихъ и новыхъ“.

Кенель полагаетъ, что сочиненіе это было написано при папѣ Целестинѣ, когда еще, слѣдовательно, св. Левъ былъ диакономъ. Поводомъ къ этому послужило прибытіе въ Римъ Проспера Аквитанскаго. Цѣль прибытія послѣдняго заключалась въ томъ, чтобы, испросить у папы Целестина помощь противъ

¹⁾ Ep. 70 ad. Possessorem.

остатковъ Пелагіанства въ Галліи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно (ut par est crederere), Просперъ сообщилъ о заблужденіи друга св. Льва, Іоанна Кассіана, о нападеніяхъ его на ученіе блаженнаго Августина. При этомъ Просперъ сообщилъ еще о томъ, что въ Галліи распространенъ Полупелагіанами слухъ, будто апостольскій престолъ несочувственно относился и относится къ ученію блаженнаго Августина. Это сообщеніе побудило папу Целестина тщательно изслѣдовать архивъ, гдѣ хранились декреты прежнихъ римскихъ первосвященниковъ, чтобы на основаніи этихъ послѣднихъ доказать, что апостольскій престолъ всегда былъ на сторонѣ знаменитаго Иппонскаго епископа. Разслѣдованіе было поручено св. Льву, на обязанности котораго, какъ архидіакона, лежало наблюденіе за архивомъ. Результатомъ этого порученія и были *Capitula*, которые были даны Просперу въ руководство при опроверженіи полупелагіанства. Таково, по мнѣнію Кенеля, происхожденіе *Capitula*.

Но при своемъ появленіи это мнѣніе встрѣтило мало сочувствія. Оно всѣмъ казалось очень смѣлымъ, недостаточно обоснованнымъ и искусственнымъ. Всѣмъ было ясно, что Кенель, въ сущности, приводитъ только два доказательства. Сходство языка *Capitula* съ языкомъ подлинныхъ сочиненій св. Льва и сходство въ предметѣ рѣчи и манерѣ изложенія съ *De vocatione omnium gentium*. Первое имѣло-бы еще значеніе, если-бы второе было важнымъ доказательствомъ. Но это послѣднее таковымъ признать нельзя, такъ какъ оно само покоится на предположеніи, что *De vocatione omnium gentium* принадлежитъ св. Льву—предположеніе, съ которымъ большинство не согласилось.

Гораздо болѣе сочувствія встрѣтило мнѣніе извѣстнаго противника Кенеля, аббата Антельми, приписавшаго это сочиненіе Просперу Аквитанскому. Антельми полагаетъ, что Просперъ получилъ порученіе отъ Целестина написать сочиненіе противъ пелагіанства въ защиту бл. Августина. Въ пользу такого пониманія Антельми приводитъ свидѣтельство Гинкмара Реймскаго, который говоритъ „о декретѣ папы Целестина, въ которомъ заключалось порученіе, чтобы блаженный Просперъ побѣдилъ и подавилъ возникшую въ Галліи ересь при помощи

авторитета св. писанія и ученія Августина (Du-Pin, IV, 35). Порученіе Просперу со стороны папы Целестина такимъ образомъ несомнѣнно. Результатомъ этого порученія должно было быть со стороны Проспера какое либо сочиненіе. По мнѣнію Антельми, самое подходящее для этого случая сочиненіе—*Capitula*.

Баллерини соглашались съ мнѣніемъ Антельми относительно принадлежности *Capitula* Просперу, но они приписываютъ *Capitula* Просперу главнымъ образомъ потому, что они имѣютъ очень большое сходство съ его сочиненіемъ *Liber contra Collatorem*, гдѣ приводятся почти тѣже свидѣтельства папъ: Иннокентія, Зосимы и африканскихъ епископовъ, что и въ *Capitula*. Баллерини кажется даже, что *Capitula* суть ни что иное какъ сокращеніе *Liber contra Collatorem*. Цѣль этого сочиненія, по мнѣнію Баллерини, та, чтобы показать согласіе ученія, находящагося въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Августина, съ ученіемъ апостольскаго престола. Написано оно вѣроятно при Сикстѣ или въ послѣдніе годы Целестина.

У послѣдующихъ ученыхъ замѣтно довольно значительное колебаніе между мнѣніемъ Кенеля и мнѣніемъ Антельми и Баллерини, переходящее въ недовѣріе то къ тому, то къ другому. Du-Pin (IV, 36), изъ разсмотрѣнія изложенныхъ нами мнѣній, дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „*Capitula*, можетъ быть, дѣйствительно не составлены самимъ Целестиномъ, но и принадлежность ихъ Просперу, который какъ говорятъ, былъ секретаремъ папы Целестина, или св. Льву, который какъ архидіаконъ кажется такъ же исполнялъ эту должность,—есть простая догадка, не имѣющая въ свою пользу ни одного свидѣтельства, заслуживающаго довѣрія, и потому не имѣющая твердой почвы“. Не смотря на всѣ эти неудачи, ученые не оставляли все-таки попытокъ къ рѣшенію вопроса объ авторѣ *Capitula*, но эти попытки тоже не увѣнчались успѣхомъ. По мнѣнію Арента дѣло было такъ: „Когда Просперъ прибылъ изъ Галліи въ Римъ съ просьбой о помощи со стороны римской каѳедры противъ размножающагося полупелагіанства, то папа поручилъ св. Льву разслѣдованіе и рѣшеніе этого дѣла. Левъ тщательно изслѣдовалъ ученіе полупелагіанъ и результаты представилъ Просперу, который воспользовался ими въ своемъ сочиненіи *tria capitula de gra-*

tia et libero arbitrio, которыя дошли до насъ подъ названіемъ auctoritates sedis apostolicae episcoporum de gratia et libero arbitrio“. Этого-же мнѣнія, выраженнаго почти тѣми же словами, держится и г. Пѣвницкій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о св. Львѣ. Разница только въ томъ, что г. Пѣвницкій, допускаетъ, что Capitula могли быть написаны св. Львомъ „вмѣстѣ съ Просперомъ Аквитанскимъ“. (III р. К. Д. Акад. 1871, I. 14).

Сравнивая мнѣнія Арендта и г. Пѣвницкаго съ предыдущими, мы не можемъ не замѣтить, что они въ сущности сходны съ мнѣніемъ Кенеля. Новыхъ аргументовъ, кромѣ тѣхъ, которые представилъ Кенель, эти ученые никакихъ не представляютъ. Ничего новаго не говорятъ и другіе критики, напримѣръ Пертель. Вопросъ слѣдовательно остается открытымъ.

Breviarium adversus Arianos (Перечень опредѣленій противъ арианъ).

Сочиненіе это въ нѣкоторыхъ манускриптахъ (Migne LV, 179) приписывается св. Льву подъ заглавіями: *Disputatio sanctissimi Leonis papae in haereticos; Breviarium papae adversus haereticos sive schismaticos*. Въ первый разъ оно обнародовано Сирмондомъ (Migne LV, 187). Въ манускриптахъ, по которымъ Сирмондъ издалъ это сочиненіе, оно не приписывается св. Льву, но находится между его сочиненіями подъ заглавіемъ: *Breviarium adversus Arianos* или *Breviarium adversus haereticos*.

Это послѣднее обстоятельство дало поводъ Сирмонду предположить, что найденный и обнародованный имъ *Breviarium adversus Arianos*, принадлежитъ неизвѣстному автору и есть не иное что, какъ *Breviarium fidei*, о которомъ говорится въ (CXIII, 3) письмѣ св. Льва къ Юліану Косскому. Въ этомъ письмѣ св. Левъ жалуется Юліану, что имъ еще не полученъ посланный ему этимъ послѣднимъ *Breviarium fidei*. Но Кенель противопоставилъ этому мнѣнію свое, болѣе правдоподобное. Онъ замѣчаетъ, что найденный Сирмондомъ *Breviarium*, „правда, ревностно защищаетъ православное ученіе, но, не смотря на это, кажется, не настолько былъ важенъ, что-бы его нуж-

но было посылать съ востока въ Римъ къ ученѣйшему первосвященнику Льву, тѣмъ болѣе, что въ немъ авторъ нападаетъ болѣе на арианъ, о которыхъ тогда мало говорили, чѣмъ на евтиханъ, тогда занимавшихъ каѳедры православныхъ епископовъ“. „Я почти убѣжденъ, — продолжаетъ Кенель, — что этотъ *Breviarium fidei*, посланный Юліаномъ, есть ничто иное какъ самое опредѣленіе Халкидонскаго собора (въ 5 дѣянїи) или *tractatus fidei* какъ онъ часто называется“ (Migne LV, 1434—5). Баллерини другого мнѣнія, чѣмъ Кенель.

Дѣло въ томъ, что опредѣленіе, находящееся въ 5 дѣянїи, называется *tractatus fidei*, а не *breviarium* оного. Поэтому Баллерини считаютъ болѣе вѣроятнымъ признать, что св. Левъ этимъ именемъ называетъ „Compendium 3 и 6 дѣянїя Халкидонскаго собора“. Такіе *compendium*’ы были найдены въ нѣкоторыхъ древнихъ манускриптахъ (Migne LV, 1434). Такимъ образомъ *Breviarium*, обнародованный Сирмондомъ, представляетъ изъ себя совсѣмъ другое, чѣмъ тотъ, о которомъ говоритъ св. Левъ.

На основанїи данныхъ, находящихся въ самомъ *Breviarium*’н, можно съ нѣкоторой долею вѣроятности опредѣлить время и мѣсто происхожденія этого сочиненія.

Авторъ *Breviarium*’а возстаетъ противъ повторенія крещенія у арианъ. „Если испеченный хлѣбъ, говоритъ онъ, размочить и опять испечь, то онъ превратится въ землю; подобнымъ образомъ поступаетъ и тотъ, кто позволяетъ повторять надъ собой крещеніе.

Обычай повторять крещеніе у арианъ особенно былъ распространенъ въ половинѣ V вѣка и главнымъ образомъ въ Африкѣ. Сравненіе обычая повторять крещеніе съ дважды испеченнымъ хлѣбомъ приписывается Викторомъ Виттенскимъ (Victor Vitensis) въ его сочиненїи *De persecutione Vandolica* кн. 1-я (у Migne LVIII) Комиту Себатіану. Это сравненіе было высказано Себастіаномъ Гензериху, предводителю Вандаловъ около 449 г. Остроумное сравненіе это было извѣстно во всей Африкѣ. Авторъ *Breviarium*’а внесъ сравненіе Себастіана въ свое сочиненіе.

На основанїи всего этого можно предполагать, что *Brevia-*

rium adversus Arianos, написанъ около половинѣ V вѣка какимъ-нибудь африканцемъ.

Цѣль сочиненія обличеніе арианъ, которые тогда въ лицѣ Вандаловъ овладѣли Африкою (*Migne ibid.*).

Иезуитъ Хифлецій (*Chiphletius*) приписалъ это сочиненіе диакону Алкуину, автору сочиненія *tres libri de Trinitate*.

Но 1) повтореніе крещенія у Арианъ не соотвѣтствуетъ времени Алкуина; 2) языкъ *Breviarium*'а отличается отъ языка Алкуина; 3) объясненіе нѣкоторыхъ текстовъ св. писанія не соотвѣтствуетъ времени Алкуина.

Остается затѣмъ необъясненнымъ одно обстоятельство. Именно, почему въ однихъ манускриптахъ это сочиненіе находится между сочиненіями св. Льва, а въ другихъ прямо приписывается ему. Баллерини на это прямо заявляютъ, что этого рѣшить они не могли за недостаткомъ свѣдѣній (*Migne LV, 182*). Заявленіе Баллерини имѣетъ силу и въ настоящее время. Во всякомъ случаѣ, на основаніи однихъ тѣхъ показаній манускриптовъ, какія имѣются въ настоящее время, нельзя приписать его св. Льву, особенно если принять во вниманіе замѣченную учеными разницу языка *Breviarium*'а и сочиненій св. Льва и соображенія объ африканскомъ происхожденіи автора.

Liber sacramentorum ecclesiae Romanae. (Книга священнодѣйствій Римской церкви).

Это есть богослужебный сборникъ, который въ первый разъ изданъ былъ въ 1735 году Иосифомъ Бланхини (*Rlanchini*), подъ заглавіемъ: *Codex sacramentorum vetus Romanae Ecclesiae a S. Leone papa confectus primum prodite ms. libro ante mille annos conscripto, qui extat in bibliotheca amplissimi Capituli Veronensis*. Къ сожалѣнію этотъ *Codex* Бланхини не былъ цѣлымъ; онъ не имѣлъ начала (отъ января до апрѣля). Что касается того, что онъ былъ приписанъ св. Льву, то это было личное мнѣніе издателя, встрѣтившее очень мало сочувствія. (*Migne LV, 10*). Впрочемъ въ послѣдствіи (1748 г.) Акамій защищалъ это мнѣніе. Послѣдующіе ученые относили его къ различнымъ временамъ, и приписывали его: 1) св. Льву (440—461); 2) Феликсу III (483—492); 3) Геласію (492—496); 4) ко второй половинѣ V вѣка и 5) къ половинѣ VI вѣка.

Это разнообразіе предположеній относительно времени происхожденія сакраментарія ясно показываетъ, какъ трудно рѣшить этотъ вопросъ болѣе или менѣе положительнымъ образомъ.

Св. Льву приписывали этотъ сакраментарій на слѣдующихъ основаніяхъ: а) языкъ многихъ молитвъ сходенъ съ языкомъ сочиненій св. Льва; б) упоминается о ересьхъ Несторія и Евтихія, съ которыми боролся св. Левъ; в) говорится объ обращеніи или изгнаніи Манихеевъ, что имѣло мѣсто во время его правленія; г) говорится о заблужденіи Пелагіанъ, съ которыми онъ не мало боролся и писалъ (?); е) говорится о разрушеніи и опустошеніи города. Во время правленія св. Льва было два непріятельскихъ нашествія: Гунновъ и Вандаловъ. Все это совершенно справедливо. Только изъ этого не нужно выводить болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что всѣ молитвы, въ которыхъ есть упоминаніе о несторіанахъ, евтихіанахъ, манихеехъ, пелагіанахъ, опустошеніи города и нѣкоторыя другія, принадлежатъ св. Льву. Но отсюда не слѣдуетъ, что весь сборникъ есть его произведеніе, не слѣдуетъ даже, чтобы св. Левъ собралъ всѣ эти службы какъ его собственныя, такъ и другихъ авторовъ въ одинъ сборникъ. Напротивъ есть основанія и довольно вѣскія предполагать, что составителемъ этого сакраментарія не былъ не только св. Левъ, но и вообще никто изъ римскихъ первосвященниковъ, а какое-нибудь частное лицо.

Въ пользу этого говорить самый характеръ сборника. Въ немъ нѣтъ опредѣленнаго плана; службы часто перемѣшаны, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣтъ довольно важныхъ молитвъ. Часто двѣ службы соединены вмѣстѣ безъ всякой видимой цѣли; иногда выставлены одни заглавія, а самыя службы опущены (примѣры у Баллерини *Migne IV, 13—16*). Все это показываетъ, что этотъ сакраментарій не былъ официальнымъ сборникомъ службъ. Такой характеръ дѣлаетъ его приличнымъ частному человѣку, руководившемуся или случаемъ, или какими-либо своими собственными соображеніями; но онъ совсѣмъ неприличенъ римскому первосвященнику, сборникъ котораго всегда долженъ имѣть болѣе или менѣе официальное значеніе.

Не мало говорить противъ мнѣнія, будто св. Левъ былъ

авторомъ этого сакраментарія, и то обстоятельство, что въ немъ есть молитвы позднѣйшаго происхожденія, напримѣръ, молитва за папу Симплиція (468—483).

Намъ остается сказать о самыхъ молитвахъ и службахъ, приписываемыхъ св. Льву. Разсматривая ихъ, нельзя не сознаться, что нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно могутъ быть приписаны св. Льву. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ значительное сходство съ его рѣчами и письмами (напр. LV; 41; 58); нѣкоторыя содержатъ указанія на такія событія, которыя были во время его правленія, напр. *contra inimicos catholicae professionis, contra imperatores* и др. (LV, 41—42). Но надобно согласиться и съ тѣмъ, что многія изъ приписанныхъ св. Льву молитвъ, могутъ быть призваны за его произведенія только съ очень большой натяжкой. Впрочемъ лица приписывающія (Баллерини, Кенель) не особенно настаиваютъ на этомъ, какъ показываютъ самыя выраженія ихъ, напр. *haec praefatio Leonis stylum praeferre videtur; a Leonis style non videtur abhorrere* и др. (LV, 29—30).

Если даже предположить, что въ сакраментаріи нѣтъ ничего, принадлежащаго св. Льву, то это не будетъ особенно большой потерей. Прочитавши приписываемыя ему мѣста, мы не нашли ничего, что бы намъ уже не было извѣстно изъ его рѣчей и писемъ, ничего, что бы дало новую, неизвѣстную доселѣ черту къ его характеристкѣ, какъ общественнаго и церковнаго дѣятеля, такъ и богослова—писателя.

Правда, отъ людей, подобныхъ св. Льву, дорога каждая оставшаяся строка; но если рядомъ съ этими строками, подлинность которыхъ не вполне достовѣрна, есть другія, не сомнѣнно принадлежащія ему, то, конечно, лучше воспользоваться только этими послѣдними и оставить въ сторонѣ первыя. Лучше пользоваться не многими, но достовѣрно-принадлежащими автору, чѣмъ многими, но подверженнымъ сомнѣнію въ подлинности.

Характеристика св. Льва.

Прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе о личности св. Льва, считаемъ не лишнимъ привести два совершенно противопо-

ложныхъ мнѣній о немъ западно-европейскихъ изслѣдователей его жизни и дѣятельности: Арендта и Пертеля.

Арендтъ считаетъ св. Льва „въ высшей степени достойнымъ названія Великаго“. Великимъ, говоритъ онъ, должно признать того человѣка, „который сосредоточиваетъ свои силы и дѣятельность на развитіи и проведеніи въ жизнь великой по истинѣ исторической идеи... А истинно историческая идея, продолжаетъ Арендтъ, та, которая лежитъ въ основаніи всего послѣдующаго хода историческаго развитія, составляетъ зародышъ всего послѣдующаго времени, становится цѣлю и задачей для исторіи культуры не только одного какого-либо народа, но всего человѣчества.

Св. Левъ, по мнѣнію Арендта, былъ великимъ именно въ такомъ смыслѣ. Это, по его словамъ, вполне будетъ ясно, если кратко разсмотрѣть состояніе церковныхъ дѣлъ, въ какомъ ихъ нашелъ св. Левъ и сравнимъ съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ онъ ихъ оставилъ.

Св. Левъ сосредоточилъ свои силы на проведеніи въ жизнь западнаго міра христіанства, которое съ самаго своего возникновенія было носителемъ новой жизни, новой цивилизаціи. Ко времени св. Льва христіанская церковь еще не рѣшила много самыхъ существенныхъ вопросовъ касательно ученія и іерархіи (подъ этимъ послѣднимъ терминомъ Арендтъ разумѣетъ вообще организацію церковнаго управленія). И св. Левъ оказалъ для церкви важныя услуги какъ а) въ ученіи, такъ и б) въ „іерархіи“.

Св. Левъ былъ однимъ изъ выдающихся богослововъ своего времени. Онъ выяснилъ и обосновалъ (?) одинъ изъ самыхъ важныхъ догматовъ христіанства—догматъ объ образѣ соединенія двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ. Его 28 посланіе стало въ основаніе вѣроопредѣленія четвертаго вселенскаго собора. Св. Левъ оказалъ громадную услугу и церковной іерархіи. Во время св. Льва форма церковнаго управленія при посредствѣ митрополитовъ уступила „болѣ совершенной“ формѣ управленія патріарховъ. Изъ патріарховъ въ первой половинѣ V вѣка особенно выдвинулся на востокъ Александрійскій. Когда вліяніе его въ лицѣ Діоскора, осужденнаго за евтихіанскую ересь, бы-

ло утрачено на церковныя дѣла восточной имперіи, на мѣсто его выдвинулся патриархъ Константинопольскій. Вліяніе Александрійскаго патриарха перешло къ нему. Задача св. Льва состояла въ томъ, чтобы заставить какъ восточную, такъ и западную церковь признать приматство римскаго епископа. Дѣйствительно, „благодаря усиліямъ св. Льва, Римская каедрa получила (будто-бы) вліяніе на всю церковь и приматство ея признано было всѣми“.

Таковы были, по мнѣнію этого католическаго писателя, заслуги св. Льва, доставившія ему названіе „Великаго“.

Протестантъ Пертель совершенно противоположнаго мнѣнія о личности св. Льва.

„Къ свойствамъ великаго человѣка“, говоритъ онъ, „по крайней мѣрѣ въ духовной области, должно принадлежать, безъ сомнѣнія, то, чтобы онъ былъ великъ и какъ человѣкъ. Разсматривая св. Льва, какъ человѣка вообще, мы должны сознаться, что онъ только въ незначительныхъ размѣрахъ, быть можетъ даже вовсе, не обладалъ тѣми свойствами, которыя бы сдѣлали его достойнымъ почетнаго названія „Великаго“. У него нигдѣ нельзя открыть величія въ убѣжденіяхъ (!), невольно вызывающаго удивленіе; нигдѣ (будто-бы) благородства души, побуждающаго самого врага, если не къ любви, то къ уваженію; нигдѣ той естественной простоты, которая болѣе велика и сильнѣе привлекаетъ сердца, чѣмъ всякая изысканность, искусственность. Вмѣсто этого онъ почти всюду обнаруживаетъ большую суетность, властолюбіе, строгость къ иномыслящимъ, которыхъ онъ старался преслѣдовать“.

Что св. Левъ не былъ великимъ; какъ человѣкъ, это, по мнѣнію Пертеля, ясно видно изъ его преслѣдованій Пресциллианъ, Манихеевъ, „несчастнаго старца“ Евтихія (еретика) и изъ его властолюбивыхъ притязаній къ Галльской, Африканской, Иллирійской и другимъ церквамъ.

Что св. Левъ не заслуживаетъ названія „Великаго“ и какъ ученый учитель церкви, это (будто-бы) вполне подтверждаютъ его сочиненія. Изъ его писемъ, конечно, самое выдающееся 28 догматическое посланіе. Но оно представляетъ изъ себя ни что иное, какъ „напрасную попытку рѣшить тайну воплощенія“.

На востокъ этому посланію „воскурили фиміамъ“ только потому, что оно понравилось врагамъ Евтихія и давало возможность Грекамъ продолжать борьбу. Что касается рѣчей св. Льва, то они „не представляютъ блистательнаго доказательства богатства мысли ихъ составителя“. Всѣ они кратки, написаны безъ всякой претензіи на ученость, поверхностны. Языкъ ихъ искусственный, по мѣстамъ запутанный, темный.

„Всего этого достаточно для доказательства, что св. Левъ и по своей учености не заслуживаетъ названія „Великаго“.

Такимъ образомъ два ученыхъ изслѣдователя жизни и дѣятельности св. Льва пришли къ совершенно противоположнымъ взглядамъ на его личность. Причина этого заключается въ томъ, что одинъ изъ нихъ, именно Арендтъ, католикъ, а потому и въ св. Левѣ видитъ одного изъ главныхъ столповъ симпатичной ему идеи папскаго приматства. Къ св. Льву онъ, конечно, не можетъ относиться иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ и сочувствіемъ, но своему уваженію онъ усвоетъ ультрамонтанскій смыслъ. Пертель напротивъ, протестантъ, идеѣ римскаго приматства не сочувствуетъ и это несочувствіе переноситъ и на св. Льва, котораго онъ, согласно съ Арендтомъ, считаетъ столпомъ папства.

Мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія вступать въ подробную полемику ни съ Арендтомъ, ни съ Пертелемъ. Ихъ характеристика св. Льва достаточно ясно и наглядно показываетъ ихъ пристрастіе и односторонность, зависящія отъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія.

При изложеніи жизни и дѣятельности св. Льва мы старались изобразить его именно такимъ, какимъ онъ является въ своихъ твореніяхъ, которыя представляютъ почти единственный и самый богатый источникъ для его характеристики и для исторіи его времени. Мы не старались оправдывать или защитить св. Льва отъ несправедливыхъ нареканій, или преувеличивать его достоинства, какъ это дѣлаютъ многіе ученые (Arendt, Saint-Sheron, профессоръ Пѣвницкій). Мы всегда видѣли во св. Левѣ человѣка, правда великаго, но все же человѣка. Но мы не можемъ, при этомъ, не замѣтить, что указываемые въ немъ протестантскимъ историкомъ недостатки

совершенно ложны. Мы видѣли, что его упрекаютъ во властолюбии и указываютъ при этомъ на его ученіе о приматствѣ римской каѳедры, на его поступки съ Иларіемъ Арелатскимъ, св. Анатоліемъ Константинопольскимъ, съ епископами африканской церкви, на его отношенія къ нѣкоторымъ другимъ. Но ученіе о приматствѣ не принадлежитъ только св. Льву. Это было преданіемъ римской церкви и св. Левъ считалъ себя обязаннымъ защищать его. Что касается его поступковъ съ Иларіемъ Арелатскимъ, Анатоліемъ и другими, то здѣсь, кажется, вводитъ историковъ въ соблазъ та ревность, стремительность, съ какой св. Левъ ведетъ борьбу съ своими противниками. Эта ревность, дѣйствительно, иногда заводила его слишкомъ далеко. Ему иногда приходилось раскаиваться въ своихъ поступкахъ (напр. съ Иларіемъ Арелатскимъ). Но вникая глубже въ мотивы, какъ разсматриваемыхъ теперь, такъ и другихъ его поступковъ, мы увидимъ, что св. Левъ всегда дѣйствовалъ съ полнымъ сознаниемъ своей правоты, съ полной увѣренностію, что дѣлать нужно именно такъ, а не иначе. При изложеніи его жизни и дѣятельности мы, кажется, достаточно рельефно выставили эту искренность и убѣжденность дѣйствій св. Льва. Мы старались такъ же, на сколько позволяли дошедшія до насъ свѣдѣнія, изложить и самые мотивы, по которымъ онъ дѣйствовалъ такъ или иначе. И мы должны сознаться, что эти мотивы никогда не были плодомъ суетности, личныхъ самолюбивыхъ и властолюбивыхъ расчетовъ; всѣ они имѣли основу, свой корень въ желаніи св. Льва послужить благу церкви и своей каѳедры; въ желаніи его въ цѣлости и неприкосновенности соблюсти вѣру св. церкви и ея преданія. Отсюда борьба его за честь своей каѳедры противъ, какъ онъ думалъ, „притязаній Иларія“ и Анатолія, „притязаній“, которыя ему казались несправедливыми и которыя онъ, не обинуясь, съ полнымъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ, называетъ „не позволительными, безчестными“. Отсюда его горячая и страстная борьба съ нечестіемъ разныхъ еретиковъ, при чемъ онъ иногда не можетъ достаточно найти словъ для выраженія къ нимъ своего полного презрѣнія и отвращенія. Его „преслѣдованія“ еретиковъ не суть плодъ его жестокости. Преслѣдова-

нія въ его глазахъ только мѣра къ исправленію зараженныхъ ересью и къ устраниенію еще не заразившихся. Въ своихъ письмахъ онъ часто убѣждаетъ восточнаго императора и константинопольскаго архіепископа щадить еретиковъ, смягчать вины ихъ, если есть извиняющія обстоятельства. Вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ св. Левъ былъ проникнутъ мыслию о величій и отвѣтственности своего служенія. Интересы вѣры и церкви были его собственными интересами. Изъ всѣхъ писемъ его нѣтъ ни одного, въ которомъ бы говорилось объ его личныхъ интересахъ; всѣ они написаны по поводу дѣлъ церковныхъ.

Св. Левъ есть первый римскій епископъ, отъ котораго до насъ дошли проповѣди. Проповѣди его просты, безыскусственны, онъ не старался блестятъ предъ своими слушателями ни краснорѣчіемъ, ни глубиною своего богословствованія. Онъ преслѣдовалъ чисто практическія цѣли: наученіе и назиданіе своихъ слушателей, изъ которыхъ большинство не обладало достаточнымъ умственнымъ развитіемъ для пониманія краснорѣчивой и слишкомъ содержательной проповѣди.

Не старался св. Левъ быть и оригинальнымъ мыслителемъ — богословомъ. Его цѣлію было сохраненіе въ цѣлости того, что содержится церковью и это только одно онъ ставилъ себѣ въ заслугу. Свое ученіе о соединеніи двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ онъ никогда не выдавалъ за свое собственное, оригинальное ученіе; это, по его словамъ, было ученіе всей римской церкви, съ которой согласны и всѣ другія. И онъ, безъ сомнѣнія, сильно бы сталъ протестовать, если бы кто вздумалъ считать это ученіе самостоятельнымъ его ученіемъ. И св. Левъ дѣйствительно не былъ самостоятельнымъ богословомъ, тѣмъ болѣе въ догматѣ о соединеніи двухъ естествъ. Его ученіе объ этомъ догматѣ носитъ на себѣ слѣды вліянія западныхъ отцовъ, главнымъ образомъ Августина, у котораго онъ заимствовалъ и самую терминологию, хотя ему были извѣстны и восточные отцы: Кириллъ Александрійскій, Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Григорій Богословъ и другіе. Заслуга св. Льва состояла главнымъ образомъ въ томъ, что своею дѣятельностію онъ доказалъ вселенскій характеръ этого ученія. Какъ мы видѣли, IV вселенскій соборъ былъ подгото-

вленъ главнымъ образомъ его дѣятельностію, направленіе въ рѣшеніи вопросовъ о соединеніи естествъ въ Іисусѣ Христѣ—было дано имъ-же въ его „догматическомъ посланіи“ (Ер. XXVIII).

Въ глазахъ католиковъ и ихъ противниковъ протестантовъ св. Левъ принесъ громадныя услуги папству. Онъ первый, по ихъ мнѣнію, вполнѣ ясно созналъ идеи папства, первый старался обосновать ихъ теоретически. Дѣйствительно, ученіе св. Льва о приматствѣ римской каѳедры можетъ быть выводимо изъ нѣкоторыхъ его писемъ. Св. Левъ былъ настолько высокаго мнѣнія о каѳедрѣ св. апостола Петра, что считалъ себя призваннымъ руководить всею церковью (Ер. XII, I). Но это, конечно, не было тѣмъ папствомъ, о которомъ мечтаютъ современные римскіе первосвященники. Строй восточной церкви, гдѣ было много самостоятельныхъ „апостольскихъ“ каѳедръ, на столько не благопріятствовалъ идеямъ современнаго папства, что св. Левъ и думать о нихъ не могъ. Такъ, св. Левъ признавалъ напр. права другихъ церквей и настаивалъ на ихъ охраненіи отъ притязаній, считалъ своею обязанностію подчиняться вселенскому собору и проч.

Православная церковь признаетъ св. Льва папою, которому принадлежало первенство чести во вселенской церкви, но она не признаетъ его вождемъ церкви въ ультрамонтанскомъ смыслѣ. Главнымъ же образомъ она видитъ въ немъ святого и могущественнаго борца противъ еutihianства. Его борьба противъ этой ереси настолько была благотворна для церкви, что поставила его въ ряду вселенскихъ учителей церкви и усвоила ему названіе: „Великаго“.

И. Дроздовъ.